

Гуманитарная парадигма

Электронный научный журнал — сетевое издание

Гуманитарная парадигма

№ 4 (15) 2020 года

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлечёнными редакцией экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: учёных, преподавателей, специалистов-практиков, студентов, магистрантов, участников научно-исследовательской, культурной, музейной, просветительской работы.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — кандидат филологических наук

Людмила Нодариевна Икитян.

Журнал издаётся с июня 2017 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70608 от 03.08.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Л. Н. Икитян.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Ялта, пгт Кореиз, Республика Крым.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://humparadigma.ru>

E-mail редакции: red@humparadigma.ru

При оформлении обложки использована картина М. Л. Анчарова «Новый год». Изображение с официального сайта Михаила Анчарова <http://ancharov.lib.ru> по лицензии (CC-BY-NC).

Редакционный совет

Икитян Людмила Нодариевна — главный редактор, кандидат филологических наук, Межрегиональный институт развития территорий

Члены редакционного совета:

Боева Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

Борисова Людмила Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Ишин Андрей Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Красильников Роман Леонидович — доктор филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Вологда)

Хакимова Елена Мухамедовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

Зябрева Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Синько Галина Иосифовна — кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

Хоменко Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Шалина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Евпатория)

Содержание

120 лет со дня рождения С. И. Ожегова

- Тленшиева Р. Н.** 6
Друг мой закадычный, посидим за кадочкой вина... (гlossарий латинских этимонов русских слов)
- Моря Л. А.** 35
Семантико-стилистическая связность поэтического текста (на материале стихотворения Б. Пастернака «Январь 1919 года»)
- Ачилова Е. Л., Конак А. Б.** 45
Заимствованная лексика на страницах глянцевого журналов

В свете творческой личности А. П. Чехова

- Воробьёва Л. А.** 51
Чехов и современная литературно-художественная традиция Беларуси. Статья вторая
- Невмержицкая Т. Г.** 65
Дача «Омюр»: Чехов, Иловыйские и их окружение
- Боева Г. Н.** 78
Онлайн-«Чеховъ»: новые практики читательских коммуникаций

Литературоведческие штудии

- Икитян Л. Н.** 86
«... уже время наступает к бунту»: русский бунт в творчестве А. С. Пушкина и Л. Н. Андреева
- Миленко В. Д.** 99
«Дюжина ножей в спину революции» А. Т. Аверченко в контексте политтехнологий XX века: к 100-летию первого издания

Дискурсы гуманитаристики

Хоменко Е. В.

122

Дидактические игры в системе патриотического воспитания младших школьников. Статья вторая

Морозова Т. В., Журавский С. Ф., Зуева В. В.

131

Психологические и рече-коммуникативные тактики ведения допроса в ходе предварительного следствия

Дебют в науке

Карлин Ю. С.

139

Литературно-критическая рецепция творчества Ю. К. Олеши в контексте эпохи

Экспериментаниум

Гликерья Околёсина. Поэзия

149

Авторам

151

Content

120 anniversary of the birth of S. I. Ozhegov

- Tlenshieva R. N.** 6
Friend of main, let's drink a tub of wine... (glossary of Latin etymons of Russian words)
- Morya L. A.** 35
Semantic and stylistic system of the poetic text (based on the poem by B. Pasternak "January 1919")
- Achilova E. L., Konak A.A.** 45
Borrowed vocabulary on the pages of glossy magazines

In the light of the creative personality of A. P. Chekhov

- Varabyova L. A.** 50
Chekhov and modern literary-artistic tradition of Belarus. Article 2
- Nevmerzhitskaya T. G.** 65
Cottage "Omyur": Chekhov, Ilovaisky and their encirclement
- Boeva G. N.** 78
Online "Chekhov": new practices readership communications

Literary studies

- Ikityan L. N.** 86
"...time already comes to rebel": russian rise in Pushkin's and Andreev's works
- Milenko V. D.** 99
"Dozen knives in the back of the revolution" by A. T. Averchenko in context of the political technologies of the XX century: to the 100th anniversary of the first editor

Discourses in the humanities

- Khomenko E. V.** 122
Didactic games in the system of patriotic education of primary school children. Article 2
- Morozova T. V., Zhuravsky S. F., Zueva V. V.** 131
Psychological and speech-communicative tactics of conducting interrogation during the preliminary investigation

Debut in Science

- Karlin Yu. S.** 139
Literary and critical reception of Yu. K. Olesha's creativity in the context of the epoch

Experimentanium

- Glikerya Okolesina.** Poetry 149

For Authors

151

120 лет со дня рождения С. И. Ожегова

УДК 81`373.6

Тленшиева Римма Николаевна

Журналист, литературный редактор;

Российская Федерация, Москва, e-mail: tlenshi@yandex.ru

ДРУГ МОЙ ЗАКАДЫЧНЫЙ, ПОСИДИМ ЗА КАДОЧКОЙ ВИНА... (гlossарий латинских этимонов русских слов)

В статье выявляются латинские этимоны в русском бытовом языке и бранной лексике, рассматривается латинское происхождение слов обиходной речи, признанных общеславянскими или собственно русскими, а также русских фамилий (Корнилов, Косыгин, Облонский, Пешков, Проклов, Тёркин и мн. др.), восходящих к латыни. Результаты исследования изложены в русско-латинском гlossарии, составленном автором статьи.

Ключевые слова: этимология, лексикология, словарь, гlossарий, этимон, морфема, метатеза, чередование, экспериментальный.

Rimma N. Tlenshieva

Journalist, editor;

Russia, Moscow

FRIEND OF MAIN, LET'S DRINK A TUB OF WINE... (glossary of Latin etymons of Russian words)

Abstract. *The article is about Latin etymons at Russian common vocabulary and obscene lexis, Latin origin of everyday speech words, acknowledged all-Slavic or essentially Russian ones and Russian surnames that are inheriting Latin patronymics such as: Kornilov, Kosygin, Oblonskiy, Peshkov, Proklov, Terkin etc. Result of this study is Russian-Latin glossary made by author.*

Key words: etymology, lexicology, dictionary, glossary, etymon, morpheme, metathesis, interchange, experimental.

Для цитирования:

Тленшиева, Р. Н. Друг мой закадычный, посидим за кадочкой вина... (гlossарий латинских этимонов русских слов) // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 6–34.

Интерес к истории и языку, которые тесно взаимосвязаны, в России возрос необычайно. В попытке проникнуть в тайны языка к историко-лингвистическим исследованиям подключились д-р физ.-мат. наук А. Т. Фоменко, д-р филос. наук В. А. Чудинов, артист разговорного жанра М. Н. Задорнов и др., открывшие широкий простор необузданным лингвоисторическим фантазиям самодеятельных исследователей языка самого разного образовательного ценза. Несмотря на то, что имена многих получивших сомнительную известность этимологов-любителей внесены в обширный список лингвофриков [4], увлечение так называемой народной лингвистикой остаётся настолько популярным среди широкой массы пользователей языка, что это явление, безусловно, требует некоторых новых мер, а главное, осмысления [1; 3].

Основной причиной дилетантского увлечения лингвистикой нам видится тот факт, что многие функционирующие сегодня в науке объяснения этимологов уже перестали удовлетворять запрос людей к познанию. Так, в словаре одного из авторитетнейших в научной среде этимолога М. Фасмера (все существующие этимологические словари русского языка в основных положениях повторяют его труд) происхождение слов нередко признаётся непрояснённым, либо имеет порой непонятные толкования (как, например, слово *куролэсить* якобы из греч. *Kúrie élēson* [курелеисон] «Господи помилуй») [12]. Трудно принять происхождение «куролесить» от греческого «Господи помилуй», зная, что семантический комплекс этого слова определён значением ‘озорничать, скандалить, безобразничать, буянить во хмелю’. Небесспорным представляется толкование М. Фасмером слов *оплеуха* (якобы от обычая перед ударом плевать на руки), *сквалыга*, *скряга*, *коверкать*, *ретивый*, *порскнуть* и др. Этимологию этих и многих других русских слов мы переосмыслили на основе хорошо известного, но игнорируемого лингвистами-самоучками источника — латинского языка. Недостаточное внимание к латыни с давних пор является общей тенденцией в этимологических исследованиях и стало, как нам видится, одной из причин зарождения любительской этимологии. Во избежание характерного для этимологов-любителей сугубо интуитивного и бездоказательного подхода к

происхождению русского языка автор статьи и предприняла попытку составления русско-латинского глоссария [см. также 9; 10].

Метод исследования основан на сопоставлении латинских слов (корней) с русскими по фонетическому и семантическому сходству; исходя из выявленного латинского корня определяется ряд происходящих от него однокоренных русских слов; смысл латинских слов сопоставляется со смыслом русских слов с примерами (в необходимых случаях) из словарей русского и др. славянских языков, литературы, разговорного языка, географии и пр.

Реконструкция русских слов из латыни производится в соответствии с установленными фонетическими закономерностями (такими как метатеза; синкопа; чередование, озвончение, оглушение согласных; полногласие, неполногласие; протетические и вставные звуки и пр.). Приведём пример из глоссария с чередованием согласных звуков ц/к/ч (лицо>лик>личность): **«Лицо, лик, ликовать; лицей, лицевой, перелицовывать; личность, личина, личный, различный, отличный. Liceo, cui, citum, ěre** продаваться, выставляться на продажу, оцениваться, стоять. Liceo [лицэ́ о]>*устар. рус.* лице́, *укр.* лице́ [лицэ́́]>лицо; liceo>лиц’ина (звук [ц’] – мягкий)>личина; licui>лик, ликовать (от успешной торговли, как следует из значения *лат. liceo*). В. И. Даль: **«Лице́, лицó, ср. лúчико, личúшко, личúще; в возвышенном знач. лик, в бранном рожá, харя <...> || Лучшая, передняя, верхняя, казовая сторона предмета, противопл. ничка, изнанка, тыл, зад. Лицо здания, фасад; лицо ткани, верх; <...> Продать товар лицом, уметь скрасить его, выказать хорошим».** Таким образом, древнее значение слова «лицо» — лучшая, казовая (для показа) часть внешности человека. В цепочке фонетических преобразований «liceo>лице́>лицо>лиц’ина>личина» мягкий звук [ц’] переходит в [ч] в соответствии с фонетическими закономерностями русского языка, общий смысл *лат. liceo* и производных от него русских слов совпадает. От *liceo* как этимологического гнезда происходит ряд слов (формат статьи позволяет перечислить лишь некоторые производные от *liceo*, которых значительно больше), воспринимающихся как общеславянские и собственно русские.

В предложенном глоссарии от латинской корневой морфемы выявляется не только ряд однокоренных обиходно-бытовых слов русского языка, но и, казалось бы, исконно русских фамилий, например: **«Пугать, пугало, испуг, фамилии Пугалов, Пугачёв, Путин, Пужалов. Pugna, ae, f** 1) сражение, поединок, драка, битва, бой; **pugilātus, ūs m** кулачный бой; **pugio, ōnis m** кинжал; **pugnator, ōris m** боец». *Лат.* корень pug- идентичен *рус.* корню пуг-, становится ясным древний смысл слова «испуг» и фамилии

Пугачёв (Бойцов). В словаре М. Фасмера не находим убедительного объяснения темы «пугать»: «**Пугать** <...> первонач. значило “кричать, как филин” и было звукоподражательного происхождения, ср. *укр.* пугу! — крик филина. Сомнительно. Другие сравнивают с *лит.* bū'gti, bū'gstu “пугаться”, *баугinti* “пугать”, *баугùs* “боязливый” и объясняют п- влиянием слова пудить».

Эти примеры демонстрируют, насколько важной задачей является определение языка, из которого произошли русские слова, и восстановление их подлинного первоначального смысла, что могло бы исключить любые псевдонаучные трактовки этимологов-любителей.

Последнее, о чём хотелось бы сказать, предваряя основной корпус работы, это то, что выдающийся лингвист и лексикограф С. И. Ожегов, чей 120-летний юбилей научная общественность отмечает в этом году и памяти которого мы посвящаем данную публикацию, часто говорил о необходимости экспериментальных исследований русского языка, о создании постоянно действующей службы русского слова, учитывающей новые тенденции в языке и дополняющей уже произведённые им самим толкования. Содержание данного глоссария можно назвать экспериментальным, поскольку нами впервые выявляется скрытый смысл слов, воспринимающихся как славянские, собственно русские, от латинских корневых морфем.

Русско-латинский глоссарий

(ок. 140 латинских этимонов русских слов, не включённых в словари иностранных слов)

Примечания. 1. Этимон (гр. *etymon* истина; основное значение слова) лингв. исходное слово, основа или корневая морфема, от которых произошли существующие в современном языке слова. 2. В двусложных латинских словах ударение падает на первый слог. 3. Ударение падает на первый слог перед краткими безударными гласными **ă, ĭ, ō, ū** (*arbĭtri* [árбимпѝ]), долгие гласные обозначаются знаком долготы (*natūra* [натѹра]). 4. Дифтонг -ae произносится [э]: *gulae* [гѹлэ]. 5. Буква *h* в латыни, чешском, словацком, украинском и белорусском языках произносится как фриктивный звук [x]. 6. Мягкость звука обозначается апострофом: *жить* [жѹт'].

Балагур, балабол, балакать, байка, баян, баюн, баюкать, фамилии Балагуров, Балакирев, Баянов. ***Balātro, ōnis*** балагур, шут. В. И. Даль: «**Балáкать** <...> Балаканье ср. болтовня. <...> Балакарить, быть шутком, шутить, как шуты должностные»; «**Ба́ить** <...> в зап. губ. говорить, болтать, беседовать, рассказывать, разговаривать, толковать; бахорить, бакѹлить, балабонить, калякать, гáмить и пр. <...> *Щи хлебай, да поменьше бай.*

<...> || Баянье ср. байка ж. действие по глаг.: говорение, болтание. <...> || Баюнить вологодск. краснобайть, беседовать, занимая разговорами. <...> || Баян м. симб. краснобай, байщик, рассказчик, знающий сказки, песни, духовные стихеры; это стар. баян, боян». Фонетические преобразования: этимон *balätro* [бáлатро] > балагур, балабол, балакать, баян; *balätro* > байть, баян, баюн, баюкать. Общее значение лат. *balätro* и старорус. байть — интересный рассказчик, говорун, краснобай = балагурить, шутить.

Баский, бас (голос), **баска** (оборка), **басня, колбаса**, фамилии Басков, Васильев (см. ниже василевс). В. И. Даль: «**Бáса** яросл. краса, красота, хорошество, пригожество, нарядность, изящество; украшение, наряд, украса, прикраса. **Бáсый, бáский, баскóй, басúстый** красивый, красный, видный, казистый, взрачный, осанистый, пригожий, нарядный, щегольской, разубранный, разукрашенный, изящный; опрятный, причесанный; проворный, расторопный; вежливый, приветливый; речистый, краснобайный; хороший, добротный. Погодьe ныне не бáско таковó. Баскáя капуста, баские щи у вас. || **Баслóвка** ж. (басá и слово) рассказ, сказание, речь». Из определений В. И. Даля следует, что словом *báса* (басá) и производными от него называлось всё самое красивое, великолепное в разных сферах человеческой деятельности. Эти эпитеты происходят от одного латинского слова-этимона *basilīcus, a, um* царский, великолепный. Базилéвс, василéвс — монарх с наследственной властью в Др. Греции и титул византийских императоров. **Коло** (круг) и **басá** > колбаса (баскóй круг). *Круг краковской колбасы. Говяжьи круга́* — термин в кишечном производстве.

Басма, Басманная слобода. Басма — тонкие серебряные, золотые или медные листы с тиснёным узором. Басмой также называли тиснёные верительные грамоты и клейма; басманное набивное полотно и фигурный басманный хлеб, который выпекали при царском дворе (совр. аналог — тульский пряник). Наименования всех видов басмы и басманных изделий происходят от лат. *basilīcus, a, um* царский, великолепный.

Батог, батя. Батог — палка, толстый прут для телесных наказаний в старину. **Batŭo, ui, ěre** бить, ударять. Батати — колотить, бить (словарь русского языка XI–XVII вв.). *Batŭo* > бáтог > батóг (словообразовательная модель острог, налог). Укр. бáтьо, бáтько (см. М. Фасмер. Батя). *Batŭo* > бáтьо [бат'о] > батя (произошло выпадение редуцированного гласного звука [ŭ] с одновременным смягчением согласного звука [t]). Батя как глава семьи имел право, закреплённое в «Домострое», «учить батогом». *Поучат, разок-другой отдуют батожьем, прибавится ума в тебе* (А. Островский. Комик семнадцатого столетия. Комедия в стихах, действие происходит в 1672 г.). Усечённое *batŭo* [бат'yo] (с заменой

краткого безударного гласного *й* на долгий ударный звук *ū*) усвоено тюркскими языками — Батý-хан.

Брат, брáтина. См. рать.

Бревно. *Brevus*, *e* короткий, имеющий небольшое протяжение. В. И. Даль: «**Бревнó** <...> срубленное большое дерево, голомя, очищенное от сучьев и вершины, так, чтобы в отрубках комля и вершины была не слишком большая разница».

Булькать. *Bullio*, 4, (*bullo*) пузыриться, кипеть.

Вал, валенок, валять, валить, обвал, свалка, фамилии Валуев, Валевич, Валовский, Вальков, Валиков, Навальный. *Vallo*, 1, (*vallum*) укреплять валом, окопами; *перен.* окружать, ограждать, защищать; *obvallo*, 1, окружать валом, окапывать; *praevallo* [прэвалло] 1) спереди укреплять, обносить валом. Приставки *ob-* и *prae-* идентичны приставкам *об-* и *пре-* в русском языке.

Велеть, великий, повелитель, Велес (славянский бог). *Veles*, *ītis* *m* велит [вэлит], застрельщик (легковооружённые солдаты, беспокоившие неприятеля неожиданными нападениями); *velitaris*, *e* к застрельщикам (*velites*) относящийся, принадлежащий; *velites*, *um* *m pl.* к *veles*.

Вертеть, вертушка, свёрток, вернуть, свергнуть; вращение, врата, врать, извращать; поворот, ворота, вор (проникающий через ворота; ср. *мошна*>*мошенник*, *карман*>*карманник*, *форточка*>*форточник*), фамилии Вертов, Вертышев, Вертинский, Воротилов, Воротников, Заворотнюк. *Verto* (арх. *vorto*), *verti* (*vorti*), *versum* (*vorsum*), *ēre* 1) поворачивать в другую, противоположную сторону, оборачивать, обращать, направлять; 3) (деньги, доходы) обращать куда-либо; 11) поворачивать в разные стороны, вертеть; 12) *pass.* вращаться, сновать; 18) насильно опрокидывать, низвергать, валить, разрушать; 19) ниспровергать, уничтожать, губить; *vertigo*, *inis* *f* обращение, кружение; *praevertō* (*praevorto*), *verti* (*vorti*) 1) прежде приниматься за что-либо, прежде заняться чем-либо.

Вода. *Vadum*, *i* *n* 1) брод, мелкая вода, мелкое место (*vado* бродом, вброд); 4) *поэт.* фарватер, воды; *vadōsus*, *a*, *um* имеющий много неглубоких мест, наполненный мелями, мелкий.

Воля, изволить, дозволить. *Volo*, *āvi*, *ātum*, *āre* 1) летать; 2) спешить, стремиться; *volō*, *ōnis* *m* находившийся в военной службе по своей воле, волонтёр; *praevo*, *āvi*, *ātum*, *āre* лететь впереди. Ср. устойчивое словосочетание *вольная птица*.

Гулять, гуляка, загул, фамилии Гуляев, Гулевский. *Gula*, *ae*, *f* 1) глотка, пищевое горло; 2) аппетит; 3) прожорливость (*gulae parens* прожора,

кутила). *Залить глотку (горло). Пить (жрать) в три горла. Сербохорв. гулити «пьянствовать».*

Гребень, гребец, сгребать, погребение, погреб, фамилии Гребнев, Гребёнкин. **Creber, bra, brum** 1) частый, многочисленный; 5) часто делающий что-либо (creber pulsat часто ударяет). Чеш. hřeben, слов. hřebec гребень (см. М. Фасмер. Гребень). Creber>hřeben [г^хребэн]>гребень. Частый гребень. Грести под одну гребёнку. Грести — часто ударять веслами по воде, граблями — по земле, по высохшей траве (сгребать сено) и т. п.

Дать, дань, податель, приданое, дача, удача. Datio, ōnis f 1) предоставление; 2) право давать, предоставлять; **dator, ōris m** кто даёт, податель.

Диво, дивный, удивление, фамилии Диваков, Дивеев. **Dives, vītis** богатый, драгоценный; **praedives, ītis** пребогатый, весьма богатый.

Доля (о судьбе). **Dōleo, dolui, (dolitūrus), ēre** 1) болеть, причинять боль; 2) огорчаться, печалиться, скорбеть, оплакивать; 3) причинять боль, скорбь.

Дорога, дорого, дрога. Dromas, ādis m бегущий. Dromas>дрога>дорога — бегущая. Польск. droga дорога, в.-луж. dróha след, дорога, улица (см. М. Фасмер. Дорога). Словообразовательная модель: острога, тревога, тренога. Дрога́ — брус, соединяющий переднюю и заднюю оси телеги, отсюда дрóжки — лёгкая повозка. В совр. рус. яз. дорога ассоциируется со словом «бежать». Далеко **бежим** дорога, впереди веселья много (Ю. Энтин. Песенка Буратино). На лугу у той дорожки, что **бежим** к нам прямо в дом, рос цветок на длинной ножке — белый, с жёлтеньким глазком (М. Познанская. Ромашка). Дорóга>дóрого, дорогóй, дороговизна. Чем длиннее и труднее дорога, тем больше расходов на доставку товаров и дорожке товар.

Дочь. Dos, dotis f 1) приданое; 2) дар; **doto, āvi, ātum, āre** давать приданое, наделять приданым. В. И. Даль: «**Дочь, дóчка, дóчерь, дщерь; влад. дóтка, доть; дóченька, дóчúшка, дочénка, дочерúшка, дочúхна**». Фонетические преобразования: dos>дости, дошти>ст.-слав. дъшти, дъчи, дъчерь>дочь; дъчерь>дщерь; doto>влад. дотка, доть>дочь. В дщерь от dos сохранился однобуквенный корень д-. Однокоренное с дочь — дотация. Такое же заботливо-прагматичное значение имеет слово сестра, см. ниже.

Дубина (о человеке). **Dubius, a, um** 1) колеблющийся, сомневающийся, недоумевающий; 2) колеблющийся, нерешительный; 3) ненадёжный; 4) сомнительный, подлежащий сомнению, неверный; 6) критический, трудный, опасный. В словарях: дубина — маловосприимчивый, тупой человек и толстая деревянная палка.

Дума. См. ум.

Дурак, обдурить, дурной, фамилии Дураков, Дуров, Дурново, Дуреев. **Durus, a, um** 1) твёрдый, жестокий; 4) грубый, неискusный, тяжеловесный;

5) крепкий, закалённый, приученный к трудам; 7) строгий, суровый к себе, привыкший к самоотвержению; 9) невосприимчивый, тупой; 10) строгий, суровый, бесчувственный, непреклонный; **praedūrus, a, um** претвёрдый, весьма крепкий, весьма сильный; **obduro, __, __, āre** оставаться твёрдым, выдерживать. Встарь фамилии Дураков, Дурново, Дуров и Дуреев носили самоотверженные, стойкие в убеждениях и невзгодах люди (см. значения 5 и 7). Из всех значений *durus, obduro, praedurus* до нашего времени дошли негативные значения 4 и 9.

Еда, едок, есть, снеть, снедать. Edax, āsis 1) прожорливый; 2) снedaющий, истребляющий, уничтожающий; **II ēdo, edi, esum, edēre** и **esse** есть, пожирать; **edūlis, e** съедобный, съестной. В. И. Даль: «**Снеть** ж. еда, ество, ежа, ежево, едево, яство, пища, харч, выть, сыть, брашно, съестное, все, что снедно, что съедомо, что можно есть, чем питается человек или животное». Снеть — совокупность всей еды, снедать — приглашение к совместной еде (приставка с- в значении «вместе», вставной согласный н-, корень еда-, глагольное окончание -ть). *Садитесь снедать, мужики! Уха, должно быть, с к у с н а я!* (В. Липатов. Капитан «Смелого»).

Журить. Jurgo, āvi, ātum, āre 1) ссориться, браниться; 2) бранить; **objurgo, āvi, ātum, āre** бранить, порицать, делать упрёки, выговаривать *alqm*.

Жена, женщина, женитьба, жених. Genēro, āvi, ātum, āre рождать, производить, создавать; *pass.* происходить; **generator, ōris** родитель, родоначальник. *Genēro>гено>црк.-сл. жено>жена>женщина* — рожающая.

Земля. См. семья.

Итак, так. Itā так, таким образом; **itāque** [ítakvэ] итак, следовательно, посему.

Кадь, кадка, кадушка, кадык, закадычный, кадило, кадить, чадить, чад, фамилии Кадочников, Кадышев. **Cadus, i m** 1) кувшин; 2) сосуд для золы; 3) *поэт.* вино; **cadus, 1, m.** кружка, кувшин для вина. Скорее всего, выпирающий мужской кадык назван так по сходству с ручкой кружки или кувшина (*cadus>кадык*). Забавная метафора, но, как говорится, жизненная. Ср. загадку «Через тын да в кадку» (зубы и рот, глотка, желудок). Друг мой закадычный (зака́дочный, закувшинный)... Современный аналог — собутыльник.

Камора, каморка, камаринский мужик (из русской плясовой песни), **Комарово** (о селениях). **Camāra, ae f = camera; camēra (camāra), ae f** 1) свод, сводчатый потолок; 2) *ист.* помещение, комната, зал (с. *mercatoria* склад товаров; с. *monetario* обменная лавка); 3) *ист.* правительственное здание, в котором контролировался вес товаров; 4) *ист.* казна. На острове Сицилия (Греция) был разрушенный в I в. город Камарина (основан в 599 г. до н. э.). В Греции расположены города Камари и Камарес, акведук Камарес на Кипре, порт Камарес на о. Сифнос; д. Дейр-эль-Камар

(Ливан), залив Эль-Камар (Аравийское море, у побережья современного Йемена), с. Камарис (Армения), Камар, Заркамар, д. Камари Мугул (Таджикистан), г. Камар (Узбекистан, Джизакская область). Близ Балаклавы и Севастополя находится с. Оборонное, его старинное название — Камара, в Калининградской области Озёрского района пос. Камаричи. *Samāra* [кáмара]>камáринский. В славянских языках латинский корень *samār-* преобразился в *комар-*, чему способствовал перенос ударения: *samāra* [кáмара]>*утрач.* Камáрово, Камарóво>Комарово. В России насчитывается 54 населённых пункта Комарово, в Украине их 4, в Беларуси 1, в Польше 1 — вряд ли такая честь могла быть оказана неприятному насекомому. Название Камáрово (Комарово) означало Торговое, а «исконно русский» камаринский мужик среди своих предков мог иметь латиноязычных торговцев.

Кáпище, капуста. *Caput, ītis* *n* 1) голова; 2) человек, лицо (*in capita* на душу, на человека); 7) главная причина, первопричина; 11) глава, главное лицо, предводитель; 12) главная часть, сущность; главное дело.

Кат, каторга, каторжник; катать, катить, каток, катушка, фамилии Катаев, Катков, Катушкин. ***Catēna, ae f*** 1) цепь, оковы; 2) узы, принуждение; ***catenātus, a, um*** скованный, связанный.

Клад, кладовка, склад, класть, меч-кладенец. *claudio, clausi, clausum, ěre* 7) запира́ть, прятать под замок; 9) утаивать, скрывать.

Клин, клинок; наклон, поклон, склон, фамилии Клинков, Клинецвич, Поклонский. ***Clinātus, a, um*** наклонённый; ***recline*** назад клонить, сгибать, приклонять, прислонять. *Clinātus*>клинок, наклонённый, клонить, склон, прис(к)лонить, прислонить. Д. Н. Ушаков: «**Прислони́ть** <...> Поставить наклонно, привалив верхней частью к какой-нибудь опоре». В *прислонить* от *clinātus* сохранился однобуквенный корень «л».

Коверкать. *Verto* (арх. *vorto*), *verti (vorti), versum (vorsum), ěre* 1) поворачивать в другую, противоположную сторону, оборачивать, обращать, направлять; 18) насильно опрокидывать, низвергать, валить, разрушать; 19) ниспровергать, уничтожать, губить; ***convertito (convorto), verti (vorti), versum (vorsum), ěre*** 7) вращать, вертеть; 13) превращать, переменять, изменять; *pass.* подвергаться изменению, превращаться. В. И. Даль: «**Ковéркать**, коверкавать что, гнуть, ломать, мять, сгибать кое-как. Читая, он коверкает и заламывает книгу. Его падучая коверкает, бьёт или корчит». *Verto, convertito*>ко(н)веркать>коверкать (одно из значений приставки *со-* совместно с чем-л.; связь, соединение, вместе.) Однокоренные слова конверт, конвертация, конверсия. См. вертеть.

Кóпи (о недрах), **копить, копилка, скопидом, копейка,** фамилия Копейкин, г. Копейск. ***Copia, ae f*** 1) достаточный запас, достаточные средства,

изобилие; 2) запасы, средства, состояние, благосостояние; 3) деньги, капитал, состояние, имущество. *Сколотить копейку* — накопить, заработать денег.

Корить, укор, покорный, оскорбление, скорбь. Cor, cordis *n* 1) сердце; 2) лицо; 3) душа, существо; 4) чувство, настроение (*cordi est atei* лежит что-либо на сердце, дорого кому-либо, приятно кому-либо); 5) рассудок, благоразумие. Сердце — главный, центральный орган иместилище всех чувств. *Рус.* сердце от *др.-рус.* середя (срединный, центральный)>середце>сердце>*укр.* сердце.

Корнать, обкорнать, корноухий, корносый/курносый. Cornu, ūs (*редко cornum, i*) *n* и **cornus, ūs** *m* 1) рог. М. Фасмер: «**Корнать** -аю „подрезать, усекать, укорачивать“, *укр.* корняти „колоть, бить, рубить“, *болг. диал.* кórна, кórнувам „выдираю“». В ветеринарной практике сохранился латинский термин декорнуация — удаление рогов животного или препятствование их росту. В. И. Даль: «**Корнать** что, *орл.* корновать, коротать, обрезать, остригать, окорачивать, обрезать в излишке или как ни попало <...> Корноухий, корнокрылый, корнохвостый и пр. у кого отстрижено ухо, крыло, хвост. <...> Корносый, курносый у кого нос будто окорочен, мал, туп, вздёрнут».

Король (от короля до корыта). **Cor, cordis** *n* 1) сердце. Корень *cor-* со значением «главный» имеют слова: король (главный в государстве; фамилия Королёв), корона (главное украшение), корова (главное животное в хозяйстве; фамилия Коровин), Корсика, Кордова, Корсунь, корвет, корабль (Кораблёв), корма (корабля), кормчий, корчма, корм (Кормильцев), корень (Коренев, Корнилов), кора и такой второстепенный бытовой инвентарь, как короб (Коробов, Коробейников), корзина, кормушка, корчага (Корчагин), корыто и др. предметы, которые имели в бытовом обиходе древних статус **главных**, каждый в своей сфере применения, а также деятельности или функционирования, как, например, корсар или коршун (Коршунов).

Кость, косный, закоснелый, космы, косматый. Cos, cotis *f* 1) твёрдый камень; 3) точильный камень, оселок; **costa, ae** *f* 1) ребро. Фамилии Косарев, Косачёв, Косыгин (Каменевы), Костарев (Ребров).

Краса́, красота, красный, краска, фамилии Краснов, Красоткин, Красухин. **Crasse** 1) толсто, густо; 2) грубо, просто; **I crassus, a, um** 1) толстый, густой; 2) толстый, тучный; 3) плотный, здоровый. *Crasse* [крассэ]>краса́, красный, красота, красивый. В. И. Даль: «**Краса́** <...> || Кра́сень *м.* красавец, *арх.* здоровяк, кровь с молоком. <...> || Кра́сеха *ж.* *пск.* дородная, здоровая женщина, красуха». Привлекательную девицу называли «красной» независимо от наличия или отсутствия в её наряде красного цвета. Древнерусские эталоны женской красоты: крепкое телосложение, высокая

грудь, крутые бедра, круглое румяное лицо, длинная коса. Бледная кожа и хрупкое телосложение воспринимались как симптомы болезни или физической недоразвитости. Слово «красный» говорило поначалу о превосходном качестве, искусной работе, красоте изделия или явления: красна девица, красно лето, красно солнышко, красну речь красно и слушать, краснобай, красный угол, красный товар, Красная (добротная, хорошая) площадь, на миру и смерть красна. В Древней Руси для обозначения цвета крови использовались слова *червленный*, *червонный* от «червь», так как краску такого цвета делали из особых червей — польской кошенили. С XVI в. высшая степень качества была перенесена на популярный цвет — красный.

Крепь, крепить, крепкий, крепость, фамилии Крепаков, Крепачёв, Крепин, Крепостин, Крепышев. ***Crepidō, īnis*** 1) цоколь, базис, основание; 2) ограда, возвышенная насыпь; 3) прибрежная плотина, набережная.

Крутить, крутизна, крутой, кручина. *Crucio, āvi, ātum, āre* 1) мучить, терзать, пытаться; 2) терзать, томить. *Crucio* [круцы́о]>крутить, выкручивать. Д. Н. Ушаков: «**Выкру́чивать** <...> | Крутя, повредить, вывернуть (*прост.*). Мальчику выкрутили руку». *Crucio*>круц'ина>кручина. В укр., белорус. и болг. яз. сохранился мягкий звук [ц']. В. И. Даль: «**Кру́чина** <...> крушить нравственно человека: грусть, тоска, печаль, огорчение, горе, длительное душевное страдание, томление».

Кудесник, кудри, кудель, кудлатый; чудо, прокуда, кузнец, фамилии Кудинов, Анкудинов, Кудачков, Кудашев, Кудрин, Кудлин, Кудлов, Прокудин, Кузнецов. ***Cudo (cudi), (cusum), ěre*** бить, колотить; ***procudo, cūdi, cūsum, ěre*** 1) ковать; 2) обрабатывать, образовывать. В. И. Даль: «**Куд** <...> Кудесный, волшебный, чудесный. <...> Кудра об. новг. олон. шалун, проказник, куролес, пакостник; кто прокудит, бедит. Кошка кудра, прокудница»; «**Проку́дить**, проку́живать (от куд, кудес), шалить, дурить, проказничать, проказить и творить пакости»; «**Кудёрь** <...> Кудрить шерсть, *ниж.* скатывать в кудель, свертывать **избитую** шерсть». Фонетические преобразования: *cudo*>чудо, кудесный, чудесный; *cudo*>куд(з)ня, ку(д)знец (*ср.* кудель>белорус. кудзеля; кудряшки>белорус. кудзерки); *cudo*>кудерь, кудель, кудри, кудлатый. *Кудлатому куд(з)нецу кудри к лицу*.

Купель, купать, купаться. *Cupa, ae f* кадка, бочка.

Купить, купец, скупать, скупой, фамилии Куплин, Купцов, Куплянцев. ***Cupīdo, īnis f*** (иногда *m*) 1) страстное желание, страсть; 2) алчность, жадность, корыстолюбие, сребролюбие, любостяжание; ***cupio, īvi (ii), ītum, ěre*** 1) сильно желать чего-либо, страстно стремиться, жаждать. *Cupīdo, cupio*>купить>купец.

Кум, кума, кумовья. II *cum* *praep. cum abl.* 1) с, вместе с; 2) в сопровождении; 3) в союзе с, при содействии. Семьи, не состоящие в родстве, заключали устный договор о взаимной помощи.

Курочить, куртка, короткий, краткий, фамилии Коротков, Коротченко. *Curto, āvi, atum, āre* укорачивать, уменьшать; *curtus, a, um* 1) укороченный, короткий; 2) неполный, скудный. *Curto* > курточить > курочить. Раскурочивать — разбирать на части, приведя в негодность; в общем смысле нечто крупное делать мелким, разбирая на детали, разрезая на лоскуты, разбивая на обломки (иногда из раскуроченного делать что-то другое). С выявлением корня от *curto* изменяется морфемный разбор: в корне куроч- вычленяется латинский корень *cur-*.

Куролесить. *Curto, āvi, atum, āre* укорачивать, уменьшать; *curtus, a, um* 1) укороченный, короткий; 2) неполный, скудный. *Curto* > куртолесить > куролесить. Словообразовательная модель: околесить (нести вздор, говорить вокруг да около). В словарях: дурить, проказить, озорничать, скандалить, буяннить во хмелю. *Пили целую неделю, куролесили: ходили по деревне с песнями, разбили гармонь, разворотили в доме печь-временку* (В. Арсентьев. Русское поле). С выявлением корня от *curto* изменяется морфемный разбор: в корне куролес- вычленяется латинский корень *cur-*.

Кус, кусать, кусок, укус, вкус, искус, искусство; искушение, кушать, кушанье. *Cuspis, īdis* 1) острый конец, кончик, острие; 2) копьё; 5) *анат. с. dentis* острие зуба. В. И. Даль: «**Кúшать** <...> Только надкушал, отведал. Обкушал всех. Откушать, надкушать и докушать». *Cuspis* > кус, кусать, кушать, вкушать; кус > кусанье, кушанье (чередование согласных с/ш); надкушать = надкусить. Древнее значение глагола «кусать» — это действие по отделению зубами маленьких порций пищи от большой порции.

Ласка (проявление любви), **ластиться, ласковый; ласка** (зверёк). *Lascivia, ae f* 1) чрезвычайная весёлость, резвость, шалость; 2) необузданность, дерзость, распутство. Зверёк ласка (длина туловища 16 см) способен совершать дерзкие набеги в личные хозяйства населения и опустошать курятники. Народная молва считает, что ласка, перебегая по крупу лошадей и цепляясь за гриву, запутывает её в космы и колтуны, словно заплетая в косички. Испуганная лошадь не может скинуть с шеи озорного агрессивного зверька. Раньше на конюшнях держали козла — считалось, что его запах отпугивает ласку.

Лень, лениться. *Lenē adv.* тихо, нежно; *lenīter adv.* 1) мягко, тихо, медленно, мало-помалу, слегка; 2) кротко, спокойно.

Лепо, лепота, лепший, лепнина, нелепость, великолепно. *Lepor (lepos), ōris m* 1) привлекательность, прелесть; 2) весёлость, весёлая острота, тонкий юмор.

Лицо, лик, ликовать; лицей, лицевой, перелицовывать; личность, личина, личный, различный, отличный. Līceo, cui, cītum, ěre продаваться, выставляться на продажу, оцениваться, стоить. Līceo [лицѐо]> *устар. рус.* лицѐ, *укр.* лицѐ [лицѐ]>лицо; līceo>лиц'ина>личина; līcui>лик, ликовать (от успешной торговли, как следует из значения *лат.* līceo). В. И. Даль: «**Лицѐ**, лицѐ, *ср.* лѐчико, лѐчѐшко, лѐчѐще; в возвышенном знач. лик, в бранном рожа, харя <...> || Лучшая, передняя, верхняя, казовая сторона предмета, противопл. ничка, изнанка, тыл, зад. Лицо здания, фасад; лицо ткани, верх; <...> Продать товар лицом, уметь скрасить его, выказать хорошим». Таким образом, древнее значение слова «лицо» — лучшая, казовая (для показа) часть внешности человека.

Лучина, лучиться, луч. Luceo, luxsi, _, ěre 1) быть светлым, светить; 2) быть видимым, виднеться; 3) быть ясным, очевидным, выдаваться; **lucerna, ae** лампа. Luceo [люцѐо]>луц'ина>лучина.

Любо, любовь. Libens (lubens), entis 1) охотно, с удовольствием делающий (*animo libentissimo* весьма охотно); 2) весѐлый. Lubens [любѐнс]>любо>любовь>любить; libens>*нем.* Liebe [либѐ] любовь. *Серб.* волети [вѐлѐти] любить. Первоначальный смысл слова «любовь» в том, чтобы не ограничивать волю дорогих сердцу людей, всё друг для друга делать с удовольствием, охотно и весело. Так и есть между любящими людьми.

Малец, мальчик, молоток, молодец, фамилии Мальцев, Малюта. Malleus, i m молоток. Молот — древнее ударно-дробящее орудие двойного назначения, применяемое в кузнечном и военном деле. Malleus [маллѐус]>маллец>малец>мальчик — будущий молотобоец (боец-воин или кузнец); мѐлот>молотѐц, молодѐц, мѐлодец. *Ну ты молоток! Ну ты молодец!* (про удалого, искусного в чѐм-л. человека).

Мало, маленький, малый, малыш, фамилия Малышев. Malo, malui, _, malle 1) больше хотеть, лучше желать, предпочитать; 2) желать больше добра, быть более расположенным.

Манить, манок, манипулировать, обман, приманка. Manus, ūs рука; **manipŭlus (maniplus), i m** 1) горсть, пучок; 2) пучок сена, привязанный к шесту и представляющий первоначально знамя римского войска. В. И. Даль: «**Манѐть**, мѐнивать кого, чем, куда, мѐнѐть, мѐнивать, звать знѐком пальцев, кивая, мигая».

Мастер, мастак, мастеровой. As, assis, m. асс. 1) единица меры; 2) медная монета. Ассарий — мелкая монета в Римской империи. Ас>астер>мастер. *Ср.* протетические звуки в начале слова: ржаной и *дуал.* аржаной, *белорус.* гѐта 'этот', *укр.* вулиця 'улица'. От денежно-сѐтной и весовой единицы талант происходит прилагательное талантливый (оба

«денежных» слова — мастер и талантливый — означают одарённость в любой сфере деятельности). Совр. ас — большой мастер в своём деле, ремесле, обиходно — высококлассный специалист. *Лётчик-ас. Танкист-ас.*

Мент. *Mentior, ītus sum, īri* 1) говорить неправду, лгать; 2) вымышлять, выдумывать, сочинять; 3) не держать слова, обманывать, не оправдывать; 4) ложно выдумывать, что-либо не существующее ложно показывать, вводить в обман чем-либо, воспользоваться чем-либо как предлогом; ***mentītus, a, um*** 1) выдуманный, сочинённый; 2) ложный, мнимый, поддельный.

Милиция, милый, милость. *Militāris, e* 1) солдатский, военный; ***militia, ae, f*** 1) военная служба; ***miles, ītis m, f*** воин, солдат. Милый от *miles* означало воин, защитник; что могло быть милее в суровые времена, чем чувствовать рядом с собой надёжное плечо защитника? Древний смысл словосочетания «милости просим» (вежливое приглашение прийти, приехать в гости или войти, принять участие в беседе, угощении и т. п.) — приглашающий смиренно просит у гостя защиты и помощи.

Молоть, помол. *Mola, ae f* 1) жернов; 2) мельница.

Морда. *Mordeo, momordi, morsum, ěre* 1) кусать; грызть; язвить; 2) захватывать, вцепляться; 5) язвить, колоть; 6) уязвлять, чувствительно оскорблять, делать кому-либо больно, огорчать *alqm*.

Мот, моторный, муторный, мотать, моток, мотыга, мотовило, измотанный, мотылёк, мотыляться, фамилии Моталов, Моторин, Мотыченков, Мотыгин. ***Motor, ōris m*** двигатель; ***motus, ūs m*** 1) движение. *Motus* [мóтус]>мотать, моток, мотовило, измотанный; *сербохорв.* мóтика, *н.-луж.* mótyja, mótyka (см. М. Фасмер. Моты́ка). *Motus*>mótyja, mótyka>мотыга. Буквальное значение: в движении (орудием труда) во что-л. тыкать. В. И. Даль: «**Мотáть** <...> Мотóра, моторы́га об. *ниж.* моты́га, мот, расточитель. <...> || **Мотóрный** южн. тул. пенз. вологодск. проворный, живой, расторопный. <...> || **Мóторный** прм. сиб. (морготный?) несносный, постылый, противный и навязчивый. <...> || **Мотыль** м. -лэк, -лечек, метляк, метелок, бабочка, порхунок». Мóторный>мúторный (ср. перегласовку порнуть/пырнуть, корносый/курносый).

Муж, мужик, мужчина. *Muscŭlus, i m* 2) мышца, мускул. *Muscŭlus* >мусц'ина>мущина>мужчина>муж — мускулистый, сильный. В. И. Даль: «**Муж** <...> Мужчина, мущина м. человек рода он, не женщина, мужского пола».

Мурло, мурка, мурлыка, мурлыкать, мурчать. *Murmur, ūris n* 1) бормотание, шёпот, говор, жужжание; 2) журчание, шум, гул, грохот (грома). В. И. Даль: «**Мурлó, мурнó** ср. южн. тамб. (*татрс.* муру́н, нос?)

рыло, морда, рожа, мусалы, сус(сы)салы, мордасы. **Мурластый**, мордастый, толсторожий. **Мурлыкать** или мурныкать, **-кивать**, **-кнутъ** кричать тихо кошкой, урчать негромко, петть себе под нос, напевать или ворчать про себя, невнятно. <...> *Выпусти кошку, слышь мурлычет*».

Мытарь, мытариться, мыть, мыло. Mitto, misi, missum, ěre 1) пускать, посылать, отправлять; 4) пересылать, препровождать как подарок*, пересылать, передавать что-либо; 5) (людей в качестве воинов) посылать, поставлять, выставлять; 6) (предметы торговли или доход) поставлять, доставлять. Mitto [мЫ́тто]>мытарь, мытариться. В. И. Даль: «**Мы́тѹть** <...> *Мы́тѹться*, как бы очищаться: мыт, пошлина, очистка и пр. от *мыть*. **МЫ́ТО** ср. стар. пошлина за проезд в заставу, через мост, или за провоз товара, припасов; акциз, сбор».

* Ст.-сл. мыто подарок, взятка. Одно из значений совр. *отмыть* — выводить финансы из теневой экономики, очищая их посредством подарка (взятки). В. И. Даль: «**Мыть** <...> рука руку моет, друг друга кроют, очищают»; «**Правый** <...> || **Правда** <...> Неумытность, честность, неподкупность, добросовестность».

Обирать, оброк, брать, бремя. Obaerātus, a, um [обэратус] обременённый долгами; **obaerāti, ōrum** т должники. Буквальное значение *обирать* — загнать в долги.

Обитель, обитать. Habito, āvi, ātum, āre 1) обитать, жить, населять; 2) жить где-либо; 3) бывать, постоянно находиться. В римском праве **habitatio** — право жить в чужом доме. В *habito* утрачен звук [h], ср. *historia* история.

Область, облако, облый, оболочать, оболочка, болонь, облекать, обложить, фамилия Облонский. Oblongus, a, um продолговатый (где **longo** далеко, вдали, вдаль); **prolongo** продолжаю, юр. удлинить установленный для чего-нибудь срок. В. И. Даль: «**Облый** (от оболочать, огибать кругом, как видно из прочих производных), *сиб.* обельной, круглый, округлый». *Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй* (А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву).

Оборот, оборотень, обратить, обратно, наоборот. Roto, āvi, ātum, āre 1) вертеть, кружить; *pass.* вертеться, кружиться. 2) вертеться, кружиться; **roto, ae f** колесо; 6) окружность; 7) непостоянство, превратность. **rotatio, ōnis f** анат. круговое движение, вращение. Ср. торговый оборот (приставка обо- означает направленность действия, движения по окружности вокруг предмета, распространение действия на всю поверхность предмета, на все его стороны). *Хочешь жить — умей вертеться*.

Обретение. См. ретивость.

Обрушить, обрыв. См. руина.

Обувь, унты. Лингвисты в слове «обувь» вычленили корень у-, но не сообщают, от какого слова произошёл этот однобуквенный корень. В. И. Даль: «**Унты** ж. мн. сиб. хутулы, бахилы, сапоги из замшевой оленины, конины, барловины; || влгд. суконная теплая обувь». Фонетические преобразования: унты>обунтиться>обуться. Выпадение группы звуков в середине слова называется синкопой (напр., Иванович>Иваныч, цесаревич>царевич, стекло>укр. скло>склянка). Теперь выясним, из какого языка слово **унты**. Что такое обувь в общем плане? Это два предмета, которые имеют практическое применение только в паре, что отражено в поговорке «Два сапога пара, да оба на одну ногу». Лат. **una adv.** вместе; **ūnio, 4, (unus)** соединять. Уна>унты (соединённые вместе). География распространения унт широкая. В. И. Даль пометкой влгд. сообщает, что унты были распространены на вологодщине, унты — популярная обувь у эвенков. Старинное село Унты́ (Соединяющее/Союзное) находится в Гунибском районе Дагестана. Упразднённый пос. Унты был в Тернейском районе Приморского края.

Оплеуха. Plecto, _ , _ , ěre наказывать, карать; *pass.* plector наказываться ударами. Сложное слово о-плект-уха>оплеуха (приставка о- со значением «вокруг», синкопа с выпадением согласных «кт» в середине слова). Буквально «наказывать вокруг уха». См. плеть.

Палец. Palma, ae f 1) ладонь, рука (*анат. р.* manus ладонь [кисти]); 2) пальма, пальмовое дерево; **palpatio, ōnis f** мед. пальпация, метод диагностического исследования посредством ощупывания; **acer palmatum** клён дланевидный. Palma [пальма]>пальцы>пальпация.

Парень. Pareo, ui, ĭtum, ěre 3) повиноваться, слушаться; 4) соображаться, приноравливаться, руководствоваться; 5) быть подвластным, подданным, подчиняться; **I parens, entis** послушный, покорный. В. И. Даль: «**Пáрень** паренёк, парéш, парешёк, парнiок, парнiшка, парнiюга, парнiуженька; парнiща; мн. пáрни и пáрья; óтрок, юноша, молодой человек, детина, молодец; холостой». Пáря в сл. под ред. Д. Н. Ушакова ласк. к парень. Pareo>пáрья>пáря>парень; parens>парень, gulae parens прожора, кутила. Парень и отрок — синонимы; отрок, по определению Даля, — слуга, работник, что соответствует значениям лат. pareo.

Пасти, пастух, фамилии Пастухов, Пастушихин, г. Псков. Pasco, pāvi, pastum, ěre 1) пасти; 2) кормить, содержать; 4) скотом стравливать. Pasco [пáско]>пáсков>Паскóв>Псков — Луговой/Пастбищный.

Пердеть, пёр(д)нуть, пердун, запёрдыш. Perdo, dīdi, dītum, ěre 1) губить; 2) поэт. убить; 3) тратить, мотать; 4) портить; 5) безвозвратно потерять, лишиться чего-либо; 6) проиграть. В словарях: портить воздух, вонять; проиграть, упустить. Чирик (десять рублей) в преф (преферанс) пропердел;

Насчёт скупки, так папа её прикрыл, как узнал, что аукцион ты пропердел (С. Данилюк. Рублёвая зона. 2004).

Попрекать, наперекор, прекословить, перечить, поперёк, вопреки. *Precor, ātus sum, āri* 1) просить, молить, с мольбами взывать; 2) желать кому-либо добра или зла; *deprecor, ātus sum, āri* 1) настоятельно, настойчиво, убедительно просить, умолять о чём-либо; 3) просьбой, мольбами стараться отворотить, отвращать, умолять. *Precor*>(во)преки; (на)прекор>(на)перекор; *precor*>(по)прекать>(по)перёк>перечить. В. И. Даль: «**Наперекор** кому, нар. назло, впротивность, вопреки»; «**Препина́ть** <...> Они препинаются, перекоряются, делают все друг другу вперекор».

Пеший, пешком, пехота, пешеход, пешкодралом; спешиться, спешить, спешно, успешно, успех, фамилии Пешев, Пешенцев, Пешков. *Pes, pedis* *m* 1) нога человека или животных (*pedibus* пешком, сухопутным путем, по (на) суше. *Pes*>пéший, пéшком/пешко́м, *дуал.* пехий, *прост.* пехом, пёхом (чередование согласных с/ш/х). Сбить всадника с коня, заставить его спешиться на языке военных означало успех. Спешенный строй (пехота) представлял собой грозную силу. *Пушки их на нем расставлены; драгуны спешились и посылают шведам свои посылки на разрешение* (И. И. Лажечников. Последний Новик. 1833). *Выезжают погулять, руку правую потешить, сарачина в поле спешить* (А. С. Пушкин. Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях). Слово «успех», распространённое в гражданско-бытовой сфере, входит в современный «Словарь военных терминов».

Плаха, плашка. *Plaga, ae f* 1) удар, толчок; 2) ушиб, рана. В словарях: обрубок дерева, на котором отсекали голову казнимого, а также помост, на котором совершалась казнь. *Нести голову на плаху* означало подставить голову под удар (секиры, топора или меча).

Плен, пленительный. *Plenus, a, um* 1) полный; 2) здоровый, толстый; 4) насыщенный, сытый; 5) пресыщенный; 5) богато снабжённый, богатый чем-либо, имеющий много чего-либо; 10) полный, совершенный; 11) сильный. Предположительно слово «пленить» означало попасть во власть кого-то сильного и богатого; со временем появилось значение поддаться силе чьего-то обаяния, напр., пленить красотой, умом, хорошим вкусом.

Плеть, плести, плетень, фамилии Плёткин, Плетнёв. *Plecto, __, __, ёre* (см. оплеуха). *Plecto*>плеть. Плести, плетень — метафоры от *плеть*, по признаку внешнего сходства с плетёной плёткой.

Пономарь, понимание, фамилии Пономарёв, Пономарчук. *Posui, positum, ёre* божественным в дар принести, посвятить. М. Фасмер: «**Иметь** имéю, *др.-рус., ст.-слав.* имамъ, имѣти, *сербохорв.* íмаѣм, íмати, *словен.* ímaŋm, íméti». Яти (ять) — постичь, иметь. *Posui, имати*>понимати; *ропо, яти*>поняти; *ропо, ять*>понять (божественное иметь, приять, принять).

Только в рус. яз. *понимание* означает божественное иметь; в других славянских языках *понять* передаётся производными от слова «разуметь».

Поросё, поросёнок, опорос, супоросность; порка (о наказании), **пороть** (по шву), **напороться, пырнуть**. *Porca, ae f* свинья; *porcus, i m, f* 1) свинья, боров; 2) кутила. *Porca, porcus > др.-рус., укр., белорус.* поросё. Оглушительно визжащий при заклании поросёнок ассоциировался с поркой (наказанием) и словом «резать». *Визжит как недорезанный поросёнок*. Развитие значений *лат. porca* прослеживается в словаре В. И. Даля: «**Порóть** <...> делать прореху, взрезать; <...> Рыбу пороть, потрошить. <...> Экой гвоздь ногу *пóрет*, можно *напороться*, опасно; в этом знач. говор. и *порнуть, пырнуть, пробить* тычком, уколом. -кого, бить, сечь, драть, наказывать телесно».

Порскать, порскнуть. *Porgo, porxi, _, ёre = porrigo. II porrigo, rexi, rectum, ёre* 1) протягивать, простирать, распростирать; *pass.* простираться, занимать; 2) *воен.* растягивать (асіем ряды); 3) распростирать, валить наземь. *Porxi* [поркси]>порскнуть (метатеза, *ср. лат. marmor* мрамор). В. И. Даль: «**Порскáть** охотничье криком и хлопаньем арапника выставлять зверя в поле» (распростирая, растягивая ряды охотников, валить загнанного зверя наземь). В словарях: стремительно броситься куда-л.; вспорхнуть, сделать стремительное движение. *Козла хотели забить кольями, он порскнул в степь.* (А. Н. Толстой. Пётр Первый).

Почта, после, посылать, посылка, слать. *Post adv.* 1) (*пространство*): сзади, позади; 2) (*время*): после, потом; 3) (*очередность в пространстве*): сзади, в конце. *Фр. poste, ит., исп., порт. posta* почта, *укр., белорус.* пошта. *Post > поста > пошта > почта; пост > посыл, посылный, посылать, слать*. Общее значение слова «почта» — потом, после какого-либо действия, позади чего-то, кого-то. Для кладки (посылок) выделялось место **сзади**, в конце конной повозки, **после** приёма пассажиров.

Править, правитель, право, правило, правильно, правда. *Provincia, ae* 1) порученный кому-либо круг занятий, круг деятельности, поручение, возложенное на кого-либо, занятие, обязанность; 2) должностному лицу (консулу, претору и т. п.) указанный круг занятий, круг деятельности, поручение, занятия по должности, должность; 3) управление страной вне Италии; 4) страна, римская провинция. *Provincia* [правинция]>*белорус.* правінцыя>править, правитель(ство), право, правда. *Кто правит, того и правда. Кто силен, тот и прав.*

Продовольствие, довольствие, довольно, вдоволь. *Prodo, didi, ditum, ёre* 1) вынимать наружу, доставать; 2) *поэт.* (о почве) производить; 4) выставлять, давать; **voló, ónis** находившийся в военной службе по своей воле, волонтёр. *Prodo, volo > продовольствие*. В. И. Даль: «**Довóли** <...>

продовольствие, содержание, харчи от правительства, хозяина». Д. Н. Ушаков: «**Довольствие**, я, мн. нет, ср. 1. Продовольственное и вещевое снабжение (офиц.). Снять с довольствия. Денежное д. Зачислить на провиантское, приварочное и чайное д. (воен. устар.)».

Прок, прочный, впрок, фамилии Проклов, Прохоров. *Prōco* и *prōcor*, 1, требовать, добиваться. Ргōсо>Проклов, ргōcor>Прохор. В. И. Даль: «**Прок** <...> || польза, толк, что обещает выгоду, добро; | запас, припасаемое вперед. <...> || Прочнеть, становиться прочнее прежнего, крепнуть. Дело прочнеет, обещает прок». Ргōсо>прочность (чередование согласных к/ч).

Просто, простота, простите, проститутка. Prosto, stiti, __, āre 1) стоять на выставке, быть выставленным на продажу, продаваться; 2) (о женщинах) продаваться, быть продажным; *prostituto, stitui, ctitutum* выставлять публично, выставлять на продажу. Следовательно, простой (человек) — выставленный на продажу. Небогатые люди в разных экономических формах были от(про)даны во владение кому-либо. Простите (от *prostiti*) выставь меня на продажу, крайняя степень раскаяния; не было ничего страшнее, чем быть проданными в рабство. Аналогичные по смыслу выражения-клятвы: век свободы не видать; трупом (костьми) лягу; чтоб мне сдохнуть.

Профукать. I profūgus, a, um 1) бегущий куда-либо; 2) беглый; 3) скитающийся; 4) изгнанный, бездомный. **II profūgus, i m** беглец, изгнанник.

Пугать, пугало, испуг, фамилии Пугалов, Пугачёв, Пугин, Пужалов. *Pugna, ae, f* 1) сражение, поединок, драка, битва, бой; *pugilātus, ūs m* кулачный бой; *pugio, ōnis m* кинжал; *pugnator, ōris m* боец. Значение фамилии Пугачёв – Бойцов. Раскрыт древний смысл слова «испуг».

Пуля. Pulex, ĭcis m блоха. В. И. Даль: «**Пуля** ж. <...> свинцовый шарик <...> для стрелянья из ружья и пистолета; также ядро мелкой пушки или картечина, менее фунта весом». Здесь наблюдаем метафоричное сравнение мелких свинцовых шариков-пуль с мелкими прыгучими, кусачими, стремительными насекомыми.

Радуга, радость, радеть, рдеть. Rādiātus, a, um, (radius) лучезарный, сияющий. Rādiātus>радость>ради>радеть (с радостью делать что-то ради кого-то)>рдеть (выпадение в rādiātus краткого безударного гласного [ǎ])>ра́дуга (корень рад-, суффикс уг-; ср. *кольчуга, пичуга*). Учтём фактор беглого ударения в русском языке. В XVIII–XIX вв. говорили возглас, засуха, сумра́к, музы́ка; возможно, слово «ра́дуга» произносилось «раду́га» (как и в латинских трёхсложных словах, в которых ударение падает на второй слог). В. И. Даль: «**Ра́дость** <...> **Ра́дуга** ж. <...> Божья дуга арх. небесная дуга вост. покаты́й мост каз. труба ду́жная стар. (будто тянет воду),

градовница *кур.* весёлка *млрс.* (от висеть? вероятнее от веселый), ноев завет (не ручаюсь, за сродство радуги с радостью, но, как это было радостное явление Ною, то связь вероятна); <...> || *Радуга*, семицветная картина луча света, прошедшего через клин стеклянный, вид разложенного на цвета света». М. Михельсон: «**Радужное настроение** (*иноск.*) – весёлое, полное надежд. *Ср.* Он приехал в каком-то необыкновенно радужном настроении».

Рать, ратовать, брат, брatina. Ratis, is f 1) плот, паром; 2) *поэт.* судно (лодка, барка, корабль). С большой вероятностью от *ratis* происходит слово «брат». М. Фасмер: «**Братишпиль** (брашпиль) ‘якорный ворот’» (в *братишпиль* сохранился *лат.* корень *rat-*). *Др.-рус.* брatina — сосуд для вина в форме ладьи, брaтинки-чарки — в форме вёсел. Таким образом, рать в древности — это морская или речная боевая эскадра. *Братская* («ратская»/ратная) могила. Ратники (мореходы или речники) за брaтиной братались, давая обещание стоять друг за друга до смерти. Рождение сына и брата воспринимали в семье как будущего защитника и добытчика. В. И. Даль: «**Ратовать** кого, *нем.* retten, *южн. нврс. кур.* спасать, защищать, подать помощь при беде. *Ратуйте, кто в Бога верует!*».

Рачительный, рачить. Ratio, ōnis f 3) денежное дело и деловые отношения, ведение дела; 6) рассуждение, соображение насчёт чего-либо; 8) образ действий, способ, приём, план; 9) качество, свойство, положение, устройство, порядок, направление; 12) разумность, разумное отношение, разумная мера, сообразность с законами, закон, правило, порядок; 16) аргументация. *Ratio* [рацiо]>рац'ить>рачить>рачительный. Однокоренные слова рацион, рационализм. В. И. Даль: «**Радость** <...> рачить чему или о чем (*вм.* радчить), радеть, усердствовать, ревновать, печься или заботиться, всесильно стараться, делать что внимательно и прилежно. *Слуга рачит хозяину. Рачить о мирском благе*».

Ретивость, обретение. Retineo, tinui, tentum, ěre 1) удерживать; 2) задерживать; 3) удерживать, оставлять у себя; 4) удерживать за собой, отстаивать; 5) удерживать в должных границах, сдерживать; 6) удерживать, сохранять; 8) связывать. В. И. Даль: «**Ретивый** усердный, горячий, пылкий на дело, старательный, ревностный, ражий духом. *Ретивый парень, работник. Ретив в бою. Ретивый конь. Ретивая пчела*»; «**Обретать** обрести или обрести что <...> найти, сыскать, отыскать, добыть, раздобыть, разжиться чем, получить; стяжать, усвоить себе». К усердному, старательному человеку применимы все значения слова *retineo*. В *обретение* пракорень *ret-*, в рус. яз. сохранены значения оставлять у себя («усвоить себе»), удерживать за собой, сохранять («получить»).

Речь, река, ручей. Recanto, __, __, āre 1) удалять ворожкой, заговором; 2) отрекаться от чего-либо; **recino, __, __, ěre** 1) раздаваться,

звучать, слышаться; 2) повторять (об эхо); 3) попеременно воспевать; 4) точно эхо вторить; **rěcino, cīnuī, centum**, 3, (**recanere**) отдаваться, отзываться, повторять; *intr.* отзываться, слышаться; **cano, cecīni, cantum, ěre** 1) издавать звук: петь, каркать и т. д.; 2) звучать, раздаваться. Общий смысл *recanto, recanere, recino* (от *cano*, приставка *re-*) — воспроизведение звуков.

В. И. Даль: «**Речѹ** что, **рещѹ** церк. **речѹть** смб. сам. а с прдл. и **рекѹть**, говорить, молвить, сказать. Ты рек еси — ты сказал это, вымолвил. **Рекѹ**, церк. **рцы**, говори, сказывай. <...> Слухай, штѣ речают, вят. произнс. **рецяют**, что говорят <...> || (...Река, речной, вероятно того же корня, но отшатнулось и стоѹт по себе: пишем же мы: одеваться и одежда, надеяться и надежда и пр.) <...> || **Речѹть** пск. заговаривать, шептать, колдовать».

Фонетические преобразования: *recino* [рэцыно]>рецяют, рцы**;*recanto, recanere*>рекѹть, рек, рекѹ, речѹ, рещѹ, речѹть; *recanto, recanere*>река — звучная, шумная; *recino*>рец'ей>речей>ручей — звучный, шумный. К слову «звук» насчитывается около ста синонимов, среди них шум, эхо, плеск, журчание, говор. Федоръ Дмитровичъ крепко боря раненъ бысть, еже с тоя раны и смерть приятъ **на рече** (ср. *recino*) Наръви («Галицко-Волынская летопись»). Хотя и много **шумели** о преобразовании семинарий, но в сущности пользы немного (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Письмо Н. М. Мамину, март 1870). Есть **разговорчивый ручей**, течѣт вблизи от нашей дачи, **журчание его речей** для жизни летней много значит (В. Сысоев. Разговорчивый ручей).

** Краткие безударные гласные ё, ѣ в *rěcino* (см. лат.-рус. сл. [6]) допускают варианты произношения — [рцыно] или [рцно], ср. сербск. црн, ст.-слав. чрънь 'чёрный'.

Ристалище. Rixa, ae f 1) ссора, спор, доходящий до ожесточения или до насилия; 2) драка между людьми, между животными.

Роса. Ros, roris m 1) роса; 2) поэт. жидкость, влага, вода.

Ругань, ругать, ругня. Rugio, 4, рыкать, реветь.

Руина, рушить; обрыв, обрывать. Ruo, rui, rutum, ěre 3) падать, обрушиваться; 4) разрушаться, погибать; 8) взрывать, колыхать; 9) валить, рушить, разрушать; **ruīna, ae f** 2) падение, обрушение; 4) гибель, погибель, разорение, поражение; 5) гибель, смерть; 7) обрушившееся строение, развалины; 8) уничтожающий, разоритель; **obruo, rui, rūtum, ěre** 1) заваливать массой чего-либо (землёй, одеждой), зарывать, засыпать; 3) пускать ко дну (о кораблях); 5) подавлять, уничтожать. *Ruo, ruīna*>рушить; *obruo* (где *ob-* приставка)>обрушить, обрывать; *obruo*>обрѹ>обрыв.

Рясный. Rāsēmus, i m кисть, гроздь с ягодами, чаще перен. ветвь, лоза, особ. виноградная.

Сад, садить, посад, фамилия Садовников. **Sata, ōrum** *n* засеянные поля; посевы, растения; **II satio, ōnis** *f* 1) сеяние, сев, посадка.

Семя, семена, земля, фамилии Семёнов, Семенихин, Семичев, Семчев. **Semen, ĭnis** *n* 1) семя; 2) *поэт.* зародыш, начало; 3) поколение, род; 5) основная причина, первая причина, основание; 6) черенок, высадок, саженец; 8) *анат.* семя, семенная жидкость. *Др.-прусс.* semme ‘земля’, *болг.* земя ‘земля’, *сербохорв.* зёмља (см. М. Фасмер. Земля). Semen [сэмэн]>сэммэ>сэмя/зэмя>земя>зёмља>земля; semen>сёмля/зёмља>земля (словообразовательная модель: капля, купля, ловля). Общий смысл: земля — это начало, зародыш жизни, поколения, рода.

Сестра. Sestertius, ii, t сестерций, серебряная монета. Сестёр, как и дочерей (см. дочь), следовало обеспечить (дотировать) приданым, в том числе звонкой монетой. Сестерций>сэстра>сестра>сёстры.

Сидеть, сиделец, седло, седок, седалище, фамилии Сидоров, Сидельников, Седоков. **Sido, sidi (sēdi), sessum, ěre** 1) садиться, опускаться; 2) оседать, опускаться; **sedeo, sedi, __, ěre** 1) сидеть; 2) заседать; 3) садиться, опускаться, оседать; 8) *воен.* стоять лагерем, стоять на биваках, стоять спокойно, без дела, ничего не предпринимать; **sedīle, is, n** седалище, стул, кресло, скамья, лавка. Sido>Сидоров, Сидельников; sedeo, sedi>Седоков. Сказал Господь Господу моему: **cedu** одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих (Пс. 109:1).

Свёкор, свекровь. Socer, ěri *m* 1) тесть, свёкор; 2) *pl.* тесть и теща или свекор и свекровь.

Свин, свинтус, свинья. Vinum, i *n* 1) вино; 2) попойка; **vinalis, e** винный; **vinalia, inum** *n* праздник вина. Свин (приставка с-, корень вин-)>свинья — пьяница. Словообразовательная модель для перехода мужского рода в женский род: врун>врунья, сват>сватья. Образ пьяного человека, валяющегося в грязи и ведущего себя непотребно, перенесён на животное *porca*. В *свинтус* сохранено латинское окончание -us. См. пороса.

Стригаль, стрижка, фамилии Стригалёв, Стриженов. **Strigilis, is** *f* скребница, чесалка.

Сквалыга, скряга. Squalor, ōris *m* 1) шероховатость от грязи; 2) грязь, нечистота, нечистоплотность, грязная одежда, траур; 3) пустынность, негостеприимность, ужасный вид. Squalor [сквалор]>сквалыга, скряга. Словообразовательная модель: холодрыга, задрыга, коряга.

Скоблить, фамилия Скобелев. **Scabo, scabi, __, ěre** чесать, тереть.

Слава. Salvus, a, um сохранный, хорошо сохранившийся, находящийся в хорошем состоянии, здравствующий, неведимый, целый; **salveo, __, __, ěre** быть здоровым, здравствовать (salve, salvete здравствуй, здравствуйте). Salvus [сальвус]>сальва>слава; salvete>славити (метатеза).

Значения *salvus*, *salveo* не противоречат определению славы у В. И. Даля: «**Сла́ва** <...> || молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству. <...> || Вообще: хороший, отличный, доброго качества». Славить = здравить, говорить здравицу, желая хорошо сохраниться, быть здоровым и невредимым.

Смотреть, смотр, посмотреть. *Motor*, *ōris* *m* двигатель; *motus*, *ūs* *m* 1) движение; 8) деятельность, способность мышления, полёт мысли. В. И. Даль: «**Смотрéть, смáтривать** <...> || что, поводить глазами, искать». Д. Н. Ушаков: «**Посмотрéть** <...> 3) посмотрю, посмотрим употр. в знач. подумаю (подумаем), проверю (проверим), прежде чем предпринять что-н. или прежде чем отнестись каким-н. образом к чему-н.». М. Фасмер: «**Смотрéть** <...> *диал.* мотрéть, <...> *болг.* мóтря смотрю, *сербохорв.* мóтрити, мóтрим. <...> [*Ср. ещё болг. смóтра* ‘думаю, считаю’]». Мóтря, мотрéть, смотреть – одного корня мот- от *лат.* *motor*, *motus*. В *смотреть* от *лат.* *motor* [мóтор] и *motus* сохранились значения 1 и 8: *движение* («поводить глазами, искать» — это движение глазного яблока при осматривании); *способность мышления* (посмотрим в значении «подумаю [подумаем]»).

Собака, кобель. Происхождение этих слов в традиционной этимологии не установлено (см. М. Фасмер. Собака. Кобель). Предпримем ещё одну попытку. *Лат.* *basa* (*bassa*), *ae f* 1) ягода, *преим.* масличная ягода, оливка; 2) круглый древесный плод. Предположим, что собаками изначально назвали животных, охраняющих оливковые плантации, виноградники, различные плодовые сады: со-бака [*basa*] > собака. Рус. приставка со- означает совместность действий нескольких человек или живых существ, *ср.* сообщество, соучастие. Русским приставкам с-, со- соответствует *лат.* приставка со- [ко-] (*ср. лат.* со-auctor – соавтор, coactor – сборщик).

Далее предположим, что одно из значений со-басса — совокупность разных плодов, из которых производили вина и оливковое масло. Фразеологизм «собаку съесть» (насобачиться) в современном русском языке означает стать мастером в каком-либо деле. *Здорово вы насобачились строить памятники!* (Ф. Гладков. Цемент). Древнее значение: винодел или маслодел отлично освоил специфику изготовления вина или оливкового масла и стал мастером в своём деле — со-бакку (*совокупность плодов*) съел, так как качество, подбор сортов и вкус плодово-ягодного сырья имеет немалое значение. В буквальном смысле животное собаку никто не ел, собаку съесть — такое же образное выражение, как пуд соли съесть (долго быть вместе, хорошо узнав и доверяя друг другу).

Вино принято хранить в подвалах. Скорее всего, в древности в подземных хранилищах с замаскированными входами (в связи с возможными разбойными набегами) укрывали винную и масличную продукцию под

общим названием со-басса. Если это так, то выражение «вот где собака зарыта» получает рациональное объяснение.

Авест., *мидийск.* *спрака* «собака» заимствовано из латыни: с-бака>спака. *Тюрк.* *köbäk* [кобак] «собака» также имеет *лат.* приставку со- [ко-] и *лат.* корень бас-: *собас*>*köbäk*. Слово *köbäk* в русском языке трансформировалось в кобель по словообразовательной модели купать>купель, капля>капель: кобак>кобель (корень коб-, суффикс -ель, нулевое окончание).

Получаем цепочку фонетических и лексических преобразований от *лат.* слова-этимона баса (басса): совокупность древесных плодов, ягод и продукции из них — со-басса>собака; «как собак нерезанных» — много плодов и ягод в естественном виде, ещё не нарезанных для производства; насобачиться — стать искусным в виноделии или маслоделии; «вот где собака зарыта» — обнаружить подземный склад с винно-масличной продукцией; «не твоё собачье дело» — занимайся вино-, маслоделием и не лезь с советами в те дела, в которых не разбираешься; животное для охраны садов собака; *тюрк.* *köbäk* [кобак] «собака»; *рус.* кобель.

Соседи, фамилия Соседов. *Sesēdo, cessi, cessum, ěre* 1) отступать, отходить, удаляться; 2) удаляться, быть в удалении; 3) отходить в сторону, уединяться; 4) отделяться; *sedeo, sedi, __, ěre* 1) сидеть; 2) заседать; 3) садиться, опускаться, оседать; 8) *воен.* стоять лагерем, стоять на биваках, стоять спокойно, без дела, ничего не предпринимать. *Sesēdo*>(со)седи. В. И. Даль: «**Соседати** <...> Каза Данила *соседати* воем своим, летопись» («Галицко-Волынская летопись». Ч. 2). Соседати — вместе, рядом сидеть, осесть, расположиться.

Стоять, стать, встать, статный, статичный, стан, станица, станция, станок, стойка, стойкий, фамилии Статнов, Статцев. *Statio, ōnis f* 1) стояние; 2) место стояния, место пребывания; 3) караульный, сторожевой пост, караул, стража; 5) место пребывания, квартира; *status, ūs* 1) стояние; 2) положение, поза, позиция сражающегося. *Англ.* *state* штат (чередование согласных с/ш). Названия стран, оканчивающихся на -стан, имеют в морфемном составе латинскую основу от *statio*.

Строй, стройный, стройка, структура, фамилии Строилин, Стройцев. *Struo, struxi, structum, ěre* 1) класть пластами или рядами одно на другое; 2) искусно складывать, строить, воздвигать, сооружать.

Суета, все, суеверный. *Suetus, a, um* 1) привыкший к чему-либо; 2) обыкновенный. В. И. Даль: «**Все** напрасно, без причины, глупый, тщетный. *Кто все Бога призывает, все век свой проживает*».

Тепло, теплица, теплушка, оттепель, фамилии Тепляев, Теплаков. *Терео, __, __, ěre* 1) быть тепловатым, быть тёплым (*tepens* тепловатый,

теплый); 2) быть согретым любовью, быть влюбленным; 3) быть равнодушным, быть холодным. В. И. Даль: «**Тепло** <...> || тепель, теплед(т) ь, тепліна, теплінь, сильное, по чувствам нашим, тепло, жарá или продолжительное, обильное тепло». Терео [тепéо]>тепéль>оттепéль>оттепель>тепло.

Теребить. Terēbro, āvi, ātum, āre буравить, пробуравливать, просверливать, высверливать. В. И. Даль: «**Бурáв** м. буравль вор. стальная полутрубка, желобок с винтовым носком и поперечною колодочкой, для буравления, сверления, проверчивания дыр». Теребить = буравить.

Тереть, тёрка, фамилия Тёркин. **Tero, trivi, tritum, ěre** 1) тереть; 2) молотить, вымолачивать; 3) полировать; 4) обтачивать, точить; 7) частым употреблением стирать, трепать, часто употреблять руками; 8) делать общеизвестным, обыкновенным; 9) трением растирать; 12) (время) проводить. Из значения 8 происходит разг. перетереть (обговорить, обсудить).

Торговля, торжок, торжище, торжество, восторг, г. Торжок, фамилия Расторгуев. **Torqueo, torsi, tortum, ěre** 1) вертеть, крутить, вращать, поворачивать; 4) направлять, обращать, давать направление; 8) *поэт.* заставлять вертеться или обращаться, вращать, приводить в движение. Torqueo [торквео]>торк>торг>торговля>торжище>торжество (фамилия основателя испанской инквизиции Торквемады означает «делающий торговлю, торговец»). Ср. торговый оборот; хочешь жить — умеи вертеться; ярмарки (торги) с народными гуляниями (*торжествами*); *приводить в движение* (товары). Слово «восторг» означало ликование от удачного торга; расторгнуть — признать торговую сделку недействительной; исторгнуть — исключить кого-либо из торговых отношений.

Трепет, трёпка, трепаться, трепло. Trepido, āvi, ātum, āre 1) суетиться от усердия или от страха, боязливо бегать туда и сюда, беспокоиться, тревожиться; 3) трепетать.

Торный, торчать, торец. Torus, i m всякое возвышение, узелок, петелька; ложе, диван, кровать.

Трус, трусить, трусить, трусца, трясти, трухать, струхнуть. Trux, trucis 1) страшный, грозный, свирепый, суровый; 2) (на слух) дикий; 3) бушующий, бурный, зыбкий; 4) суровый, строгий; 5) (о характере) дикий, грозный, упрямый. В. И. Даль: «**Трусить** <...> || Землетрясенье. Трус земли. || Трепет, страх и дрожь. <...> || Трусить, трушевать, трухнуть — робеть, бояться, страшиться, пугаться, опасаться, малодушничать, не решаться, отступать, пятиться».

Улица, улей. Aula, ae, f 1) передний двор; 3) дворец; 5) двор, придворные. Aula>аул>аулица>улица, улей. Таким образом, аул, улица и улей — строения вокруг чего-то главного (дворца, пчелиной матки). Аул —

населённый пункт сельского типа, название заимствовано из латыни и усвоено тюркскими народами.

Ум, умение, умелец, дума, думать, фамилии Уманский, Умельцев, Гуманов. *Humāne adv.* 1) по-человечески, благоразумно, спокойно; 2) человечно, снисходительно, ласково, вежливо; *humanitas, ātis* 1) человечность (как совокупность добрых свойств человека), человеческая природа, человеческое достоинство, человеческое чувство; 2) гуманность, человеколюбие, сердечность, ласковость в обращении с другими; 3) образование, образованность, духовная культура; 4) тонкий вкус, тонкость, изящность. Humāne [г^хумáнэ]>уманэ>ум>умелец; уманэ>умный>думный>дума>думать (утрата звука [h], ср. *lat. historia* история, протетический звук [д]). В. И. Даль: «**Ум** <...> || разсудительный, разумный, смышленный; понимающий и заключающий здраво, прямо, верно. Умное дело, слово, письмо, умно́ устроенное, дельное, основательное и логичное. <...> || Умный, умово́й, умственн́ый, духовный. Видеть что умными очами, не чувственными, видеть духом».

Харя. Hara, ae f свиной хлев. Неухоженное, неряшливое лицо сравнивалось со свиным хлевом и его обитателями.

Хвала, хвалить. Qualitas, ātis f качество. Qualitas [квáлитас]>квалить>хвалить; квала>хвала. Однокоренные слова квалитет, квалиметрия, квалификация. Хвалённый — высоко оценённый за какие-нибудь **качества**.

Хилый. Hilus, i 1) волосок; 2) малость, безделица.

Художник. Cudo (cudi), (cusum), ěre бить, колотить; *procudo, cūdi, cūsum, ěre* 1) ковать; 2) обрабатывать, образовывать. В. И. Даль: «**Куд** <...> Кудесный, волшебный, чудесный». Cudo>куд>кудожник>художник, мастер кузнечного или басманного, ювелирного дела.

Хруст. Crusta, ae f 1) кора, скорлупа; 2) лёд; *crustum, i n* сахарный сухарик, пирожное. Crusta>хруст. В словарях: хруст — сухой треск от чего-л. ломающегося, раздробляемого и т. п.

Цель, цельный, целить, целить, целебный, целование. Caeles, itis [цэлес] небесный; *I caelestis, e* 1) небесный, относящийся к небу; 2) божественный, божий. (Вероятно, под целью жизни подразумевалось совершенство, духовность, стремление к высокому, к богу.) Имя Целестина означает Небесная.

Ю'шка. Jus, juris n похлёбка, суп, подливка. [юс]>юска>юшка. В. И. Даль: «**Юхá ж.** церк. навар мясной, рыбий, вообще похлёбка. <...> **Ю'шка юж. зап.** то же, всякий навар, особ. рыбий». Юхá>уха.

Ямщик. Jam adv. [ям] уже, уже теперь; уже, тотчас (т. е. быстро, срочно, что отражает суть ямской работы).

Далее речь пойдёт о бранной лексике.

Кубло. *Cubile, is n* 1) ложе, постель; 2) логовище, гнездо; 3) брачное ложе.

Кунка. *Cunnius, i m* 1) женский половой орган; 2) проститутка, блудница.

Курва. *Curvo, āvi, ātum, āre* 1) искривлять, гнуть, сгибать; 2) ломать упорство, склонять. *Скурвиться* означало прогнуться, сломаться, предать, измениться к худшему, что относилось и к мужчинам, и к женщинам.

Лярва. *Larva, ae f* [лярва] злой дух, привидение, маска.

Проба (о выражении «Пробы негде ставить» — *разг. презр.* об отпетом негодяе, жулике, распутстве). **Probrum, i** 1) позорное дело, постыдный поступок, мерзость; 2) распутство, прелюбодеяние; 3) позор, срам. *Или зажмёт старшина? Ну и скупердай, пробы негде ставить!* (Ю. Бондарев. Горячий снег. 1969); *А про себя усмехнулся: «Какая ты девушка? Пробы ставить негде!»* (В. Громов. Компромат для олигарха. 2000). (*Probatus, a, um* 1) испытанный, дельный, хороший. — *Примеч. Р. Т.*).

Фига (кукиш, шиш, дуля). **Ficte adv.** притворно, ложно. *Ficte* [фиктэ]>на фик>на фиг, фиг тебе/вам. Фиг, фи́га — однокоренные с *ficte* и со словом «фикция». Говорим или делаем что-то неискренне, скрытно держа при этом фигу, которая олицетворяет притворство. С. И. Ожегов: «**Ф́ига**, и, ж. и **фиг**, а, м. (прост.). То же, что кукиш. *Показать фигу кому-н.* **Ф́ига (с) два** — грубое выражение отрицания, несогласие. *Фига (с) два я пойду к нему!* **Ну фига́** — то же, что ни черта».

Профура, профурсетка, фамилии Фурманов, Фурцев, Фурсов. **Pro** 3) замещение, подобие, равенство: вместо, взамен, как, в качестве, наподобие; **fur, furis m, f** вор, воровка. *Pro, furis*>профура, профурсетка (как вор, подобно вору, воровке). Фурцев в переводе с латыни Воровцев. *Fur, man*>Фурманов (Воровцев). Словообразовательная морфема «ман» может быть в начале слова (*ср.* Мантуров, Мангышлак, Мангистау) и конце слова; в конце слова она равнозначна притяж. суф. ов-, напр., Фишман, где *нем.* *Fisch* 'рыба' (Рыбаков). В фамилии Фурманов два притяжательных суффикса ман- и ов-.

Стерва, стервец. *Stercus, ōris n* навоз, помёт (другими словами, говнюк, говнючка).

Страмина. *Stramen, ĩnis n* подстилка, солома. Таким образом, страмина и соломенная подстилка в бранной лексике были синонимами.

На каком же языке мы разговариваем? Учёные подсчитали, что около двадцати процентов слов из знаменитого словаря В. И. Даля вышли из употребления. А ведь со времени его первого издания в 1866 году по историческим меркам прошло совсем немного времени, чуть более 150 лет.

Сколько же латинских корневых морфем за тысячелетия стали неузнаваемыми, обрастая приставками и суффиксами, характерными для каждого славянского языка? Либо, сократившись до одной буквы, как это произошло со словами *обувь*, *дщерь*, *прислонять*, усложнили раскрытие первоначальной формы слов.

Множество фамилий славянских народов имеют латинскую родословную (напр., насчитывается более 300 фамилий с латинским корнем *val-*). Формат статьи позволяет перечислить лишь некоторые фамилии с латинскими корнями. Аверьянов от *averto* обращать в бегство, Аристов от *arista* колос, Барбин от *barba* борода, Балагуров, Балакирев, Басков, Баянов, Валиков, Валовский, Валуев, Вальков, Валуйко, Васильев, Вертинский, Вертов, Вертышев, Воротилов, Воротников, Гребнев, Гулевский, Гуляев, Гуманов, Диваков, Дивеев, Дураков, Дуреев, Дурново, Дуров, Заворотнюк, Кадочников, Кадышев, Карев (от *carax* осока), Катаев, Катков, Катушкин, Клинков, Клинецвич, Кораблёв, Коровин, Королёв, Кормильцев, Коренев, Корнилов, Копейкин, Коробов, Коротков, Косарев, Костарев, Корчагин, Коршунов, Косыгин, Краснов, Красоткин, Красухин, Крепаков, Крепачёв, Крепин, Крепостин, Крепышев, Кудинов, Анкудинов и Чудинов, Кудрин, Кудлин, Кузнецов, Куплин, Купцов, Куплянцев, Кустодиев (от *custodia* стража), Мальцев, Малышев, Малюта, Мурин, Демурин (от *muria* рассол), Меркулов (от *merx, mercis* товар), Моталов, Моторин, Мотыгин, Мотыченков, Нарусов (от *parus = gnarus* знающий, сведущий), Облонский, Пастухов, Пастушихин, Пешенцев, Пешков, Плёткин, Плетнёв, Поклонский, Пономарёв, Проклов, Прокудин, Прохоров, Расторгуев, Рогалёв (от *rogalis* к костру принадлежащий, костровый), Савкин, Савушкин (от *savium* поцелуй), Сабуров, Самбурский (от *saburra* песок), Садовников, Сидельников, Сидоров, Скобелев, Семёнов, Семчев, Семенихин, Соседов, Статнов, Статцев, Стригалёв, Стриженов, Строилин, Стройцев, Тепляев, Теплаков, Тёркин, Уманский, Умельцев, Фальков (от *falx, falcis* серп, коса, садовнический нож), Фурманов, Фурсов, Фурцев, Хабенский (от *habena* ремень)... «Чисто русских» фамилий с латинскими корнями настолько много, что для того, чтобы узнать тайну своей фамилии, проще заглянуть в латинско-русский словарь. По одним только фамилиям можно проследить миграционные пути латинян от Рима до Владивостока.

Хочется сказать почти на латинском: друг мой закадычный, посидим (от *sido*) за кадочкой (от *cadus*) вина (от *vinus*) и поразмышляем: кто же мы такие? Как бы то ни было, праиндоевропейская реконструкция языков без рассмотрения латыни в качестве возможного активно освоенного славянскими народами языка-предка представляется незаконченной.

Литература

1. Головкин, Е. В. «Народная лингвистика» как объект исследования // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 9–16.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : Гос. изд. ин. и нац. сл., 1955.
3. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М. : Русский Миръ, 2010. 243 с.
4. Коллекция лингвофриков [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20130330075731/http://lingvofreaks.narod.ru/>
5. Латино-русский словарь / Сост. В. И. Фомицкий. Ростов-н/Д : Феникс, 2001. 704 с.
6. Латинско-русский словарь / Авт.-сост. К. А. Тананушко. Минск : Харвест, 2008. 1040 с.
7. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/>
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1986. 797 с.
9. Тленшиева, Р. Н. Как зарождались мифы, искажающие историческое прошлое Руси // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 55–66.
10. Тленшиева, Р. Н. Незнакомый «латинско-русский»: к проблеме языкового взаимодействия [Электронный ресурс] // Тленшиева, Р. Н. Русь латинская: новое в топо- и этнонимике. Алматы : СаГа, 2011. 58 с. URL: <http://alternovadiki.com/index.html>
11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М. : ОГИЗ : Гос. изд. ин. и нац. сл., 1935–1940.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.lexicography.online/>

~

УДК 81'37:81-116.3

Моря Лилия Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Русский язык и русская литература»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: l.a.morja@sevsu.ru

**СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО
ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. ПАСТЕРНАКА
«ЯНВАРЬ 1919 ГОДА»)**

Статья посвящена исследованию взаимосвязей лексических значений в системе художественного текста на примере стихотворения Б. Пастернака «Январь 1919 года». Последовательно рассматривается реализация и изменения значений слов в тексте стихотворения с опорой на их словарные толкования, представленные в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. На основе развёрнутой системы словесных значений раскрывается концептуально-философское содержание стихотворения.

Ключевые слова: семантико-стилистическая система текста, лексическое значение, коннотация, речевой (словесный) образ, поэтическая лексикография.

Liliya A. Morya

PhD of Philology science, Associate Professor,
Head of the department «Russian language and Russian literature»,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

**SEMANTIC AND STYLISTIC SYSTEM OF THE POETIC TEXT
(BASED ON THE POEM by B. PASTERNAK "JANUARY 1919")**

Abstract. *The article is devoted to the study of the interrelationships of lexical meanings in the system of a literary text on the example of the poem by B. Pasternak "January 1919". The implementation and changes in the meanings of words in the text of the poem are consistently considered, based on their dictionary interpretations, presented in the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" by S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova. On the basis of an expanded system of verbal meanings, the conceptual and philosophical content of the poem is revealed.*

Key words: *semantic and stylistic system of the text, lexical meaning, connotation, speech (verbal) image.*

Для цитирования:

Моря, Л. А. Семантико-стилистическая связность поэтического текста (на материале стихотворения Б. Пастернака «Январь 1919 года» // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 35–44.

Как известно, литературное произведение с точки зрения формы представляет собой специфическую систему компонентов поэтики, определяющих его своеобразие. Цельность художественного текста «в соотношении со связностью» определил В. А. Лукин, а о системности произведения словесного искусства ранее заявляли И. В. Арнольд, М. Б. Борисова, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. П. Григорьев, Б. А. Ларин, Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, Р. О. Jakobson. Одной из подсистем литературного текста является авторский язык — именно словесная ткань произведения представляет главный предмет исследований учёных-лингвистов.

Авторское слово во всей совокупности его составляющих находит выражение в таких аспектах творческого мышления писателя, как:

- тяготение художника к тем или иным пластам словаря и особая эстетическая активность определённых словесных групп и значений [см. 3, с. 126];
- своеобразие экспрессивного переосмысления слова, типов и моделей тропов;
- специфика организации смысловой структуры многозначного слова и отдельных лексико-семантических групп;
- характер преобразования семантических, словообразовательных, сочетаемостных, экспрессивно-стилистических связей слов;
- принципы использования средств фразеологического фонда языка и др.

Семантико-стилистическая система авторского языка представляется нам, вслед за Д. М. Поцепней, как «художественно мотивированное единство используемых писателем лексико-фразеологические средств, которые подчинены определённым принципам отбора и употребления, обоснованным авторским видением мира» [9, с. 28]. То есть характер словоупотребления и семантического преобразования лексических единиц, а также семантико-стилистический строй произведения формируют «переклички» словесных образов — объективно возникающих в тексте соотношений между значениями отдельных слов. Определение характера этой связи элементов текста, в том числе и «приращений смысла» (В. В. Виноградов), которые языковые средства приобретают в конкретном тексте, лежат в основе филологического анализа текста [5, с. 3, 27].

Семанτικο-стилистическую связность художественного текста в основе рождаемых творческим мышлением автора словесных образов мы продемонстрируем на примере стихотворения Бориса Пастернака «Январь 1919 года» (1919). Все лексические значения слов и фразеологических единиц указаны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [6], ссылки на который даны в круглых скобках с указанием страницы.

В качестве историко-литературной справки отметим, что стихотворение «Январь 1919 года» вошло в книгу «Темы и вариации» (1917–1922) — четвёртый поэтический сборник Б. Пастернака, последовавший буквально через год после мгновенно прославившей поэта книги «Сестра моя — жизнь». Примечательно и то, что данное стихотворение входит в цикл «Болезнь», в котором с особой силой боли и отчаяния изображена социально-историческая катастрофичность событий в стране (Гражданская война, революция 1917 года) через факты личностной биографии автора (а именно: «обрывки тяжёлых событий прошедшего (1918-го — Л. М.) года, гложащая боль потери, чувство разбитости» [8], а также и тяжёлая болезнь в период эпидемии инфлуэнцы (вирусного гриппа), унесшего зимой 1918–1919 гг. множество жизней).

Приведём текст исследуемого стихотворения полностью [7, с. 181].

Январь 1919 года

Тот год! Как часто у окна
Нашептывал мне, старый: «Выкинься».
А этот, новый, всё прогнал
Рождественскою сказкой Диккенса.

Вот шепчет мне: «Забудь, встряхнись!»
И с солнцем в градуснике тянется
Точь-в-точь, как тот дарил стрихнин
И падал в пузырьёк с цианистым.

Его зарёй, его рукой,
Ленивым веяньем волос его
Почерпнут за окном покой
У птиц, у крыш, как у философов.

Ведь он пришёл и лёг лучом
С панелей, с снеговой повинности.
Он дерзок и разгорячён,
Он просит пить, шумит, не вынести.

Он вне себя. Он внёс с собой
Дворовый шум и — делать нечего:
На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не вылечивал.

Начнём с интерпретации названия стихотворения. Отметим, что для Пастернака «сезонные» номинации (по временам года и месяцам) весьма характерны («Февраль. Достать чернил и плакать», «Кремль в буран конца 1918 года», «Март», «Июль», «Август» и др.). Название «Январь 1919 года» первоначально воспринимается хроникально: семантика слов *январь ... года* в сочетании с числительным указывает на «внешнее» время лирического сюжета стихотворения. Но при знакомстве с текстом стихотворения становится понятно, что это название может быть истолковано и образно: лексико-семантические связи внутри текста (которые мы рассмотрим ниже) сообщают заголовочному словосочетанию значение субъекта, причём субъекта активного, активно действующего. Поэтому номинацию *январь* воспринимаем не просто как маркёр художественного времени, а как персонаж стихотворения; а приём персонификации — то есть представления образа года в качестве действующего лица — выделяем в качестве основного приёма, организующего текст. Помогает персонифицировать олицетворяемый автором образ приём антитезы (год *тот* и *этот*). Соответствующее речевое оформление этих приёмов способствует созданию словесных образов, с показательным для них взаимодействием принципов персонификации и антитезы. Так, *тот* год описывают глаголы со значением контакта: *нашёптывал, дарил* — и прилагательное *старый*. В последнем отмечается «раздвоение» семантики: *старый* — это одновременно и «бывший прежде чего-н. другого, предшествующий» (763), и «достигший старости» (763) (прежде всего, человек). Последнее значение слова *старый* применительно к году является переносным, но именно оно актуализировано в тексте синтаксической конструкцией одиночного обособленного определения, тяготеющей к субстантиву. А *этот* (новый) год характеризуют глагол контакта *шепчет*; соматизмы *рука, волосы*; определения *дерзок* (возможно, и «непочтительно, оскорбительно грубый», и «исполненный дерзания, смелый» (162)), *разгорячён* (от *разгорячить* — «возбудить, раздражить» (141)), *вне себя* («в крайнем волнении, в исступлении от чего-н.» (87)).

Антитеза в этом стихотворении основана не только на языковых антонимах (*тот* — *этот*; *старый* — *новый*). Контрастны также и дополнительные значения и коннотации слов-антонимов, противопоставленных лишь в контексте, неузуально. На противопоставлении зиждутся и возникающие в результате вносимых автором оценочных смыслов ассоциативные ряды речевых образов, соотнесённых с *тем* и *этим* годом. Пара *тот* — *этот*, выступающая первичной парой антитезы, нейтральна. Не имеет оценочного компонента и пара *старый* — *новый* в узואальном

словоупотреблении; однако в контексте со словами *год* и *январь* она получает уточнение значения как «прошедший» — «наступивший», а сочетание слов *новый* и *год* ассоциативно отсылают читателя к представлению о празднике (Новый год), что способствует появлению у слова *новый* положительной коннотации. При этом без привязки к слову *год* некоторые значения прилагательных *старый* и *новый* коннотативны. В частности, оценочную коннотацию имеют многие лексико-семантические варианты слова *старый*: 2. ...Стариковский, старческий, немощный... 4. Негодный, дурной, несообразительный... 6. || Ставший негодным, недействительным... 13. Несовременный, устарелый» [2]. Таким образом, в антитезе *старый* — *новый* находит выражение неузальная, ситуативная эмоционально-стилистическая окрашенность: соответственно 'плохой' — 'хороший'.

В состав антитезы входят также однокоренные глаголы *нашёптывал* (старый год) — *шепчет* (новый год). Слово *нашёптывал* имеет негативную оценочную коннотацию — «наговорить шёпотом чего-н.; внушить, насплетничав» (400), а *шепчет* — нейтральное в узусе («говорить шёпотом» (894)), но в контексте приобретает положительную оценку по контрасту с *нашёптывал*. А включённые в прямую речь слова: *выкинься* — *забудь*, *встряхнись* — оказываются противопоставлены по особому, антропоцентрическому, семантическому признаку «воздействие на человека». *Выкинься* в сочетании с обстоятельством *у окна* маркировано как негативное, так как ассоциируется с аутоагрессивными действиями; *встряхнись* («оживиться, ободриться» (106)) и однородное к нему *забудь* в модифицированном значении, близком к однокоренному глаголу *забыться* («...отвлечься от чего-н.» (198)), маркированы как позитивные.

Ряд языковых единиц фиксирует разнонаправленность воздействия *того* и *этого* года на лирического героя стихотворения. В парадигму негативно окрашенных средств входят наименования ядовитых веществ: *стрихнин*, *цианистый*. Актуализирует объединяющую эти слова сему 'вещество, приводящее к летальному исходу' мотив сведения лирическим героем счётов с жизнью, ранее заявленный глаголом-императивом *выкинься*. Жизнеутверждающий призыв «*Встряхнись!*» наступившего года подтверждается демонстрацией своей «бодрости». Здесь представляет интерес фраза «*и солнцем в градуснике тянется*». Примечательна она как в силу яркого образа, в ней заключённого, так и антагонистичного соотношения значений лексемы *тянется* и глагола *падал*, использованного в создании образа *старого*, отравлявшему существование героя метафизическими *стрихнином* и *цианистым*, года. Глаголы *тянется*–*падал*, не будучи узואльно антонимами, в контексте стихотворения вступают в

оппозицию по «направлению» действия, которое они обозначают. Так, значение слова *тянется* — «вытягиваясь, направляться куда-нибудь» (820) ещё и в семантической связи со словом *солнцем* и образом *градусника* (традиционно со шкалой и движущейся по вертикали в трубочке жидкостью) полагает движение вверх. В то время как основное значение слова *падать* содержит сему 'опускаться(ся) сверху вниз' (488). Интересно в этом контексте и употребление слова *точь-в-точь*. Его значение «именно так» (808) (1. Совершенно точно, без всяких отклонений; 2. Совершенно так же (или такой же) [2]) предполагает воспроизведение чего-л. (предмета, действия, признака) в полной соответствии с оригиналом, неотлично от первоисточника и т. д. Однако автором это слов вписано не в тождество, а в оппозицию в качестве своеобразного его центра/рубежа («этот год» *точь-в-точь* как «тот год»). И в смысловом поле данного противопоставления уподобление слова *точь-в-точь* заключается не в сравнении годов по их подобию, а утверждение сходства силы их воздействия на лирического героя: для него наступивший год настолько жизнеутверждающ, насколько уходящий — токсичен.

Контекстуально противопоставлены персонифицированному *старому* году и образы *рождественской сказки Диккенса* и *солнца*. Культурное значение Чарльза Диккенса, помимо прочего, заключается в создании писателем своеобразной «рождественской философии» [1]. *Рождественская сказка* ассоциируются с его циклом «Рождественские повести» (1840-е гг.), в котором культивированы незыблемые ценности — «семейное тепло, бескорыстие, любовь к ближнему, сострадание» [Там же] — апофеоз добра. Выражение «с *солнцем* в *градуснике* *тянется*» в персонификации *этого* года может быть понято как описательный метонимический оборот, обозначающий повышение температуры с наступлением тепла. Но такое конкретно-предметное значение оборота усиливают общекультурные ассоциации (т. е. повышение «градуса» человеческого тепла, по Диккенсу), а также позитивные коннотации слова *солнце*. Последнее понимается не только как источник тепла, но и как источник жизни и блага (ср. *Цветок тянется к солнцу*) (820)).

В структуре стихотворения «Январь 1919 года» противопоставлению *того* и *этого* года отданы лишь два начальных четверостишия из пяти. При этом в первом дана, как это бывает в большинстве художественных произведений, завязка повествования, смысловой ключ которой заключён в слове *прогнал* — «заставить уйти, удалиться» (607) всё, что был накоплено в предыдущем году. Следующие три катрена стихотворения содержат описание собственно *этого* года. Логика антитезы, заявленная в первом и

развитая во втором четверостишии, даёт основание полагать, что она будет продолжена и далее. Однако судьбоносное для лирического героя воздействие *этого* года заставляет автора сосредоточиться на положительных его характеристиках, в частности, тех признаках, что объединены вокруг значения «побуждающий к жизни, поддерживающий жизнь». Образ *нового* года во второй части стихотворения опирается на несколько пересекающихся рядов: 1) образы, объединённые общей семой 'покой'; 2) образы с интегральной семой 'активное действие, состояние активности, деятельность'; 3) конкретные образы реалий материального мира.

Семой 'покой' объединены слова *ленивое веянье* (ленивый — «исполненный лени... медлительный» (323), см. также оттенок «полный бездействия, праздности, располагающий к лени» [2]; *веять* — «о ветре, струе воздуха, запахе: слабо литься» (78)), *покой*, *философ*. Заметим, что слово *философ* употреблено в составе сравнительного оборота, препозицией которого являются слова *птицы*, *крыши*. В составе этой конструкции лексема *философ* реализует житейско-бытовое значение «человек, к-рый разумно, рассудительно и спокойно относится ко всем явлениям жизни, к её невзгодам» (852). Ретроспективно значение слова *философ* актуализирует «психологические» компоненты значения слова *покой* — «состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствие беспокойства» (550). Однако в модифицированном поэтом значении образ *покоя* не противопоставлен активности, деятельности, а дополняет её таким компонентом семантической структуры этого слова, как «спокойное *душевное* и физическое состояние» [2], чем формирует представление о гармонии мира как отсутствию в нём беспокойства и тревоги.

Ряд, объединённый значением активности, составляют глаголы со значением а) движения — *пришёл*, *внёс*; б) речевой деятельности/волевого воздействия — *просит пить*; в) звукового воздействия — *шумит* (в тексте стихотворения «*внёс дворовый шум*»). Образуют этот ряд также слова, называющие психические качества и состояния (противоположные покою): *дерзок*, *разгорячён*, *вне себя* с общей для них семой 'интенсивность признака', актуализированной выражением *не вынести* («вытерпеть, выдержать» (115)) в значении «невозможно / очень трудно вытерпеть, сладить с ним».

Парадигмы обоих рядов объединены «вертикально» третьей, «предметной» парадигмой: *заря*, *птицы*, *крыши*, *панели*, *снеговая повинность* (т. е. «мобилизация „нетрудового населения“ на расчистку занесённых снегом улиц и железнодорожных путей» [8]) (соматизмы *рука*, *волосы* относятся к персонификации *года*, поэтому в этот ряд не включены). Примыкает к этому ряду словосочетание *дворовый шум* — «опредмеченное»

значение оно получает в позиции прямого дополнения и реализует значение объекта действия. По своему прямому значению компоненты этого ряда являются названиями примет городского пейзажа, но по контекстному значению все они связаны с тем или иным состоянием лирического героя — покоем или активностью.

Заметим, что предметный и «деятельный» ряды составляют предметы и действия заведомо обыденные: *градусник, птицы, крыши, просит пить, шумит, дворовый шум*. Но всё же они, столь простые и будничные, помогают герою обрести равновесие. Даже такая подробность, как расчистка дорог после снежных заносов (*снеговая повинность*) «обернулась в этом стихотворении образом здоровья и шума врывающейся с улицы жизни» [8]. Так Б. Пастернак утверждает мысль о том, что стремление к жизни заложено в самой природе человека и постичь его помогает естественный порядок вещей — сама жизнь. Человеку не может не обрести утешения, в каких бы жизненных обстоятельствах он ни оказался. По мысли поэта, нужно быть чутким к жизни, и тогда все предметы вокруг станут проводниками и глашатаями радости бытия — радости БЫТЬ.

Взаимодополнение душевного покоя и физической активности лирического героя как признак его выздоровления, обретения гармонии с собой и миром достигается по «авторскому рецепту», прописанному в финальных строках стихотворения, которые требуется понимать буквально. В заключительном четверостишии обращает на себя внимание абсолютно неслучайная, на наш взгляд, игра слов: «Он *вне себя*. Он *внёс с собой*...». Фразеологизм *вне себя* («в крайнем волнении, в исступлении от чего-н.» (87)) в контексте со свободным словосочетанием *внёс с собой* обретает семантическую двуплановость: сквозь фразеологическое переносное значение «просвечивает» значение буквальное, составленное из прямых значений слов-компонентов: *вне* — «за пределами чего-н., не в ком-чём-н.» (87), *себя* — указание «на обращённость действия на самого производителя действия...» (707). Таким образом, при дефразеологизации оборот *вне себя* начинает означать 'обращённый вовне, открытый миру'.

Поскольку все признаки *этого* года семантико-стилистически маркированы положительно, а персонифицированный образ года соотносится с образом лирического героя, то очевидным становится понимание, что герой освободился от смертного ужаса *того* года. Процессу душевного выздоровления поэт даёт модальную оценку неизбежности, долженствования: «и — *делать нечего*» («выражение согласия из-за невозможности сделать, решить по-другому» (415–416), «иного выхода нет» [2]).

Взаимодействие природы и человека, мира и человека выражено у Пастернака метафорически — в образе *снега*-«лечебного средства», что *вылечивает тоску*. Слово *тоска* реализует, скорее всего, значение «душевная тревога, уныние» (805) (ср. «тяжелое гнетущее чувство...» [2]), но возможна и контаминация со значением «скука, а также (разг.) что-н. очень скучное, неинтересное» (805) (ср. «гнетущая, томительная скука» [2]). В сочетании с глаголом *вылечивать* («леча, сделать здоровым» (114)) реализуется в новом, неузуальном значении «душевная болезнь, ненормальное для человека состояние». Это новое значение получает контекстуальное уточнение при соотношении с антиномией «смерть / жизнь», «порыв к смерти / стремление к жизни», заявленной в первой части стихотворения. Стремление к жизни обусловлено (и одновременно реализовано) покоем и активностью всего окружающего как естественными проявлениями живого (в самом общем смысле). В соотношении с этим тоска — проявление смерти (скука же «негативный» аналог покоя; тревога — «негативный» аналог активности).

В целом стихотворение «Январь 1919 года» демонстрирует, как мировосприятие и система ценностей писателя отражается в корпусе текста, его семантико-стилистическом наполнении. «Приращения смысла» языковых единиц, приобретаемые ими в пространстве художественного (поэтического) текста, определяются как их семантикой, так и связями слов друг с другом и соотношениями словесных образов, опирающихся на взаимодействие лексических и коннотативных значений. Их цельность и связность обуславливают многомерность и выразительность порождаемых посредством индивидуально-авторских преобразований языка художественных образов.

В исследуемом стихотворении, относящемся к довольно ранним, но далеко не первым поэтическим опытам Б. Пастернака, реализованы те стилистические черты и семантические приёмы работы со словом, что будут характерны для зрелого творчества поэта: изобразительная конкретность предметных образов сочетается с философской глубиной и сложностью мысли. Выступая одним из «центральных моментов» [8] стихотворного цикла «Болезнь» (сборник «Темы и вариации»), стихотворение «Январь 1919 года» даёт картину предчувствий наступившего нового года в эпоху лихолетья российской истории начала XX века. Однако обретение душевного покоя и выздоровление, которого достигает герой стихотворения с наступлением нового года, заставляет видеть в творении Б. Пастернака жизнеутверждающий посыл.

Литература

1. Барбан, Е. Чарльз Диккенс как зеркало английского Рождества // Московские новости. 2007. 26 декабря.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
3. Колодяжная, Л. И., Шестакова, Л. Л. Количественные и качественные характеристики корпуса новых слов в «Словаре языка русской поэзии XX века» // Труды и материалы III Междунар. конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2007 г.). М., 2007. С. 126–127.
4. Лукин, В. А. Художественный текст : основы лингвистической теории: аналиттический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ось-89, 2009. 560 с.
5. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 256 с.
6. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2001. 960 с.
7. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы, 1912-1931 / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; Предисл. Л. С. Флейшмана. М. : Слово, 2003. 576 с.
8. Пастернак, Е. Б. Борис Пастернак : Материалы для биографии (1989). Москва: Советский писатель, 1989. 694 с.
9. Поцепня, Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 182 с.
10. Сененко, О. В. «Темы и вариации» в контексте раннего творчества Б. Пастернака: поэтика лирического цикла и книги стихов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Сененко Олеся Владимировна. Москва, 2007. 17 с.

~

УДК 81'373.43:070

Ачилова Елена Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: elena-achilova@yandex.ru

Конак Анна Борисовна

Студент,
факультет славянской филологии и журналистики,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: ananka@mail.ua

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА НА СТРАНИЦАХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

Статья посвящена процессу лексического заимствования, которое на протяжении нескольких десятилетий происходит в современном русском языке. Материалом послужили медиатексты из женских журналов о моде. Методом сплошной выборки были отобраны новые иноязычные номинации, входящие в тематические группы 'одежда' и 'обувь'. Как показало исследование, язык сферы моды развивается в направлении интернационализации. Большая часть зафиксированных заимствований имеет английское происхождение.

Ключевые слова: лексические заимствования, иноязычная лексика, англицизмы, сфера моды, гляцевый журнал.

Elena L. Achilova

PhD in Philology science, Associate Professor,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Department of Slavic philology and journalism;
Russian Federation, Simferopol

Anna A. Konak

Student
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Department of Slavic philology and journalism;
Russian Federation, Simferopol

BORROWED VOCABULARY ON THE PAGES OF GLOSSY MAGAZINES

Abstract. *The article is devoted to the process of lexical borrowing, which has been taking place in the modern Russian language for several decades. The material for the work was media texts from women's fashion magazines. New borrowed nominations included in the thematic groups 'clothes' and 'shoes' were selected by the method of continuous sampling. The study showed that the language of the fashion sphere is developing towards internationalization. Most of the fixed borrowings are of English origin.*

Key words: *lexical borrowings, foreign language vocabulary, anglicisms, fashion, glossy magazine.*

Для цитирования:

Ачилова, Е. Л., Конак, А. Б. Заимствованная лексика на страницах глянцевого журнала // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 45–50.

Развитие науки и техники, широкое международное общение, тесные деловые и культурные связи современного мира приводят к стремительному вхождению в русский язык новых заимствованных слов. Русский лексикон постоянно пополняется множеством иностранных слов, которые связаны с различными сферами нашей жизни. По характеру и объёму заимствований в русском языке можно наблюдать пути исторического развития языка и общества.

Иноязычные слова в лексике современного русского литературного языка хоть и встречаются достаточно часто, однако не превышают 10% всего его словарного состава. В лексической системе языка далеко не все слова иностранного происхождения выступают в качестве межстилевой общеупотребительной лексики — большая часть таких слов стилистически ограничена употреблением в книжной речи и характеризуется в связи с этим узкой сферой применения (термины, профессионализмы, варваризмы, специфические книжные слова и т. д.).

Процесс заимствования в русском языке многократно становился объектом внимания таких лингвистов, как Л. П. Крысин, В. Г. Костомаров, Е. В. Маринова, М. А. Кронгауз, Э. Ф. Володарская, Э. Хаугена, В. М. Аристова и др. Огромный вклад в лексикологию выдающегося отечественного лингвиста Сергея Ивановича Ожегова. Учёный активно занимался широким спектром вопросов: языком художественной литературы, социолингвистикой, историей русского языка, культурой речи, но главный интерес С. И. Ожегова составляли вопросы лексикологии и лексикографии. Проблема пополнения языка и

вопросы фиксации результатов динамических процессов в языке — одна из актуальных в науке разных периодов её развития. Последние десятилетия наиболее активно словарный состав русского языка пополняют иноязычные заимствования.

Как известно, именно лексический уровень языка наиболее оперативно «реагирует» на события, происходящие в мире и обществе. Демократизация общества, открытие границ, устранение препятствий в общении между представителями разных национальностей и культур, непрерывный обмен знаниями и результатами научных достижений стали знаковыми характеристиками эпохи первых десятилетий XXI века.

По мнению Н. С. Валгиной, «в основе активных процессов в лексике лежат изменения в психологической установке масс, в их новом „языковом вкусе“» [2, с. 76]. Глобализация запустила мощный процесс масштабной интернационализации социума и языка. Е. В. Маринина пишет: «Если говорить о своеобразии этого процесса, прежде всего, на наш взгляд, надо говорить об интернациональном характере современного заимствования» [4, с. 36]. Тенденцию интернационализации языка на разных уровнях отмечает Л. П. Крысин: «Интернационализация лексики различных языков достигла сейчас такого уровня, при котором многие слова, а также корневые и аффиксальные морфемы оказываются общими для разных языковых систем» [6, с. 172].

Лингвисты [1, 3, 6] называют следующие причины заимствований:

- отсутствие соответствующего понятия в принимающем языке. Как мы уже отмечали, мир стремительно движется вперёд, каждый день появляются новинки в разных областях человеческой деятельности, которые быстро распространяются в мире вместе с оригинальной номинацией (*Инстаграм*, *Твиттер*, *мэссенджер* и др.);

- отсутствие соответствующего, более точного, наименования в принимающем языке (часто предпочтение иностранного слова связано с тем, что понятие на родном языке невозможно выразить одним словом: *бестселлер* — книга или фильм, пользующиеся большим спросом, вышедшие большим тиражом);

- обеспечение стилистического (эмфатического) эффекта (в некоторых случаях заимствованное слово имеет более высокий экспрессивный потенциал, чем его аналог в родном языке, например, слово *кул* (*cool*) в молодёжном сленге);

- выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе (например, *элитный*, *гламурный* и т. п.);

- социально-психологические причины и факторы заимствования. Для многих носителей языка иностранное слово звучит престижнее, чем его аналог в родном языке;

- фактор моды.

Номинаций новых понятий и явлений, имеющих в русском языке, оказывается недостаточно, поэтому самым простым и эффективным остаётся заимствование уже готового названия вместе с новым понятием и явлением. Особенность современного заимствования «проявляется в том, что пополнение русского языка иноязычиями происходит преимущественно из одного языка-источника — американский английский (эта черта тоже интернациональна)» [4, с. 38]. Таким образом, практически в каждой тематической группе большую часть заимствованных англицизмов составляют лексемы, появившиеся в русском языке как результат удовлетворения потребности в наименовании новой вещи или понятия. Это касается сферы политики и экономики, культуры и музыки, торговли и спорта, моды и красоты. Е. В. Маринина справедливо отмечает: «Ещё более дробной, можно сказать, точечной стала специализация внутри той или иной отрасли знания, сферы деятельности, причём не только профессиональной. Сфера досуга и развлечений, туризм, спорт, кулинария, мода, даже сфера быта всё более усложняются, дифференцируются, предлагая „пользователю“ огромное множество разнообразных услуг, мероприятий, программ, опций, вещей и т. п. Естественно, для всего этого требуются номинации» [4, с. 44]. Как отмечает Г. А. Мудренко, «иноязычные вкрапления и лексические заимствования являются неотъемлемой характеристикой языка средств массовой информации, которые являются «рекордсменами» по количеству встречающихся в них англицизмов» [5, с. 58].

Цель данной работы – проследить новые тенденции в языке современных медиа, освещающих проблемы моды. Для достижения поставленной цели методом сплошной выборки из гляцевых изданий последних двух лет были собраны иноязычные слова (в данной работе мы обращались только к названиям одежды и обуви), которые мы объединили в тематические группы и исследовали с точки зрения их происхождения. Объектом исследования стали статьи в журналах *Vogue*, *Cosmopolitan*, *Elle*, *Harper'sbazaar*, *Glamour* (2018 – 2020 гг.).

Индустрия моды давно занимает особое место в культуре и искусстве. В стремлении создать что-то необычное, интересное и экстравагантное придумываются новые стили и направления. Так как индустрия моды идёт к нам с Запада, то вполне очевидно, что бренды и практически все названия изделий заимствуются из языка-источника. В речи российских модельеров и

дизайнеров часто фигурируют английские слова, которые быстро подхватываются представителями медиа, создающими информационный и рекламный гламурный продукт. Из этих источников заимствования попадают в речь носителей языка. Причём процесс заимствования идёт стремительными темпами: новые слова, не успев закрепиться, адаптироваться в языке и найти отражение в словарях, попадают на страницы модных изданий.

Э. Хауген выделяет следующие типы заимствований:

- собственно заимствования, при которых заимствуется как формальная оболочка, так и семантика языка-источника с возможными фонеморфологическими и семантическими изменениями под влиянием принимающего языка;

- семантические кальки, когда заимствуется семантика без формы или с частичным замещением морфем;

- гибридные образования, т. е. слова, состоящие из иноязычных элементов лишь частично [7, с. 344–383].

Наблюдаемые нами явления — иноязычные названия одежды и обуви — представляют собой собственно заимствования из английского языка, т. е. англицизмы. Выбранные наименования были разделены на 2 тематические группы: ‘одежда’ и ‘обувь’. Все видовые названия тематической группы ‘одежда’ разделены на подгруппы: ‘верхняя одежда’, ‘блузки и свитеры’, ‘брюки’.

Подгруппа ‘верхняя одежда’ представлена такими номинациями, имеющими английскую этимологию, как *бомбер*, *дастер* (он же «пыльник»), *кейп*. Кроме этих названий, употребляются и давно вошедшие в русский язык *анорак* (эскимосское), *парка* (предположительно ненецкое), *жакет* (франц.) и *пиджак* (англ.).

В подгруппу ‘блузки и свитеры’ вошли англицизмы *кроп-топ*, *некхолдер*, *бадлон*, *свитшот*, *топ-бандо*, *худи*, а также французские по происхождению *рубашка-шемизье* и *рубашка шамбрэ*. Отметим, что активно продолжают использоваться давно адаптировавшиеся в русском языке заимствования *блузон* (франц.), *кардиган* (англ.), *свитер* (англ.).

Наибольшей в тематической группе ‘одежда’ подгруппой является наименование брюк. В эту группу вошли слова английского происхождения: *джинсы*, *джоггеры*, *чиносы*, а также испанское название *карго* и итальянское *палаццо*. Характерно, что разновидности джинсов также представляют собой англицизмы: *джинсы-скинни*, *джинсы мом*, *джинсы слим* (они же «сигареты»), *бойфренды*, *джеггинсы*. Также среди названий брюк встречаются ранее усвоенные русским языком *бриджи* (англ.), *леггинсы* (англ.), *кюлоты* (франц.), *капри* (итал.).

В группу ‘обувь’ вошли заимствования, значительная часть которых представлена англицизмами: *броги, винклкеры, ворк бутс, гриндерсы, дезерты, дерби, джекбуты, джодпуры, кроксы, лоферы, оксфорды, слиперы, тимберленды, челси*; встречаются также названия французского происхождения: *апрески, д`Орсэ, или дорсей, лабутены, эспадриллы*; зафиксировано слово немецкого происхождения *биркенштоки* и итальянское *стилеты*. На страницах модных журналов продолжают встречаться такие давно знакомые французские названия обуви, как *сабо, ботфорты, ботильоны* и латинское *мюли*.

Таким образом, можно утверждать, что язык сферы моды развивается на основании общей тенденции интернационализации. Анализ материала показал, что наиболее активно в современный русский язык проникают англоязычные заимствования, реже – французские слова, единичны номинации итальянского, испанского и немецкого происхождения. Более разнообразны по происхождению названия одежды и обуви, давно вошедшие в русский язык: кроме англицизмов, фиксируются номинации, пришедшие из французского, итальянского, латинского и других языков.

Литература

1. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы : Пособие для иностр. студентов-русистов. М. : Диалог-МГУ, 1997. 156 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2003. 304 с.
3. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 35–43.
4. Новые тенденции в русском языке начала XXI века : колл. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. 4-е изд., стер. М. : ФЛИНТА : наука, 2016. 304 с.
5. Мудренко Г. А. Иноязычные вкрапления-англицизмы на страницах деловых журналов (на примере финансовой лексики) [Электронный ресурс]. URL: [irbis-nbuv.gov.ua > cgi-bin > irbis_nbuv > cgiirbis_64](http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64) (обращение 27 ноября 2020 года).
6. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Языки славянских культур, 2008. 712 с.
7. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 344–382.

~

В свете творческой личности А. П. Чехова

УДК 821.161.3

Воробьёва Людмила Анатольевна

Литературный критик,

член Союза писателей Беларуси;

Республика Беларусь, Минск, e-mail: ludmila_v.minsk@mail.ru

ЧЕХОВ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ БЕЛАРУСИ. Статья вторая¹

В статье автором проводится мысль о взаимовлиянии творчества белорусских и русских писателей на основе прочного фундамента традиции реалистической литературы и, в частности, творчества А. П. Чехова. На примере творчества современного белорусского поэта и прозаика Генада Бадриевича Чарказяна продемонстрировано влияние традиции Чехова на литературу Беларуси. В исследовании подчёркнуто литературное родство в культурно-исторических традициях славянских литератур посредством продолжения в художественном творчестве писателей современности художественного знания и опыта А. П. Чехова.

Ключевые слова: современная литература, А. П. Чехов, Г. Б. Чаркизян, реалистическая традиция, литературно-художественная традиция Беларуси.

Liudmila A. Varabyova

Literary critic,

member of Belarusian writer's Union;

Republic of Belarus, Minsk

CHEKHOV AND MODERN LITERARY AND ARTISTIC TRADITION OF BELARUS. Article 2

¹ Начало: Воробьёва, Л. А. Чехов и современная литературно-художественная традиция Беларуси. Статья первая // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 167–185.

Abstract. *In the article, the author proposes an idea of the mutual influence of the works of Belarusian and Russian writers on the basis of a solid foundation of the tradition of realistic literature and, in particular, the work of A.P. Chekhov. By the example of the work of the modern Belarusian poet and prose writer Genad Badrievich Charkazyan, the influence of Chekhov's tradition on the literature of Belarus is demonstrated. The study emphasizes literary kinship in the cultural and historical traditions of Slavic literatures through the continuation of the artistic knowledge and experience of A.P. Chekhov in the artistic work of modern writers.*

Key words: *modern literature, A. P. Chekhov, G. B. Charkizyan, realistic tradition, literary and artistic tradition of Belarus.*

Для цитирования:

Воробьёва Л. А. Чехов и современная литературно-художественная традиция Беларуси. Статья вторая // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 51–64.

«Береги себя человек...»

Мир изменяют только любовь,
Время, терпение труд.
Ганад Чарказян

Творчество писателя Ганада Чарказяна, для которого Беларусь стала второй Родиной, его по-настоящему счастливым домом, реализует неуловимые грани бытия, особенности видения мира и людей свой неповторимые жизненный материал этого художника. Ганад Бадриевич — автор многочисленных книг: «Прочность», «Цвет доброты», «Пространство и время», «Горький запах полыни», «Белая вежа», «Мир под крылом» — поэзии, прозы и книг для детей, из них самые значимые и востребованные читателем. Произведения прозаика и поэта содержат непреходящие нравственные ценности: правду, справедливость, добро, совесть, красоту, способность противостоять силам зла и тьмы. При всей мощной мифологической и притчевой составляющей, элементах фантазии и сказочности, характерной для восточной мудрости, он творит в русле сугубо реалистических традиций. Литература реализма являет в себе всю смысловую вертикаль — от идеи человека до бытийной практики. Эта идея по-прежнему притягательна для всего мира — в центре её человек, личность, укореняющая память традиций.

Сегодня мы наблюдаем прорыв публицистики, её влияние на все жанры без исключения, что не может не сказаться и на новой степени авторской

свободы — стилистической. Нам никуда не уйти от ига масскультуры, когда появляются далеко не лучшие образцы беллетристики, чего нельзя было сказать о чеховских временах, где превалировал избирательный критический подход, из пёстрого литературного потока читателю предлагались лишь произведения заметные, талантливо написанные. Г. Чарказян — великолепный мастер короткой прозы, лаконичной и умной, тщательно продуманной, наполненной добром и радостью жизни, той самой жизнью, которую, по словам Чехова, дано «обустроить» человеку. Г. Чарказян, обладая удивительной восточной щедростью души, и обустраивает жизнь на земле: по профессии он строитель, но не будем забывать и о том, как высказался в своё время Ю. Олеся, что и «писатели — инженеры человеческих душ». Правда, наша эпоха это понятие стала активно отвергать, но к Г. Чарказяну я бы с полной уверенностью его отнесла. «Образы и мысли Чарказяна хорошо и согласно кладутся на душу, легко, без усилий доходят до современного сознания. <...> И в этом, по-моему, истинный универсализм его поэзии и прозы, основанный на определённой традиции и определённой национальной культуре», — писал о нём известный писатель В. Быков [Цит. по: 2]. Г. Чарказян, так же, как и Чехов, не поражает читателя невероятным сюжетом, броским и ярким внешним рисунком. Он создаёт образы через мысли и чувства.

Г. Чарказян ненавязчиво предлагает своему читателю жить сообразно собственному выбору. В его рассказе «Разбитый кувшин» проживший долгую и непростую жизнь, умудрённый опытом старый человек ведёт разговор с внуком. В их подчас неприхотливой, пусть в чём-то даже наивной, беседе раскрывается простая и очевидная мудрость жизни. Он смог сохранить в себе память детства, чистоту мыслей. Это ли не подлинное богатство? «Зависть — самое последнее чувство. Никто никому не может завидовать. У каждого всё своё», — говорит дед внуку. «Человек должен заботиться о красоте, о вечном», — понял он и другую, не менее важную истину бытия, немало повидав на своём веку. И «богатство — только тогда богатство, когда оно служит всем людям, а не только тем, кто его собрал», — в этой отдельной истории судьбы, так похожей на сказку или притчу, высвечиваются, что не исключено, и параллели истории личной судьбы самого автора. А в мини-рассказе «Радуйся за человека» писатель откровенно порицает зависть, которую расценивает равносильно злу. «Радоваться за человека можно всегда, а завидовать — некогда», — уверен автор.

В таком контексте не менее любопытны и точки соприкосновения с чеховским рассказом «Сапожник и нечистая сила», тоже во многом сказочно-загадочном. Сапожнику Фёдору открывается эта загадка жизни, но, правда, не

сразу. Мешала ему неуёмная зависть к чужому богатству, потому как страстно хотелось стать богатым. Но даже исполняясь, не всегда наши желания приносят счастье. Нечистая сила начала вершить судьбу сапожника. Смешались и явь, и сон, и быль, и небыль. Что же случилось с Фёдором, что это — наваждение, а может, реальность? Только понял сапожник одно, что душу нельзя отдавать за деньги, не стоят они этого: «...Фёдор уже не завидовал и не роптал на свою судьбу. Теперь ему казалось, что богатым и бедным одинаково дурно. <...> всех ждёт одно и то же, одна могила, и в жизни нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души». Зависть, как и богатство, которое не только благо, не приносят счастья. По сути, все люди глубоко в душе несчастны и всем в этом мире жить сложно: и богатым, и бедным.

Тема человеческой судьбы — ведущая в творчестве Г. Чарказяна, она постоянно его занимает, так как связана прежде всего с предназначением человека, с его земным трудом. «Г. Чарказян пишет о главном — о том, что всегда волновало и волнует людей труда», — отмечал и белорусский народный поэт Петрусь Бровка [3]. Каждый человек должен оставить после себя свой след на земле. И Г. Чарказян проникновенно рассказывает нам в своих произведениях о человеческой душе, и не столько о радостях, сколько о страданиях человека, о его «хождениях по мукам», о его душевной боли, о покаянии и грехе. Так в поучительном рассказе «Ягнёнок» ставится вполне закономерный вопрос: кто хозяин, а кто слуга своей судьбы? Весьма необычна интерпретация данного повествования, когда главные действующие лица — животные, оригинально транслирующие словно позаимствованные у человека образы и мысли. Овечка-мать размышляет о судьбе и напутствует маленького ягнёнка, несмышлёныша-сына, решившего, вопреки законам стада, которым управляет умный пастух, себя утвердить. «Он ещё не понимал, что ничего в жизни просто так не даётся. За каждым делом стоит труд. И что каждый труд заслуживает, по меньшей мере, благодарности», — говорится в рассказе. Чтобы управлять своей судьбой, необходимо стать не только сильным и независимым, но и научиться ценить других. В рассказе логично прослеживается цепочка связей и событий, происходящих вокруг и сплетающихся единый узор судьбы. «Одно событие цепляется за другое, всё связано со всем, так что надо хорошо подумать, чтобы иметь право что-то сказать», — объясняет мать сыну смысл настоящего, чтобы он уяснил для себя главное: «кто-то в жизни пастух, а кто-то ягнёнок в стаде». Автор подводит читателя к очевидным истинам, которые всегда нами усваиваются сложнее всего и не сразу. А мудрость такова, что «каждый — в стаде или вне стада — должен заниматься своим делом». Ничего другого придумывать не стоит.

Надо принимать мир таким, какой он есть на самом деле, без иллюзий и претензий, не ждать милости от судьбы, а творить её самому. Именно в этом большая убедительная сила Г. Чарказяна как художника-философа. Он, подобно Чехову, не стремится к открытой сюжетности, ведь вся прелесть и ценность в скрытом подтексте.

Тайна человеческой судьбы, мир переживаний героев, чего-то ждущих от неё и считающих, что она что-то должна им, неожиданно приоткрывается и в чеховском рассказе «Ванька» (1884), малоизвестном на фоне хрестоматийного «Ваньки» (1886) о несчастном мальчике, который накануне Рождества пишет письмо бабушке, совсем не представляя, что оно никогда не дойдёт. Другой «Ванька» — рассказ о метаморфозах судьбы, этой основной темы писателя, которую он трактует всегда по-разному, постоянно раздумывая о том, что лежит в основе счастливой судьбы одного и несчастной доли другого человека. Курьёзная история — Петруха-извозчик, коих в те времена называли «ваньками», везёт Ивана Котлова из ресторана, богатого коммерции советника, совершенно не подозревая, что он и есть его родной дядя, попутно рассказывая ему свою историю. И из неё следует, что собственный дядя его разорил, украл деньги, которые причитались ему, крестьянскому сыну, в наследство и были обещаны на будущую безбедную жизнь. Именно Котлов, седок, и является виновником горя Петрухи, но он не раскрывает своего подлинного лица. Диалог извозчика звучит как монолог и повисает в воздухе. Кто же из них прав? Извечный нравственный выбор, как вершится судьба и кто должен её вершить? Она властвует над человеком или он может всё в одночасье изменить, переиграть в своей судьбе? Котлов тоже крестьянский сын, однако смог стать богатым, успешным. Петруха же ждёт помощи от всех, и в первую очередь от судьбы, без конца сетуя на неё. И дело по Чехову не в происхождении, а в том, какую роль мы выбираем себе в жизни. Или нам она уготована судьбой? Чехов говорит нам, что человек должен бороться, трудиться, что жизнь справедливо и заслуженно расставляет всех по своим местам. Эта чеховская философия в корне отличалась от философии моралиста Л. Толстого. Чехов и сам бросил вызов судьбе, высшим силам, которые наверняка и ему, не дворянину, а бедному представителю мелких лавочников и внуку крепостного, готовили совсем иную участь. Наперекор судьбе он стал учиться на врача, стал писать и печататься.

Интерес к жизни «маленького человека», длинный ряд чеховских неудачников находит продолжение и в творчестве Г. Чарказяна. Развитие чеховской темы судьбы, тесно соприкасающейся и с судьбой денег, можно проследить в его небольших лирико-прозаических произведениях, где чётко

обозначается извечная моральная дилемма: деньги — совесть, зло — нравственная чистота. «Казалось, что люди бросили все свои привычные занятия и занимались только торговлей. Торговали, кто чем мог», — пишет он в рассказе «Торгаш», приходя к выводу, что одни лишь деньги не могут заменить человеку совесть. В другом рассказе «Посредник» речь идёт не только о нищете и богатстве, но и о том, что значат материальные ценности в судьбе отдельного человека, какое влияние они оказывают на его душу, на окружающий мир. Автор с горечью замечает: «Нет ненависти к богатому, если он это богатствочестно заработал. Сначала обмани ближнего, а если сможешь — то и дальнего. Вот сегодняшняя мораль. Всё продаётся и покупается самым бессовестным образом. Подонки жируют, а честные люди боятся сказать им, что они подонки». Чехов тоже писал о том, что «никогда не бывает абсолютного равенства и полной справедливости». Ещё более откровенные и пронзительные выводы делает Г. Чарказян и в рассказе «Взятка», призывая людей «не потерять облик человеческий». Чего же конкретно не хватает на всем? «<...> как можно создать на огромной и свободной планете условия, когда добрая половина человечества остаётся в рамках нищеты и голода, болезней и несправедливости, и ничтожные годы отпущенной Богом жизни превращает в ад... Такая короткая жизнь, и такая горькая трудная дорога... где сильный толкает на обочину слабого, бедного, больного», — читаем мы наболевшие авторские мысли, которые не могут никого оставить равнодушными. Как выстоять человеку в этом рационалистическом мире, не озлобиться и жить дальше?

Болезни общества видел и Чехов. Он как большой художник не мог пройти мимо того множества вещей и деталей, которые и составляют судьбу человека. Разумеется, тональность авторская разная, если сравнивать рассказы Чарказяна и Чехова, а суть одна. «Очень зоркие глаза дал ему Бог», — писал о А. Чехове И. Бунин. «Чехов ничего не объяснял: смотрел и видел», — адекватно оценивал его и А. Белый. К примеру, в рассказе «Пари» Чехов находит оригинальное идейно-художественное решение темы судьбы и переносит центр тяжести повествования в русло психологических переживаний героев. Итак, банкир и юрист в итоге возникшего между ними спора, что же из двух: смертная казнь хуже или лучше пожизненного заключения, совершают пари: 15 лет провести в каземате и получить два миллиона. Со стороны банкира это была прихоть, как он считал, а со стороны юриста — «простая алчность к деньгам...». Остров — флигель — тюрьма для героя, но и надежда, где он наконец в одиночестве, прочитав массу книг, познаёт мир и приходит к прозрению, что человечество идёт «не по той дороге». «Ложь принимаете вы за правду и безобразие за красоту», — говорил

добровольный узник в письме, отказываясь от обещанных ему по истечении пятнадцатилетнего срока двух миллионов, о которых когда-то так страстно мечтал, а нынче откровенно презирает и эти деньги, и само общество. Превратности судьбы и никак иначе. Теперь о деньгах мечтает банкир, живя в унижительном страхе разорения, полного финансового краха в результате обещанной выплаты. Он жаждет смерти юриста и почти готов пойти на преступление, что даст возможность избавиться от условий проклятого пари! Но узник сам тайно покидает флигель накануне истёкшего срока и тем самым нарушает договор. Что же происходит с душой и совестью банкира? Презрение к самому себе.

Судьба женщины и судьба денег описана в рассказе Чехова «Бабье царство». В повествовании всё сосредоточено вокруг денег. Может ли измениться природа человека, его натура, жаждущая богатства и власти? Авторский социально-психологический анализ человеческих отношений проходит проверку деньгами. Но Чехов только художник, он вовсе не старается быть докучливым моралистом. Анна Акимовна, хозяйка завода, не знает, кому отдать деньги, которые, по сути, ей не нужны. На какие благотворительные цели и кому важнее эта неожиданная помощь? Деньги у Чехова — часть жизни, обиход, её проза, но и без них нельзя человеку. Он понимает, что справедливость не всегда в жизни норма, так или иначе, но хозяйка завода, будучи женщиной с неустроенной судьбой, несмотря на свои богатства, отдаёт деньги тому, кто, вероятно, не особо в них и нуждается. Каприз судьбы или прихоть? Скука, стыд, мечты о счастье терзали её, а она сама, её безрадостная женская судьба были в жёсткой зависимости от судьбы денег.

Примечательно, что и в творчестве Г. Чарказяна значительное место занимает тема формирования личности, её духовного роста, тема гуманности, когда высвечивается нравственная позиция героя — способность изменить себя, обрести красоту души. В нём живёт генная память человеческой судьбы, и всегда звучит мотив родового очага, дома, где тебя ждут и любят. Как был убеждён Ю. М. Лотман, «история проходит через дом человека, через его частную жизнь» [4]. Но и тут велики роль и значение судьбы. У Чарказяна взгляд на судьбу отличается от взгляда Чехова, который в этом вопросе отдавал первенство самому человеку, его воле и желанию. «Ещё в стародавние времена люди знали, что человеческая судьба не зависит от его, человека, желания. Что всё, происходящее вокруг человека, каким-то таинственным образом заложено в нём и никуда от этого не спрятаться», — пишет он в рассказе «Генная память». Однако есть и противоречие: Селим, герой этого повествования, смог, вопреки судьбе, разлучившей его с семьёй, пронести

память древа своего рода и сохранить в своём сердце. Значит, не всё зависит только от судьбы.

Автор не боится быть гражданином мира, нести ответственность за свои поступки, равно как и за мысли, что приносят в его произведения не сиюминутное, мимолётное, а непреходящие, общечеловеческие понятия и устои. В новеллах «Соблазн» и «Три желания» он обращается к категориям добра и зла. Главный герой этих повествований — старый Карахан, обычный сельский житель, накрепко привязанный к земле. Автор словно открывает нам свою литературу милосердия, когда нужно любить, прежде всего, человека слабого, обездоленного и даже оступившегося. Поражает душа Карахана, откликающаяся на всё живое: «Он воспринимал деревья как живые существа. Всегда радовался, когда они весной распускались, цвели, потом появлялись плоды». Не так ли и Чехов любил свой сад, призывал каждого облагородить хотя бы небольшой кусочек земли, чтобы она вся превратилась в цветущий огромный сад?! Поэтому «всё просто и понятно» в размеренной жизни и героя Чарказяна. Но почему для других эти самые простые вещи становятся одновременно и самыми трудновыполнимыми? Однозначного ответа нет. Главное — «не стать носителем зла...». «Лучше сделай добро. Чем больше, тем лучше», — советует мудрый старик незнакомому мужчине, который хочет после всего плохого, что он совершил, изменить свою жизнь. «Он уходил, а Карахан смотрел ему вслед и думал, что незнакомец похож на прошлогодний фрукт, который чудом сохранился на макушке дерева. Он ещё не упал и надеется на что-то... Боже, почему люди не берегут себя и легко сдаются бурному потоку соблазна и пустых надежд?..» — новелла завершается постановкой чеховского вопроса о судьбе человека, а также о его воле, характере, что способны противостоять судьбе. Мы убеждаемся, что нельзя полагаться только на судьбу. Автор подходит к осмыслению действительности с тонким психологизмом, присущим и его героям. Судьба виновата или всё же сам человек? — задумывается читатель вместе с автором и героем новеллы.

Старый Карахан никогда не сосредотачивался на себе, помогал ближним, заботился о своём саде, своих животных. К его судьбе были «привязаны и судьбы людей, птиц, которых он кормил, животных, с которыми он разговаривал в надежде, что они понимают его... Это был особый мир человека, который видел цель своей жизни в служении другим. В приумножении добра на Земле...». Автор использует традиционный элемент сказки, когда заболевшему старику, снится сон, в котором ему некий незнакомец предлагает исполнить три просьбы. Заметим, сон многое означает и в судьбе чеховских персонажей. Карахан даже во сне ничего не попросил для себя лично, хотя чувствовал рядом дыхание смерти. Только у него в

отличие от некоторых чеховских героев не было ни равнодушия к жизни, ни любопытства к смерти. Реальность и сон будто сливаются. Если человек не безразличен к чужой судьбе, если ему есть «дело до чужой беды и радости», — то зачем умирать?! Своеобразная цепочка человеческих связей, жизней и судеб логически вписывается в бытие Карахана, не требующего личного счастья, а творящего добро. Афористичность философской строки Чарказяна проникнута мыслью о человеке, его душе, которая должна быть открыта миру и добру. Да, красота необходима, но она нерукотворна, лишь добро есть дело рук человека.

Вспомним, по-особенному выделял в людях всё лучшее, что у них было, и Чехов. Он обладал умением чувствовать за другого человека. Его в нём привлекали мягкость и сила характера, но сила, направленная не на подчинение себе чьей-то воли, а на работу над самим собой. «Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла, он зорко подмечает несовершенство наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра», — писал в книге «Условие абсолютного добра» философ Н. Лосский [5]. Н. Бердяев, размышляя о судьбе России, говорил о том, что русский человек ищет не счастья, а правды. На поиски счастья отправляются и чеховские герои в рассказе «Счастье» (1887). Судьба и счастье — два мифологических символа, образующих смысловой центр художественного мира Чехова. Южнорусская степь, звёздная летняя ночь, огромное овечье стадо и три человека, напряжённо думающие о счастье, о судьбе, о непостижимости земного пути. Как же найти его, это загадочное счастье, которое никому просто так в руки не даётся? Один из героев рассказа Пантелей, слушая старика, которому мерещились заговорённые клады и зарытые в земле богатства, нереальные миражи, высказал в одной фразе весь философско-поэтический итог рассказа: «...Есть счастье, да нет ума искать его». Чехов понимал, что нет и не может быть такого счастья в реальной жизни, но есть созидательная энергия труда, сила духа самого человека добыть это великое счастье для будущих поколений. Не надо ждать счастья, как делают герои, а надо просто делать добро. «Фантастичность и сказочность человеческого счастья», которые занимают в рассказе и третьего героя, ещё юного Саньку, тоже не могут заменить стремления к конкретной цели, к труду и созиданию.

Между тем, любопытно отметить ещё одну важную тенденцию: история литературы полна иронии, смеха. Комическое универсально. Художественной почвой, бытийной основой повествований Г. Чарказяна часто является пародия, представляющая удивительные образцы короткой прозы. Он, как и Чехов, рано столкнувшийся с несправедливостью жизни, хорошо понял две её

крайних полюса: трагичность и комичность. «Поэзия Г. Чарказяна привлекает оптимистическим мироощущением», — замечал белорусский поэт П. Бровка [Цит. по: 2]. Поэтика смешного у Чарказяна представляет колоритный комический ряд незабываемых персонажей. Он умеет писать понятно, предельно сокращая мысль, избегая пространных философствований. Например, всего лишь маленький образец его прозаических лаконизмов: «Сторож от безделия начал считать звёзды на небе. Когда дошёл до ста, он палкой очертил круг на небе и, довольный, сказал: «Вот уже и сотня» — это мини-рассказ «Интересное занятие». Подобная лапидарность стиля и полное отсутствие вычурности как таковой, вероятно, понравились бы и Чехову. Ведь не нами сказано: всё гениальное просто.

Чехов, так же как Достоевский, Салтыков-Щедрин, Гоголь совершает собственную попытку изучить экзистенциальную природу смеха в литературе. В письме к Л. А. Авиловой он советует писательнице: «Будьте веселы, смотрите на жизнь не так замысловато; вероятно, на самом деле, она гораздо проще». Но человек порой сам усложняет жизнь. И выглядит комично, когда кто-то хочет казаться умнее, чем есть, когда хочет поучать кого-то, не понимая сути вещей, как в рассказе Чехова «Умный дворник», который в чем-то похож на сторожа, изображённого Чарказяном, правда, человека уже новой эпохи и новой формации. Времена меняются, а нравы остаются прежними. «Посреди кухни стоял дворник Филипп и читал наставление. Его слушали лакеи, кучер, две горничные, повар, кухарка и два мальчика-поварёнка, его родные дети. Каждое утро он что-нибудь да проповедовал, в это же утро предметом речи его было просвещение», — выходит, и дворник Чехова маялся безделием, напрочь потеряв реальность, будучи и тогда, и сейчас так же смешон.

Заметим, что художественная малая проза Г. Чарказяна имеет своё особое своеобразие. Благодаря слиянию драматического, трагического и иронического, мир его персонажей можно увидеть и через призму чеховских сюжетов. Нередко на фоне динамичного сюжета у автора возникают и парадоксальные ситуации, что мы видим в рассказе «Трудный день моржа», где идёт речь о «создании живых существ». Впрочем, даже сам Создатель был не в силах проследить от начала и до конца столь ответственный процесс, «случались неувязки». Автор явно иронизирует, хотя делает это снисходительно, по-доброму: «...все были довольны, кроме человека. Разум его не мог смириться с неизбежной гибелью каждого индивида. Да, многовато мозгов отхватил он при делёжке. Видно, не ему они предназначались». В стиле и манере письма Чарказяна присутствует определённая недосказанность, оставляющая читателю право для домысливания и

фантазии. То же самое и у Чехова. Однако произведения их разные, несравнимы во многих отношениях и таланты, а говорят авторы очень часто об одном и том же и на одном понятном языке.

Чехов во многом парадоксален. Он никогда не навязывает своего мнения, не морализует, он только ищет истину. «Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай», — такие суждения, необходимые для понимания жизни и творчества, можно найти на страницах его «Записной книжки». У Чехова всегда две точки зрения: серьёзная и комическая. Притягателен его неиссякаемый юмор — светлый, беззаботный, где-то легкомысленный. Поэт Ю. Левитанский напишет: «Книжку выну. Не книжку чековую, / А хорошую книжку Чехова. / Чехов — мой любимый писатель. / Он весёлый очень писатель», — строфа из стихотворения «В Москве меня не прописывали...» [6]. Сколько естественной иронии, прощающей человеку все его слабости находим в замечательном рассказе Чехова «Ёлка», в котором «вечно зелёная ёлка судьбы увешана благами жизни...», дающая всегда надежду «на ёлку будущего года...». Умиляет и парадоксальность ситуации в рассказе «Невидимые миру слёзы», приоткрывающем тайну человеческих иллюзий и заблуждений. Не менее противоречива и история «Papaavis» (редкая птица, лат.) — беседа сочинителя уголовных романов с полицейским сыщиком, когда без особого на то труда можно разыскать, кого угодно, где угодно, даже всех персонажей дна, но только не «идеально честных людей...» Или рассказ «Радость» о том, как коллежский регистратор Митя Кулдаров вдруг возомнил себя знаменитым, о нём напечатали в газете, и неважно, по какому поводу, что он, будучи пьян, стал основным виновником серьёзного дорожного происшествия. А в рассказе «Месть» (1886), уточним, в том, где обманутый муж, желая отомстить сопернику, перехитрил самого себя и остался в дураках. Не будем забывать: юмор серьёзных писателей содержит критерии истинного и ценного, являя миру такой неповторимый смех, в котором столько же простодушия, сколько и природной мудрости.

Писатель всегда интересен многообразием читательских интерпретаций, проходящих во времени. Достоинство прозы — точность и краткость выраженной мысли. Иногда спектр двух разных писателей оказывается сходным, почти родственным. Интеллектуальная лапидарность и актуальность проблематики, обозначенная Г. Чарказяном, поразительна: «Можно написать очень много книг. Можно даже напечатать их. Вопрос-то в другом: нужны ли они кому-то, кроме тебя?» — буквально в двух предложениях он поднимает тему судьбы художника и значимости его произведений, ведь у книг, как и у людей, тоже есть своя судьба. Бессмертный

монолог Гамлета из шекспировской трагедии: «Быть или не быть, вот в чём вопрос», — заставляет в очередной раз задуматься, для чего и во имя чего творит писатель?

Не зря Чехов в качестве напутствия будущим литераторам делает им своеобразный «юбилейный подарок» — небольшой рассказ «Правила для начинающих авторов». «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!» — запоминаются категоричные строки, значит, труд этот таит определённую опасность как для самого пишущего, так и для общества, для читателя. С одной стороны, по словам Чехова, «стать писателем очень нетрудно». Действительно, писать можно при желании, что угодно и о чём угодно. Каждому писанию найдётся и соответствующий читатель. «Стать же писателем, которого печатают и читают, очень трудно. <...> Чем короче и реже ты пишешь, тем больше и чаще тебя печатают. Краткость вообще не портит дела», — и здесь масса сокровенных заповедей и тонкостей, которые необходимы для совершенствования литературного пера. Даже в ироничной форме Чехов весьма ярко и убедительно говорит о вещах серьёзных, принципиально значимых.

Мы часто навязываем людям своё представление в большинстве случаев убогое о таких сложных материях, как жизнь и душа, мир и Бог, смерть и бессмертие, любовь и бесконечность. Но люди это читают и всё ещё верят лукавому слову. Размышления о подлинных возвышенных гуманистических началах жизни крайне важно слышать из уст писателей совестливых, с трепетным и добрым сердцем, каким и обладает Г. Чарказян. В рассказе «Белая вежа» он задумывается о судьбе отдельного человека и целого народа, о свободе и мечте, о главном предназначении каждого на земле. А земля для всех одна — наш общий дом. Если бы только человек не забывал об этом! Хранил своё и уважал чужое, не гнался за крикливой модой. Впечатляет образ красивого и сильного человека с мифологическим именем Искандер, который ради блага своего народа возводит дамбу и строит Белую башню — символ мечты и счастья, чистоты и свободы, чем и вызывает недоумение и раздражение соседей. Он видит великую цель и вселяет веру, бросает судьбе вызов, создавая свою модель мира и тем самым доказывая своё право на обретение абсолюта-максимума. «...будущее за справедливыми разумным устройством общества. Сегодня мы делаем к этому будущему только первые шаги. <...> мы построим такой светлый город, где, не обижая друг друга, будут жить люди и машины, деревья и реки, звери и птицы. В этом городе каждому будет понятна тяжкая сладость труда. Никто не будет тратить ум и талант на деньги и власть. Там не будет чужого горя, а радость каждого, усиливаясь, как эхо в горах, будет обрушиваться на нас лавиной и уносить, как волна. Там

мужчины и женщины будут проходить по жизни в блеске молодости и красоты, расточая любовь, неиссякаемые запасы любви...» – настоящая поэтическая песнь, гимн торжеству жизни и любви звучит в рассказе. Этот светлый город мечты, где «широкие окна счастья» отразят весеннее солнце, будет достоин восхищения! Творить прекрасное человеку помогает любовь. «Мир должен дозреть до своей чистоты», – мудро думал Искандер, отвергая насилие и утверждая на земле добро и справедливость.

Стремление героев Г. Чарказяна построить город будущего, город счастья и мечты по законам правды и красоты, бесспорно, роднит их с персонажами Чехова. Русский классик мечтал о том, что грядущее должно быть прекрасно. Это помогало ему жить и творить, глядя на многие десятилетия вперёд. Не так ли мыслит и его герой Иван Великопольский в рассказе «Студент», что «правда и красота, направляющие человеческую жизнь» «всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле», что и придавало жизни высокий смысл?! Верой в лучшее завтра полны сердца и персонажей «Вишнёвого сада», а в заключительном акте пьесы «Дядя Ваня» пророческим смыслом наполнены слова Сони о том, что «надо жить!»: «Мы увидим небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир...» – разве сегодня всё прогрессивное человечество не мечтает о том же?!

Нити судьбы таких разных персонажей, которых мы видим в творчестве Чарказяна и Чехова, удивительным образом сплетаются в узел общих переживаний, мучительных и долгих, но есть и надежда, что эти страдания обернутся радостью для будущих поколений. Человек должен вырваться из заколдованного круга, найти выход и обустроить жизнь. Глубокий реализм внутреннего мира героев, драматизм судьбы, но не безнадёжность, вера в жизнь, в человека – были и всегда останутся ключевыми и ведущими смыслами наших отечественных литератур.

Литература

1. Чарказян, Г. Б. Белая вежа: проза и поэзия. Минск, 2010. 463 с.
2. Саламаха, У. П. Сусвет дабрыні: эссе, артыкулы, дыялогі. Мн., 2005.
3. Камейша, К. Цвет доброты Г. Чарказяна. Страницы жизни и творчества. Минск, 2012.
4. История русской литературы XIX века. Вторая половина. М., 1987.
5. Философы и историки Лосские: диалог культур и цивилизаций. Минск : Право и экономика, 2017.

6. Соколов, А. Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2000.
7. Современная русская литература: 1990-е годы – начало XXI века: учебн. пособие. М., 2005.
8. Скафтымов, М. Е. Нравственные искания русских писателей. М., 1972.
9. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. – 423 с.
10. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
11. Кунильский, А. Е. «Лик земной и вечная истина»: Монография. Петрозаводск, 2006. 304 с.
12. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986.
13. От Пушкина до Чехова. Чеховские чтения в Ялте: вып. 10. Симферополь, 2001.
14. Чехов и Толстой. Чеховские чтения в Ялте: вып. 16. Симферополь, 2011.
15. Шалюгин, Г. А. Ялта. В гостях у Чехова. М., 2018. 384 с.
16. Чехов, А. П. Полное собрание соч. и писем: в 30 т. Сочинения./ Антон Чехов. Т. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15. М., 1986.

~

УДК 908 /929

Невмержицкая Татьяна Геннадьевна

Заведующая отделом «Чехов и Крым»,
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»;
Российская Федерация, Ялта, e-mail: nevmer-tat@mail.ru

ДАЧА «ОМЮР»: ЧЕХОВ, ИЛОВАЙСКИЕ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

Автором исследованы аспекты быта и творчества А. П. Чехова в период его жизни на даче К. М. Иловайской «Омюр» в Ялте. На основе мемориальных источников проанализированы взаимоотношения писателя с семьёй Иловайских, детали которых, несомненно, нашли отражение в мироощущении и творчестве А. П. Чехова ялтинского периода. Дача «Омюр» рассматривается как средоточие культуры: место, где в разное время под одной крышей собирались люди разных дарований — что не удивительно, так как дом принадлежал семье, чья история уходит вглубь веков, в которой царил культ образованности, а хороший вкус переходил по наследству. В статье дана ретроспектива истории семьи Иловайских на основании документальных и мемуарных источников.

Ключевые слова: А. П. Чехов, А. Патти, Д. А. Усатов, дачная культура, Иловайские, К. М. Иловайская, культура, М. М. Венедиктов, Омюр, Ялта.

Tatiana G. Nevmerzhitskaya

Head of “Chekhov and Crimea” department,
Crimean literary and artistic Memorial Museum;
Russian Federation, Yalta

COTTAGE “OMYUR”: CHEKHOV, ILOVAISKY AND THEIR ENCIRCLEMENT

Abstract. *The author investigated aspects of Anton Chekhov's life & work during his life at the cottage of K. M. Ilovaiskaya “Omyur” in Yalta. Analyzed, on the basis of the identified memorial sources, the relationship of the great Russian writer with the Ilovaisky family, which revealed, with more detailed attention, many interesting parallels that have found, undoubtedly reflected in the life and work of Anton Chekhov of the Yalta period. Cottage “Omyur” is considered as the kind of center of culture; as a place where people of art and different talents gathered under one roof — which was not surprising, because the house belonged to a family whose history goes back centuries, in*

which education, style and good taste passed on by inheritance. A retrospective of the history of the Ilovaisky family is given on the basis of documentary and memoir sources.

Key words: Anton Chekhov, Dmitriy Ousatov, Ilovaisky, Kapitolina Ilovaiskaya, Mikhail Venediktov, "Omyur", Patti Adelina, phenomenon on of a Russian dacha culture, Yalta.

Для цитирования:

Невмержицкая, Т. Г. Дача «Омюр»: Чехов, Иловайские и их окружение // Гуманитарная парадигма. 2020. №4 (15). С. 65–77.

*Не унывай, земля моя родная,
И, прошлое с любовью вспоминая,
Смотри вперёд на предлежащий век!
И верь, – твой враг вражду свою оплатит
И замолчит, уразумев, что значит
И русский Бог, и русский человек.*

*В. Г. Бенедиктов «К России», 1855 год
(кузен М. М. Венедиктова, отца К. М. Иловайской)*

Как много оставлено воспоминаний о русском писателе А. П. Чехове! И родственниками, и близкими друзьями, и просто его современниками, которым посчастливилось встретиться с ним... Но в очередной раз, раскрывая томик с письмами, с узнаваемым абрисом автографа на обложке, возникает вопрос: где и как жил Чехов, пока строил свой дом в Ялте? Отправимся же за писателем в ту осень 1898 года, когда Антон Павлович приехал в Ялту и поселился на даче «Стратеиз» Н. Н. Бушева, откуда позднее переехал ненадолго на Пушкинский бульвар, к доктору И. И. Иванову¹ и, наконец, в октябре, поселился на даче «Омюр» у Иловайских. Здесь писателю суждено было прожить шесть месяцев и именно эти полгода оказались столь насыщены событиями и так плодотворны, что трудно представить, как бы сложилась дальнейшая жизнь Чехова, если бы их не было в его жизни.

Читая письма Чехова этой поры, понимаешь, что всё происходящее в стране, в мире и, конечно, в его окружении, вольно или невольно влияло на него и на писателя (уже не «Антошу Чехонте»), и на человека А. П. Чехова. Желание поселиться в Ялте возникло у него той осенью 1898 года. Возможно, на это решение повлияли посланные жизнью испытания, решающим среди

¹ И. И. Иванов — доктор медицины в Ялте, стараниями которого был открыт санаторий для диетических и физических способов лечения внутренних (кроме туберкулёзного процесса) и нервных болезней.

которых стала, конечно, неожиданная смерть отца в Мелихово и понимание того, что ничего уже не будет как прежде. Сказались и предложение издателя А. Ф. Маркса, и ненадолго отступившая болезнь, и забота о матушке, Евгении Яковлевне, которая осталась в Подмоскowie одна с сестрой Машей.

Именно в это непростое время, прогуливаясь в один из дней по Ялте, писатель встретился с четой Иловайских. Эта встреча и последовавшее за ней приглашение пожить в их особняке, на даче «Омюр», стало судьбоносным.

Однако история знакомства Чехова и Иловайских началась ранее, ещё в 1892 году. Из письма Антона Павловича сестре М. П. Чеховой от 9 февраля 1892 г. (Бобров. Воскресенье): «... Дела наши с голодающими идут прекрасно: в Воронеже мы у губернатора обедали и каждый вечер в театре сидели, а вчера весь день провели в казенном Хреновском конском заводе у управляющего Иловайского; у Иловайского в зале застали мы плотников, делающих эстраду и кулисы, и любителей, репетирующих „Женитьбу“ в пользу голодающих. Затем блины, разговоры, очаровательные улыбки и m-e-l-l-e Иловайская, 18-летняя девица, очаровывающая нас своею оригинальностью и сценическим талантом. Затем чай, варенья, опять разговоры и, наконец, тройка с колоколами. Одним словом, с голодающими дела идут недурно» [17, Т. 4, С. 357–358].

Стоит отметить, что ничего в жизни Антона Павловича не происходило без удивительного Провидения: сама его жизнь — большая, интересная пьеса, написанная судьбой. Его рассказы — откровения, письма — сама жизнь. И, как оказалось, именно в Ялте был сыгран последний акт великой пьесы-жизни, и первая картина последнего акта здесь — дача «Омюр». Каждая встреча, всякое знакомство, жизненное наблюдение копилось в душе Антона Павловича Чехова и... в его записной книжке, и порой проходили годы, прежде чем они находили воплощение в художественном замысле писателя.

Одним из судьбоносных, по нашему мнению, поворотов судьбы стало знакомство Чехова с семьёй Иловайских. Ещё будучи ребёнком, Антоша, — как его называли родные, — как и все дети семьи, много трудился, выполняя поручения отца в бакалейной лавке. По вечерам же все слушали рассказы матушки Евгении Яковлевны или няни Агафьи Александровны Кумской [11, с. 13], которую дети полюбили за то, что она, как и Арина Родионовна для Пушкина, была прекрасной рассказчицей. Уже тогда её повествования рождали в душе будущего писателя образы чего-то далёкого и прекрасного, будоражили и удивляли. Примечательно, что няня, служившая няней у Чеховых вплоть до их отъезда из Таганрога в 1876 году (а значит, воспитала не

только Антошу, но и всех детей Чеховых²) в прошлом (по словам Марии Павловны Чеховой) была крепостной у Иловайских. Это первое упоминание фамилии Иловайских в биографии семьи Чеховых, и первое заочное знакомство юного Антоши с историей известного донского рода [11, с. 13].

По прошествии лет, в 1892 году, уже взрослый Антон Павлович Чехов со своим другом издателем Алексеем Сергеевичем Сувориным предпринял поездку в Воронежскую губернию для сбора пожертвований для голодающих детей Саратовского края и Поволжья³. Именно там Чехов близко познакомился с семьёй Иловайских, глава которой, Степан Павлович, на протяжении 15-ти лет служил управляющим крупнейшего в России государственного Хреновского конного завода – «родины орловского рысака». Здесь мы возвращаемся к цитируемому выше письму Чехова сестре, в котором засвидетельствовано близкое общение с семьёй управляющего [17, Т. 4, с. 357]. Интересно, что в Воронежской губернии Чехов познакомился и с супругой Степана Павловича — Капитолиной Михайловной (в девичестве Венедиктовой) и их дочерью Зиной (позже, в замужестве Ефремовой), которая помогала Чехову и Суворину собирать пожертвования в пользу голодающих. Быт настоящей русской патриархальной семьи, в удивительно многогранной культуре которой виделось что-то гоголевское (недаром у Иловайских ставили его «Женитьбу»), не мог не привлечь Чехова. Возможно, после этой встречи в нём заговорил художник-бытописатель...

С этого момента пройдёт несколько лет, в течение которых писатель успеет приобрести Мелихово, осесть в Подмосковье и шесть раз посетить Крым. Судьбе было угодно, чтобы в 1898 году, Антон Павлович случайно (или неслучайно?) встретил чету Иловайских в Ялте и получил приглашение поселиться на их даче «Омюр», о которой стоит рассказать подробнее.

Участок земли в Ялте (125 саженей) семья Иловайских приобрела ещё в 1886 году. Основной причиной покупки стало слабое здоровье Капитолины Михайловны, которой, по совету врачей, в холодные месяцы рекомендовалось жить в тёплых краях. В итоге вся семья решила поселиться в Крыму.

Проект и постройку дома Иловайские заказали К. Р. Овсяному (1845–1917), врачу по профессии и архитектору-любителю с опытом капитального

² Мария Павловна Чехова кратко упоминает об этом в предисловии к первому тому писем, изданному под её редакцией в 1912 году [11, с. 13].

³ В фондах Дома-музея А. П. Чехова в Ялте хранится благотворительное издание альбома автографов за 1892 год, выпускавшихся издательством А. С. Суворина с целью сбора средств голодающим. Среди писавших в альбом стоит отметить И. К. Айвазовского, А. Патти, П. де Сарасате, П. И. Чайковского. Некоторые персоны имеют отношение и к предмету данного исследования, о чём см. ниже.

строительства⁴. Архитектор быстро спроектировал и за два года построил изящный особняк, в котором уже тогда были водопровод, электричество и телефон. В подвале стоял собственный генератор (это была обычная практика богатых домов столичного уровня, но диковинка для Ялты), поэтому неэлектрифицированность города не стала помехой. По моде того времени Иловайские дали название новому дому на восточный манер: «Омюр» в некоторых тюркских языках значит «жизнь». Именно в этом прекрасном особняке, выстроенном в неоготическом стиле, с элементами «мавританской» эклектики, Чехов и поселился в октябре 1898 года, и позже окончательно утвердился в мысли о собственном доме в Ялте.

*Дача «Омюр». Фото С. Радзивилл 1900 – 1915.
Личный архив автора фото*

Чем же примечательна семья Иловайских для Чехова? Известно, что писателя привлекало общение с людьми незаурядными, обращающими на себя внимание поступками, выходящими из ряда ожидаемых, сразу необъяснимых – кажется, Чехов видел и чувствовал более других, понимал и людей, и время тоньше остальных. А хозяйка дачи «Омюр», Капитолина Михайловна, которая сдавала комнаты лишь тем, кто ей был приятен,

⁴ К. Р. Овсяным также спроектированы в схожем неоготическом вкусе дом графов Капнистов по современной улице Боткинской, а также собственный дом архитектора – вилла «Ифигения», на которой в начале XX века жила великая украинская поэтесса Леся Украинка. Уничтоженная в годы Великой Отечественной войны, вилла К. Р. Овсяного находилась на углу ул. Боткинской, на месте нового здания и двора школы № 6, границы которого повторяют очертания участка виллы Овсяного.

пригласив Антона Павловича, окружила его вниманием и заботой, столь необходимой писателю. Их нельзя было назвать близкими друзьями, но они были людьми, безусловно, приятными друг другу. Чехов был и хорошим врачом, и прекрасным собеседником и стал для Капитолины Михайловны отдушиной в скучной зимней Ялте; а хозяйка «Омюра», в свою очередь, старалась угодить своему талантливому жильцу. Из Ялты Чехов писал своей приятельнице Е. Шавровой-Юст (23 октября 1898 г.): «Сегодня я перебираюсь в дом Иловайской. Я в 1892 г. познакомился с ней, т. е. встретились теперь как старые знакомые. Говорят, что у нее очень хорошие обеды — и это так приятно!! (sic!)» [17, Т. 7, с. 305–307]. Здесь Чехов получил столь важное для писателя уединение, возможность спокойно работать и встречаться с людьми, которые были ему интересны. Например, на даче Иловайских впервые встретились Чехов и Горький — тогда они проговорили всю ночь до утра. Чехов увидел в Горьком недюжинный талант, сильный характер и самобытность. Современного читателя и исследователя биографии Чехова-писателя не может оставить равнодушным его удивительная способность увидеть то, что находится у всех перед глазами, на виду, но всё же доступно лишь немногим.

Говоря о Провидении и судьбе, стоит обратиться к родовой истории самих Иловайских, добавив новые штрихи к той, действительно, неслучайной и судьбоносной встрече.

Глава семейства, Степан Павлович Иловайский, супруг Капитолины Михайловны, был представителем древнего казачьего дворянского рода, одной из его ветвей (по линии Василия Ивановича Иловайского). Известно, что родоначальником семьи был Мокей Осипович Иловайский (сер. XVII — нач. XVIII вв.), посадский человек, переселившийся на Дон [7; 15], где был записан в казачье войско и участвовал во всех военных походах, в том числе и в Крымских. Его сын, Иван Мокеевич, участвовал в военных действиях на Кавказе, был пленён горцами, освобождён и продолжил службу: участвовал в русско-шведской компании, позднее был избран походным атаманом в Кизляре, а в мирное время занимал должность войскового наказного атамана.

За годы честной службы он оставил после себя доброе имя и трёх сыновей, которые основали три главные ветви рода Иловайских. Судьбе было угодно распорядиться так, что все Иловайские по мужской линии стали потомственными военными, и, даже когда фортуна отворачивалась, никто из них не предавал товарищей и Отечество, не бежал с поля боя, не укрывался в тылу. Действительно, казачий дворянский род Иловайских был гордостью и честью русского народа: портреты его представителей по сей день украшают Военную галерею Зимнего дворца (Эрмитаж), где находится сразу шесть

портретов Иловайских из 12-ти, отличившихся в войне 1812 года⁵. Это о них Александр I как-то сказал прусскому королю: «Вот как у меня служат донцы: семь сыновей у отца, и все они здесь налицо» [12, с. 303].

Расскажем коротко и о родоначальниках трёх ветвей рода Иловайских.

Алексей Иванович (1735–1797) был участником русско-турецкой войны (1768–1774), известен тем, что захватил в плен Емельяна Пугачёва (об этом факте кратко упоминается в «Истории Пугачёва» А. С. Пушкина [13, с. 161]). Он поддержал реформы Г. А. Потёмкина-Таврического, отличился при взятии Измаила в 1790 году, где сражался бок о бок с А. В. Суворовым, А. Ф. Ланжероном⁶, А. П. Мелиссино, герцогом Дама и де Фронсак, позднее с генерал-губернатором Новороссии А.-Э. де Ришелье. За свою службу А. И. Иловайский получил звания войскового атамана войска Донского [7; 15] и был представлен к множественным государственным наградам.

Дмитрий Иванович (1738 – после 1804) участвовал в Семилетней и в русско-турецкой войне, был назначен наказным атаманом Войска Донского. В 1800 году (при императоре Павле I) по анонимному доносу отстранён от службы, арестован, но вскоре освобождён лично императором Александром I, в котором находил всяческое участие, позже удостоился множественных государственных наград за службу [7; 9].

Василий Иванович (1742–1792), как и братья, участвовал в Семилетней и в русско-турецкой войне, отличился при Карске, Безарджике и Шумле, удостоен множественных государственных наград.

Именно к третьей ветви рода Иловайских, ветви, восходящей к Василию Ивановичу, принадлежал Степан Павлович Иловайский, унтер-офицер лейб-гвардии Казачьего полка, который участвовал в Крымской кампании 1854–

⁵ А. С. Пушкин в стихотворении «Полководец», описывает военную галерею:

*«У русского царя в чертогах есть палата;
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Её разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жён,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года...»*

⁶ Ланжерон (Александр Луи Андре) французский граф. Успел отличиться на войне за независимость в США (в корпусе Дж. Вашингтона). В 1789 году эмигрировал в Россию. Определён в Сибирский гренадерский полк в чине подполковника. Участник русско-шведской и русско-турецкой войн, участник взятия Измаила. Преемник А.-Э. де Ришелье на посту генерал-губернатора Новороссии в 1814–1823 гг.

1856 гг. Он служил адъютантом наместника Царства Польского (с 08.01.1856 г. по 18.05.1861 г. при князе Михаиле Дмитриевиче Горчакове) [9; 15], в 1861-м вышел в отставку штаб-ротмистром. В 1865 году женился на Капитолине Михайловне Венедиктовой. С 1870–1873 г. был областным предводителем дворянства войска Донского и в 1872-м пожалован в должность шталмейстера Высочайшего двора. Управлял 15 лет (1880–1896) государственным Хреновским конным заводом [15, с. 17]. За это время несколько раз бывал в Англии и Франции, где покупал лошадей для царских конюшен. Будучи большим знатоком английской породы, сумел воспитать рысистых лошадей новой формации. Как управленец ввёл в применение приёмы английских коннозаводчиков, сумел улучшить породу отечественных орловских рысаков. В 1896 году был избран вице-президентом Царскосельского скакового общества и членом совета государственного коннозаводства. Впоследствии Степан Павлович был произведён в тайные советники. Из его характеристики: «Всегда мягкий, деликатный, справедливый, внимательный к нуждам подчинённых и безукоризненно честный» [9; 10; 15]. И это лишь малая толика того, что можно и нужно рассказать об этом человеке.

Рассказывая о Степане Павловиче Иловайском, стоит отметить его женитьбу на дочери генерал-майора М. М. Венедиктова, Капитолине Михайловне, которая составила ему прекрасную партию. Об этой неординарной женщине и о её семье также следует рассказать подробнее.

Отец Капитолины Михайловны Венедиктовой (1847–1913) Михаил Михайлович Венедиктов (1806–1881) был потомственным дворянином, родом из Тверской губернии (приходился кузеном поэту В. Г. Бенедиктову [14, с. 30], слава которого пришлась на 1830–1850 годы – эпиграф из его поэмы помещён автором в начале исследования). Как военный офицер М. М. Венедиктов начал службу в чине прапорщика 13-й пехотной дивизии Русской императорской армии, шестого армейского корпуса. Был награждён орденом Св. Георгия IV степени, который получил из рук Императора Николая I [14, с. 29–30].

В конце 1840-х годов, испросив разрешения государя, был направлен на службу в Париж, где прослужил 6 лет и был принят в аристократических кругах. Именно там он познакомился с Жорж Санд и был частым гостем в её литературном кружке (среди членов этого кружка стоит отметить Ф. Шопена, Ф. Листа, Ш. Мариани, П. Виардо и др.). В этом кипучем городе, в «сердце Европы», судьба к Венедиктову благоволила — здесь он познакомился и женился на юной образованной девушке из известной аристократической

семьи Александре Пикте⁷. В этом знакомстве немаловажную роль сыграло окружение Жорж Санд, в котором близким другом известной романистки был кузен будущей супруги Венедиктова Адольф Пикте⁸, учёный, писатель и полиглот.

В 1854 году М. М. Венедиктов возвращается Россию, куда перевозит свою семью и маленькую дочь — Капитолину, раннее детство которой прошло между парижской квартирой родителей и тенистой зеленью тихого Ноана. В России Венедиктов получил звание генерал-майора и остался навсегда жить на Родине помещиком. Известно, что его единственная дочь Капитолина Михайловна, которую в семье на французский манер продолжали звать «Элина», посещая Париж, снова встретила с Жорж Санд в 1860 году [14, с. 30–31]. Привычка вращаться в кругу передовой интеллигенции не исчезла с годами: Капитолина Михайловна, выйдя замуж за С. П. Иловайского, уже вместе с супругом, а впоследствии и с детьми, бывая в Париже и Лондоне, много встречалась с известными людьми своего времени, что объясняется

*Иловайская (ур. Венедиктова) Капитолина Михайловна (1847–1913).
Фотография кабинетная на паспорту [4]*

духовной потребностью интеллектуального общения. Именно интеллект и интеллигентность сделали впоследствии и А. П. Чехова желанным гостем в семье Иловайских. Капитолина Михайловна, по воспоминаниям внучки, Софьи Михайловны Иловайской, дочери младшего сына, Михаила Степановича, «была очень радушной, но, увы, женщиной со слабым

⁷ Александра Пикте (1807–1885), двоюродная сестра известного философа и учёного А. Пикте, в 1832 г. вышла замуж за М. М. Венедиктова, входила в круг знакомых Жорж Санд, как кузина Адольфа Пикте [14, с. 30–31].

⁸ Адольф Пикте (1799–1875), швейцарский языковед, философ, баллист и писатель, специалист в области индоевропеистики. Был дружен с Ф. Листом и Ж. Санд. В 1838 г. опубликовал рассказ «Unecourse a Chamounix; contefantastique» о своём путешествии с Ж. Санд, Ф. Листом, Мари д'Агу в Шамони. Примечательно, что в районе Шамони одно время служил М. М. Венедиктов [14, с. 30–31].

здоровьем» [6]. Софья Михайловна упоминает и о Степане Павловиче, как о человеке, сделавшим головокружительную карьеру, который по роду службы, был вынужден подолгу жить в Петербурге, а Капитолина Михайловна, – как позднее и Чехов, – на юге, в Ялте – её слабое здоровье не позволяло супругам подолгу жить вместе.

Степан Павлович Иловайский был также знаком с людьми из мира искусства. По информации правнучки С. М. Бершевской [6], нам известно о его дружбе с братьями Николаем и Антоном Рубинштейнами, о личном знакомстве с блестящей оперной певицей Е. А. Лавровской⁹, которая в своё время подала П. И. Чайковскому мысль о написании оперы на сюжет «Евгения Онегина» по роману А. С. Пушкина.

Кроме того, чета Иловайских была дружна с прославленной оперной дивой XIX века Аделиной Патти¹⁰. Их знакомство состоялось при посредничестве троюродного брата Степана Павловича, знаменитого русского историка Дмитрия Ивановича Иловайского¹¹. Аделина Патти впервые приехала в Россию на гастроли. По воспоминаниям Софьи Михайловны, на рабочем столе Степана Павловича в Петербурге всегда стояла фотография певицы с дарственной надписью [6; 14]. Иловайские часто навещали Патти и в Великобритании, где в Уэльсе у неё был собственный особняк. Так, в 1894 году они гостили в её замке Крейг-и-Нос (Свонси). На тот момент простое знакомство уже давно переросло в искреннюю и долгую дружбу – позднее и дети

*Аделина Патти (1843–1919) и мисс
Эмили Джексон (1875–1934).
Фотография на визитном
наспарту [5]*

⁹ Лавровская Елизавета Андреевна (1845–1919), по мужу княгиня Цертелева – оперная и камерная певица, профессор Московской консерватории (по рекомендации П. И. Чайковского) [16]. Первая женщина, получившая образование в Петербургской консерватории. Талант Лавровской высоко ценили Д. Россини, П. Виардо, Г. Берлиоз, А. Рубинштейн, А. Бородин, Н. Римский-Корсаков, С. Танеев, С. Рахманинов, П. Чайковский и др.

¹⁰ Аделина Патти (1843–1919) родилась в Мадриде, итальянская певица (колоратурное сопрано). Величайшая певица своего времени, оперная Дива, как её называли во всём мире [16]. В её репертуаре: «Травиата» Дж. Верди – Виолетта, «Севильский цирюльник» Дж. Россини – Розина, «Фауст» Ш. Гуно – Маргарита и др. В России имела огромный успех.

¹¹ Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) – русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России», редактор и издатель газеты «Кремль». Дочь Иловайского, Варвара Дмитриевна была первой женой И. В. Цветаева, отца русской поэтессы. Таким образом, пересекаются ветви рода Иловайских и рода Цветаевых.

Иловайских навещали оперную диву в Уэльсе, где подолгу гостили в её замке. Софья Михайловна вспоминает, что в семье говорили о многочисленных знаках внимания Патти к их фамилии, а также о помощи младшему поколению Иловайских. Примечательно, что свидетельства этого удивительного знакомства подтверждаются вещественными свидетельствами, такими как, например, открытка М. С. Иловайского, адресованная Эмили Джексон (племяннице А. Патти) с видом замка Крейг-и-Нос в 1905 году [3]. А также веерами тонкой работы [1], подаренными Патти К. М. Иловайской в 1879–1888-х гг. Интересна фотография из семейного альбома Иловайских: на ней А. Патти запечатлена вместе с племянницей Эмили [5]. Все эти предметы, бережно сохранённые семьёй в самые трудные годы, были подарены музеем правнучкой четы Иловайских по линии их сына Михаила – С. Л. Бершевской в 2019 году. Теперь эти семейные артефакты хранятся в фондах ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

Но что же «Омюр» и Чехов?

10 апреля 1899 года великий русский писатель был вынужден покинуть кров Иловайских: он уезжает из «Омюра» в Москву, чтобы уже в августе вернуться в Ялту, где в начале сентября окончательно поселится в новом доме, который местные жители называют «Белой дачей».

Дружеские отношения Чехова с К. М. Иловайской сохранились и после его переезда. Капитолина Михайловна не раз бывала гостей Антона Павловича на «Белой даче», они продолжали общаться: известны три письма Чехова к К. М. Иловайской и восемь писем от неё к Чехову. В 1901 году Иловайская принимала у себя Льва Николаевича Толстого. Толстой даже звонил по телефону Чехову в Аутку — но это уже было после.

Сама К. М. Иловайская была владелицей «Омюра» до 1913 года, после особняк перешёл по наследству к её сыну, а уже в 1916 году владельцем стал Владимир Сергеевич Татищев¹². Но после революции, в 1922 году дом был национализирован, передан службе коммунального хозяйства и в скором времени полностью заселен. К сожалению, с национализацией дачи «Омюр» была забыта история этого дома, надолго предана забвению память о людях, его населявших. Спустя лишь полвека на здании появилась мемориальная табличка о пребывании здесь известных писателей, в первую очередь А. П. Чехова, благодаря чему «Омюр» (где ныне расположен музейный отдел

¹² Граф В. С. Татищев (1865–1928) — банкир, действительный статский советник, чиновник особых поручений Министерства финансов Российской империи. В 1919 году состоял в должности заместителя министра финансов Первого Крымского краевого правительства М. А. Сулькевича.

«Чехов и Крым») может вновь принимать гостей.

Мемориальная табличка на фасаде дачи «Омюр». Фото автора

Дача «Омюр», особняк Иловайских, и сегодня прекрасен и величественен. Он как живое напоминание об удивительной семье его основателей служит высокой цели – просвещать, хранить и приумножать завещанную ему историю, память о тех, кто связал своё имя с его стенами: Чехове, Толстом, Горьком, Волошине, Усатове, Иловайских... Всё в нём — и инициалы «КИ» в декоративном картуше на южном фасаде дома, и благородные камни башен, обрамляющих периметр дачи «Омюр», — по-прежнему как и 130 лет назад хранит память о людях, которые составляют подлинную славу Российского Государства.

Источники

(материалы Фонда «Собрания» музея (Ф. «С») из собрания ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»)

1. Веер дамский, белый, с инициалами «А.» и «Р.» и вызолоченной гравировкой в две строки «AdelinaPatti». 1880–1890 гг. КЛХММЗ КП 9143.
2. Карточка визитная Иловайского Степана Павловича (1833–1901), 1897 г. КЛХММЗ КП 9137.
3. Карточка почтовая «Craig-y-Nos, MadamePatti'shome», 1905 г. КЛХММЗ КП 9138.
4. Фотография кабинетная на паспорту. Иловайская (ур. Венедиктова) Капитолина Михайловна (1847–1913) КЛХММЗ КП 9130.
5. Фотография на визитном паспорту. Патти Аделина (1843–1919) и мисс Эмили Джексон (1875–1934). 1887 год. КЛХММЗ КП 9135

Литература

6. Бершевская, С. Л. Дворянский род Иловайских. Моя история. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). Томск, 2002. С. 64–70.
7. Бикмулина, И. В. Род Иловайских // Летопись Донбасса: краеведческий сборник. Донецк, 1997. Вып. 4–5. С. 58–60.
8. Горбунов, И. Ф. НИВА. Иллюстрированный журнал литературы политики и современной жизни. СПб. Тип. А. Ф. Маркса, 1904. 1062 с.
9. Иловайские // Военная энциклопедия: в 18 т. / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. Т. 10 : Елисавета Петровна – Инициатива. СПб. ; [М.] : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. С. 588–591.
10. Корякин, И. И. Степан Павлович Иловайский. М. : Т-во писателей, 1899. 56 с.
11. Письма А. П. Чехова. Т. I (1876–1887) / Под ред. М. П. Чеховой. М. : Книгоизд-во писателей, 1912. 399 с.
12. Потто, В. А. Кавказская война. Т. 3 : Персидская война 1826–1828 гг. Памятники исторической литературы. М. : Strelbytskyy Multimedia Publishing, 2018. 1083 с.
13. Пушкин, А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7 : История Пугачёва; Исторические статьи и материалы; Воспоминания и дневники. М. : ГИХЛ, 1959–1962. 456 с.
14. Решетников, Н. И. К вопросу об атрибуции писем Жорж Санд, или Русский адресат генерал-майор М. М. Венедиктов // Актуальные вопросы науки. 2019. Июнь (№ 52). С. 29–32.
15. Савелов, Л. М. (1868–1947). Донские дворяне Иловайские. М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1899. 22 с.
16. Сто великих вокалистов / Авт.-сост. Д. К. Самин. М. : Вече, 2004. 480 с.
17. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / Гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. М. : Наука, 1974–1983.

~

Боева Галина Николаевна

Доктор филологических наук, профессор
кафедры рекламы и связей с общественностью,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна;
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: g_boeva@rambler.ru

ОНЛАЙН-«ЧЕХОВЪ»: НОВЫЕ ПРАКТИКИ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Опыт работы одного из досуговых сетевых сообществ по интересам (интеллектуальный клуб «Чеховъ», Санкт-Петербург) на платформах Instagram и Вконтакте интерпретируется в контексте культурных практик повседневности и «культуры соучастия» (Г. Джекинс). Прослеживаются этапы зарождения клуба, его позиционирование, целевая группа, форматы взаимодействия. На примере данного сетевого сообщества показывается, что ценности эпохи постграмотности (М. Маклюэн) не противоречат ценностям эпохи книжной культуры, а виртуальные коммуникации не отменяют тех, которые укоренены в традиционной досуговой культурной сфере. Теоретической основой исследования выступают теория П. Бурдье о борьбе агентов в социальном пространстве, а также отдельные положения отечественных ученых (Б. М. Эйхенбаум, Ю. М. Лотман).

Ключевые слова: виртуальность, сетевые сообщества, клуб, коммуникация, чтение, досуг, «культура соучастия», постграмотность.

Galina N. Boeva

Doctor of Philological Sciences, Professor
Department of Advertisement and Public Relations,
St. Petersburg University of Industrial Technologies and Design;
Russian Federation, St. Petersburg

ONLINE “CHEKHOV”: NEW PRACTICES READERSHIP COMMUNICATIONS

Abstract. *The experience of one of the leisure network communities for interests (Intellectual Club “Chekhov”, St. Petersburg) on the Instagram and V Kontakte platforms is interpreted in the context of cultural practices of everyday life and the “participatory culture” (G. Jackins). The stages of the club’s origin, its positioning, target group, and interaction formats are traced. On the example of this network*

community, it is shown that the values of the era of “post-literacy” (M. McLuhan) do not contradict the values of the era of book culture, and virtual communications do not cancel those that are rooted in the traditional leisure cultural sphere. The theoretical basis of the study is P. Bourdieu’s theory of the struggle of agents in social space, as well as certain ideas of domestic scientists (B. M. Eichenbaum, Yu. M. Lotman).

Key words: *virtuality, network communities, club, communication, reading, leisure, “participatory culture”, “post-literacy”.*

Для цитирования:

Боева, Г. Н. Онлайн-«Чеховъ»: новые практики читательских коммуникаций // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 78–85.

Массовый переход людей в интернет-пространство в условиях пандемии актуализировал чтение как досуговую практику и важную часть культуры повседневности. Давно уже не самая популярная привычка, отчасти даже довольно маргинальная (если она не связана с профессией), чтение стало пусть не модной, но востребованной практикой. Вдруг подтвердилась правота пересмотревшего основы «галактики Гутенберга» идеолога «эпохи постграмотности» М. Маклюэна [5]: виртуальная жизнь не отменяет книжной культуры, а лишь позволяет ей реализовать себя в новых форматах и новых ценностных координатах. Тем более что онлайн-практики во многом дублируют и компенсируют прежние культурные формы, как раз повышая их ценность и легитимизируя как необходимые. Во всяком случае, с высоты книжной культуры клеймить виртуальную жизнь как неистинную, профанную, уже немодно: *другая* для людей, уединившихся со своими мониторами «на дистанционке», просто невозможна. Похоже, в социальном пространстве появился новый «агент» (если воспользоваться терминологией П. Бурдьё), успешно перераспределяющий экономический, культурный, социальный и символический капитал, накопленный в предшествующую культурную формацию. И этот «агент» — виртуальный.

Сетевые коммуникации в эпоху пандемии стали почти единственными коммуникациями, однако феномен досугового, «клубного» общения на разных интернет-платформах возник задолго до неё. Очевидно, что взаимодействие в сетевых сообществах пользователей с литературными и интеллектуальными интересами — поиск новых форм коммуникации, позволяющих переосмыслить привычные социальные роли: писатель пишет, преподаватель преподаёт, слушатель слушает, читатель читает... Перед нами часть мощно заявляющей о себе в сети «культуры соучастия» (Г. Джекинс [7]). Добавив к своим культурным ролям читателя, слушателя и

зрителя новую — пользователя: мы стали не только потребителями, но и производителями текстов [2, с. 8], сотворцами интеллектуального продукта. Чтение, традиционно бывшее практикой уединённой, уделом «одинок», благодаря интернет-технологиям обнаружило новый ресурс креативности читателя, которому уже недостаточно прочесть текст и отрефлексировать его наедине с собой: он стремится пересечь отведённые ему границы, пересмотреть привычные и ставшие «тесноватыми» социальные роли (здесь, кстати, и корни феномена фикрайтерства — крайне популярной в сети литературы фанатов).

«Клуб интеллектуального общения» «Чеховъ», более трёх лет назад возникший по инициативе блогера, существует на платформах *Вконтакте* и *Instagram*. Сейчас он имеет уже почти 2 000 подписчиков и более 500 материалов. Если рассматривать механизм деятельности подобных объединений по интересам (как и вообще «блогерского продукта») в терминах Бурдьё, то можно вести речь о перераспределении капитала — конвертации культурного и социального в экономический (прибыль) и символический (признание: количество подписчиков, репутация, самовыражение).

История этого объединения примечательна. Изначально клуб назывался «Антоновки», ассоциируя членов клуба, аудиторию преимущественно женскую, с почитательницами Чехова. Со временем клуб превратился просто в «Чеховъ». Почему Чехов? Он занимает прочную позицию в национальном литературном каноне [1, с. 69–70], причём в самом его «ядре» — школьной программе; он близок пользователю форматом своих произведений, адекватных возможностям современного читателя (ни одного романа — только рассказы, повести и пьесы); его литературная репутация, «выросшая» из биографии, характера и особенностей поэтики, «примирает» сторонников самых разных направлений в искусстве — реализма, модернизма, символизма, импрессионизма и пр.; он знаменитый драматург, открывший новую страницу театра (его пьесы до сих пор не сходят с подмостков, а экранизации поражают причудливостью интерпретаций); он не назидателен и не отличается «нравственной репрессивностью», как Достоевский, Толстой.

В социокультурном отношении примечателен женский состав онлайн-сообщества: его «костяк» составляют женщины, преимущественно в возрасте от 30 до 40 лет. Вследствие этого, кстати, одна из приоритетных тем в работе клуба — «детская». Напрашивается параллель с пушкинским временем, которое Ю. М. Лотман в своих «Беседах о русской культуре» характеризовал как переходное по своему типу — от одной культурной

формации к другой. Как и в те времена, чтение остаётся преимущественно женским занятием (мужчина всегда служил и был менее открыт для досуговых культурных практик), что говорит о сохранении традиционного гендерного распределения ролей в отечественной духовно-интеллектуальной жизни.

Концепция клуба менялась: сначала он позиционировал себя в *Instagram* как «клуб интеллектуального общения», дающий «возможность общаться с близкими по духу людьми и обсуждать всё: от буквы до кадра». Однако акцентация «интеллектуальности», как выяснилось, отталкивала возможных подписчиков, и сейчас клуб позиционирует себя просто как «общество активных, интересных людей, которые любят читать книжки». То есть речь идёт о досуговом общении на основе литературных интересов (прежде приветствовались ещё и аудиовизуальные, что теперь, видимо, считается само собой разумеющимся).

В каких форматах работает клуб «Чеховъ»? Это «литературные завтраки» (встречи в кафе для обсуждения книг), «исторические завтраки» (беседа на исторические темы – опять же по мотивам книг, понимаемых широко – как словесность); кино-завтраки; посещение театров; литературные фестивали (иногда костюмированные, например, «Тургеневский», с переодеванием в «тургеневских девушек», и «Набоковский»); литературные прогулки; эксклюзивные прогулки в редких локациях (посещения дворцов Петербурга, садово-парковых объектов, «кулуаров» разных знаменитых культурных заведений «с историей»); совместные обсуждения просмотренных спектаклей, прочитанных книг – т. е. тематические встречи на заданные темы.

*Авторская экскурсия из цикла «Вечорки».
Санкт-Петербург, ул. Пестеля, 2019*

*Авторская экскурсия
в «Талион Империял Отель», 2019.*

Из личного архива автора

Следует пояснить, что работа клуба ведется на коммерческой основе: привлекаются профессиональные преподаватели, киноведы, экскурсоводы, специалисты других гуманитарных профилей. Таким образом, сочетая вербальное и визуальное, проект приобретает не только досуговый / развлекательный характер, но и культурно-просветительский.

*Встреча клуба. «Анна Каренина. Битва экранизаций:
Зархи против Роуза».
Бар «Люблю», 2018.*

*Встреча клуба. Обсуждение
«Муму» И. С. Тургенева.
Jungle Cafe, 2019.*

Из личного архива автора

Как видим, работа клуба не вмещается в виртуальный формат и требует офлайн-общения, что крайне затруднено в условиях пандемии. Ведь к перечисленным видам взаимодействия в рамках клуба со временем добавились публичные лекции и мероприятия в петербургских лекториях, арт-резиденциях, коворкингах, антикафе. В условиях пандемии стало особенно явно, что досуг в сети не может решить все коммуникативные потребности пользователей, не может заменить живого общения. В работе клуба постоянно — вслед за идущими и от аудитории, и от автора проекта запросами — возникают новые формы общения (например, конкурс на лучший рассказ). Всё больше даёт о себе знать просветительский пафос клуба: открывать новые имена и факты, вводить в оборот новые термины и представления. Очень примечателен тот факт, что одной из офлайн-практик стали встречи с преподавателем русского языка (диктанты, конкурсы и т. п.) — для повышения грамотности. Ещё одно свидетельство того, что «постграмотность» не отменяет грамотности в понимании «книжной эпохи».

*Встреча клуба.
Обсуждение пьесы Ж. Расина
«Андромаха»*

*Встреча клуба, обсуждение пьесы А. Островского
«Бесприданница» .
Кафе «Брат» , 2019 год.*

Из личного архива автора

Сто лет назад была осознана связь литературного процесса с «литературным бытом» [6]: изменения в последнем диктуют новые стратегии работы с литературным материалом. Наблюдаемое в наши дни кардинальное расхождение с эпохой литературных салонов и объединений,

имеющих богатую историю в отечественной культуре и литературе (от «Беседы любителей русского слова» и «Арзамаса» державинских и пушкинских времён до ивановской башни и кабаре «Бродячая собака» начала XX века), заключается в том, что читатель получает всё большую творческую активность и вооружается интернет-технологиями. Существует немало примеров, когда именно из сети (например, из «Живого Журнала») вышли профессиональные писатели, ведь «сетература» и «блого-литература» в наши дни — «резервуар для обмена культурными ценностями» между фольклором, массовой литературой и литературой «высокой» [4], где любой текст может пересечь границу и пополнить число объектов эстетического опыта. Все мы свидетели и участники процесса кристаллизации нового «литературного» и «культурного быта» — и ни один из них немыслим без виртуальности.

Какие выводы напрашиваются? Литература, в ранние эпохи своего существования заправлявшая религиозным, политическим, социальным и философским дискурсами, в последние десятилетия отчетливо переместилась в бытовую, досуговую сферу, став частной практикой отдельного человека. Однако, как показывает пример сетевого сообщества «Чеховъ», традиционно важные в российской культурной традиции просветительские ценности продолжают оставаться значимыми для социальных практик. «Всеприсутствие» книги в русском контексте неистребимо, и «онлайн»-Чехов пусть не столь же влиятелен, как в своё «книжное время», но столь же легитимен, а литературоцентризм остаётся важным модусом русской культуры [3] и выдерживает вызовы времени, связанные с интермедийностью и виртуализацией.

Литература

1. Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 345 с.
2. Зверева В. Сетевые разговоры: культурные коммуникации в Рунете. Берген : University of Bergen, 2012. 279 с.
3. Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности: монография / Отв. ред. Н. В. Ковтун. М. : Флинта: Наука, 2014. 576 с.
4. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1. С. 203–216.

5. Маклюэн М. Галактика Gutenberga: Становление человека печатающего. М. : Академический проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с.

6. Эйхенбаум Б. М. Литература и литературный быт // Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М. : Советский писатель, 1987. С. 428–436.

7. Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture. New York: Routledge, 1992. 343 p.

~

Литературоведческие штудии

УДК 82.091

Икитян Людмила Нодариевна

Кандидат филологических наук,
главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма»;
Российская Федерация, Армянск, e-mail: gp_glavred@mail.ru

«... УЖЕ ВРЕМЯ НАСТУПАЕТ К БУНТУ»: РУССКИЙ БУНТ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА И Л. Н. АНДРЕЕВА

В статье сопоставляется художественное осмысление проблемы русского бунта классиками разных эпох. В центре исследования — ключевой в прозе А. С. Пушкина 1830-х гг. и Л. Н. Андреева 1900–1910-х гг. образ человека взбунтовавшегося. Корпус репрезентативных текстов составили повести (романы) Пушкина «Дубровский», «Капитанская дочка» и рассказ «Бунт на корабле», роман «Сашка Жегулев» Андреева. Проанализированы история создания исследуемых произведений, образ героя-предводителя, вопрос историзма художественного текста, влияние традиционных жанровых схем и их преодоление, ряд структуро- и смыслообразующих компонентов текстов. Предпринятое автором статьи сопоставление определило значительное сходство творческого мышления Пушкина и Андреева в художественном воплощении проблемы русского бунта.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Л. Н. Андреев, человек взбунтовавшийся, проблема русского бунта.

Lyudmila N. Ikityan

PhD in Philological sciences, chief editor
of the magazine «Humanitarian paradigm»;
Russian Federation, Armyansk

“... TIME ALREADY COMES TO REBEL”: RUSSIAN RISE IN PUSHKIN’S THE AND ANDREEV’S WORKS

Abstract. *The article compares the artistic interpretation of the problem of Russian revolt by the classics of different eras. In the center of the research is the key one*

in Pushkin's prose of the 1830s. and Andreev's prose 1900–1910s the image of a person who rebelled. The corpus of representative texts consisted of Pushkin's novellas (novels) "Dubrovsky", "The captain's daughter" and the story "Mutiny on the ship", the novel "Sashka Zhegulev" by Andreev. The history of the creation of the studied works, the image of the hero-leader, the issue of historicism of a literary text, the influence of traditional genre schemes and their overcoming, a number of structure and meaning-forming components of texts are analyzed. The comparison adopted by the author of the article determined the significant similarity of the creative thinking of Pushkin and Andreev in the artistic embodiment of the problem of the Russian rebellion.

Key words: *S. A. Pushkin, L. N. Andreev, rebelled man, the problem of the Russian rebellion.*

Для цитирования:

Икитян, Л. Н. «...уже время наступает к бунту»: русский бунт в творчестве А. С. Пушкина и Л. Н. Андреева // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 86–98.

Сразу предварим возможные замечания по поводу целесообразности сопоставления А. С. Пушкина и Л. Н. Андреева, писателей принципиально несхожих творческих устремлений. Представление о том, что художественное слово Пушкина гармонично и целостно настолько, насколько стиль Андреева эмоционален и противоречив, что пушкинская и андреевская эстетические системы противоположены практически как аполлоновское и дионисийское начала искусства, отражает лишь самые общие принципы, которые могли бы послужить препятствием для соположения творчества этих писателей. Однако разница в средствах и методах художественного воссоздания реалий не означает расхождений в постановке и разрешении тех или иных вопросов. Именно общность затрагиваемых Пушкиным и Андреевым тем и объединяет этих авторов, волею судеб поставленных перед проблемой взбунтовавшейся России.

Отечественная гуманитарная наука, как правило, изучает общеисторические детерминанты бунтов в событийной летописи России. Сформировалось специфическое понимание бунта и в философии, где за понятием «бунтующий человек» закрепилось экзистенциальное наполнение, редуцируемое в определённой степени взглядами А. Камю и/или «вычисляемое» в сопряжении с ними [см. 5]). И совсем редки попытки «определить место, роль и внутреннюю семантику русского бунта в масштабе отечественного культурного пространства» [9, с. 192]. Собственно интеллектуальная рефлексия Пушкина и Андреева в «социокультурном

измерении русского бунта» [Там же, с. 193] и даёт исследователям новый манёвр в их сравнительно-сопоставительных практиках, а художественная «историография» народных протестов¹ в прозе этих писателей определяет поле актуального научного дискурса.

Историю отношения Леонида Андреева, писателя начала XX столетия, к наследию писателя-классика, казалось бы, выражает нелестное высказывание о «замусоленном слюною учителей» Пушкине и надоевшей, «как барышня с Тверского бульвара», «Капитанской дочке» [4, с. 368–369]. Действительно, Пушкин не назывался Андреевым в числе своих творческих вдохновителей, но вовсе не потому, что определяющим было приведённое выше суждение. Оно значит мало, если учесть, что к числу «замусоленных» книг, перетёртых «в пыль пошлости» «мельницей» гимназического образования, Андреев отнёс и «Илиаду», и «Горе от ума», и даже Библию [Там же]. Но было в Пушкине нечто высоко ценимое Андреевым, находившее отклик в его глубоко романтической натуре. Так, сетуя на отсутствие «прочности, монументальности, красоты отношений» между людьми, Андреев их образец находил в биографии великого поэта: «Надо чтобы каждый из нас понимал, как тонко кружево души... Необходим некоторый романтизм отношений, в кружке Пушкина он был, и я этому завидую» [Там же, с. 380]. Бунтарский дух нередко порождает устремления романтиков (в широком смысле слова) — рефлексирующих идеалистов, возвышенных мечтателей, непокорных одиночек, благородных разбойников, инфернальных злодеев и пр. Андрееву довелось жить в эпоху брожения «взвихренных» идей, попеременного роста и спада революционно-демократических идеалов, их переосмысления и реформатирования в ходе трёх революций первых десятилетий XX века, а Пушкину — в период их активного формирования и одного из ярких проявлений в попытке восстания 1825 года. Одной из форм выражения «духа времени» для обоих авторов стали романтизированные представления о праведном гневе народа, что находит воплощение в стихии бунта. Образ человека взбунтовавшегося и составил главный аспект сходства творческого мышления Пушкина 1830-х гг. и Андреева 1900–1910-х гг.

Определённо сходной выявляется и история создания произведений, что составили корпус текстов, взятых нами в качестве репрезентативной «базы». Речь о пушкинских повестях (романах) «Дубровский» (1833) и «Капитанская дочка» (1834) — андреевском рассказе «Бунт на корабле» (1901) и романе «Сашка Жегулев» (1911). Понятно, что одним из ключевых фабульных

¹ Дефиниция «бунт» может указывать на характер выступлений его участников, а именно: массовые, часто демонстративно вызывающего характера беспорядки (народные выступления), выходящие за рамки обыденного сопротивления.

моментов этих произведений является бунт как реакция на те или иные исторические события в стране. Но также явственно и то, что историческая рефлексия авторов обретает в них социокультурное расширение, а именно: особое ощущение состояния мира — «...уже время наступает к бунту» [Цит. по: 9, с. 201]. Ситуацией вызова общественных низов, заинтересовавшей Пушкина, стала народная реакция эпохи Пугачёвского бунта; для Андреева — это захлестнувшее Россию в первом десятилетии XX века экспроприаторство (волна грабежей преступных группировок якобы с целью более справедливого распределения богатств [7, с. 282]).

Интересно, что замысел «Дубровского» определялся событиями пугачёвщины так же, как и более поздней «Капитанской дочки»². Реальная же история о дворянине, «выбитом обыденным актом судейского беззакония из обычной колеи гражданского существования и ставшем разбойником» [13, с. 141–142], была услышана Пушкиным уже в процессе его работы над замыслом о герое-пугачёвце и легла на почву, подготовленную этими размышлениями [Там же, с. 141]. А в замысле рассказа «Бунт на корабле», первый вариант которого приходится на конец 1901 года, Андреев обозначил проблему бунтарского сопротивления тирании как гипотетическую реалию современной ему взвихренности предреволюционной России. Полновесно об этом Андреев заявит лишь спустя 10 лет в романе «Сашка Жегулев», в эпическом пространстве которого найдёт разрешение «проблема пробуждения „рабов“» [1, с. 129]. В результате и «Капитанская дочка», и «Сашка Жегулев» как произведения, в которых реализовались мысли писателей о русском бунте, представляют собой исторические романы (как воспроизведение в художественной форме определённого периода истории, а художественный вымысел помещён в пределы изображаемой эпохи), историзм которых всё же легко оспариваем. А вот предшествовавшие этим романам «Дубровский» и «Бунт на корабле» так и остались черновыми не завершёнными вариантами вызревавшей идеи русского бунта — и у Пушкина, и у Андреева «авторский замысел предстаёт перед нами как бы в строительных лесах» [13, с. 166].

Герои всех произведений выступают в разбойничьем (в прямом смысле слова) амплуа. За исключением героя рассказа «Бунт на корабле», ключевые фигуры повествований — Дубровский, Пугачёв, Саша Погодин — предводители народной массы, то есть люди, вовлечённые в гущу событий не просто физически, но мысленно, идеологически. У Пушкина к концу 1820-х —

² О «совершенно безошибочно устанавливаемой последовательности фактов творческой истории «Дубровского» и монографии о Пугачеве говорит и Ю. Г. Оксман [12, с. 154–155].

началу 1830-х годов появление «среди „людей благоразумных“, идущих в жизни проторёнными путями» образов «неправильных» героев [13, с. 142] стало устойчивым. «Природа и степень их отклонения от нормы, — констатирует Н. Н. Петрунина, — бесконечно варьируются. Генетически эти образы восходят к героям ранних, романтических поэм и лирики Пушкина, но теперь их демонический ореол растворился, обнаружив скрытое прежде многообразие реальных жизненных типов, „странные“ судьбы которых мотивированы социально, психологически, характеры деформированы воспитанием и средой» [Там же, с. 142]. Таков случай Дубровского: попрание чести и достоинства гвардейского офицера, незаконное лишение старинного дворянина средств к существованию. Показательно, что этот факт Пушкин осмысляет «как звено в своей концепции русской истории, видит в частной судьбе героя свидетельство того революционизирующего воздействия, которое оказывает процесс раздробления и отчуждения имений на „...старинное дворянство“» [Там же, с. 144]. Следовательно, в романтизированном бунтарстве Дубровского прочитывался «реальный исторический тип русского дворянина александровской эпохи, благородного бунтаря с искалеченной судьбой» (В. О. Ключевский). Следовательно, «незавершённый роман Пушкина стал опытом органического слияния картин реальной действительности и обширной исторической идеи» [Там же, с. 144]. Маркёром исторической правды здесь явилась и мысль о благородстве дворянина, побуждённого к разбойничеству исключительно чудовищными обстоятельствами. Несмотря на то что внутренний бунт сыграл в судьбе Дубровского роковую роль, всё же его разум дворянина ещё надеется на благосклонность государя — царя-заступника (и герой увещевает людей в невозможности проявления милости царя к тем, кто станет «бунтовать и разбойничать» [14]). И только подчиняясь гласу народному, протестующий дух героя избирает путь сопротивления и разбоя. Но уже в «Капитанской дочке» дворянин Гринёв в разгар народного антиправительственного бунта сохранит честь мундира и не станет героем «неправильной», «странной» судьбы; хотя другая линия романа (конкретно-историческое течение крестьянского бунта) вскроет важный пласт русской истории — концепцию «страшной стихии мятежей» и её проявлений.

То же в судьбе Саши Погодина-Жегулева в романе, в котором Андреев попытался воспроизвести героя своего времени — «идейного экспроприатора». Этот герой также добровольно определил для себя путь несогласия, выступив предводителем народной стихии — тёмной силы праведного гнева и мщения. Но в отличие от Дубровского его «миссия» словно «запрограммирована» историей, духом эпохи, где господствует

настроение, когда люди совершают поступки, менее всего руководствуясь голосом трезвого разума. Сопричастность народу у героя, намеренно сделанного Андреевым наследником исторической традиции, поставившей его во главе бунта, подсознательная. Действия своего героя автор соотносит с законами исторического развития, воспринимаемыми как фатально неотвратимые, а «разбойничание» взбунтовавшейся России — с древним пониманием «мира» (мирской волей), коллективные действия которого «представляются как бы а priori законными»³ (С. В. Бахрушин). И Саша Погодин, обладая даром сверхчувственных переживаний национально-исторической трагедии, предаётся бунту с силой, равной, пожалуй, силе религиозного экстаза.

Образы предводителей протестов не сводятся лишь к изображению степени их погружённости в стихию бунта в его особом ореоле (например, зарождение бунта передано «в звуке, ритме, игре красок, тоне повествования» [5, с. 119] в «Бунте на корабле» Андреевым). Писателей в немалой степени интересуют предпосылки принятия героем непростого решения, отражение в его сознании бунтарской психологии, последующая судьба взбунтовавшегося человека. Так, у Пушкина Владимир Дубровский сначала предстаёт типичным молодым человеком из старинного дворянского рода, с характерным для жителя Петербурга образом жизни; затем автор подробно останавливается на перипетиях его жизни, в результате чего в действиях Дубровского-атамана шайки акцент не на истории разбоев, а его личной судьбе⁴. Становится понятно, что бунт Дубровского «оказывается бунтом поневоле, а в тексте романа обнаруживается известное противоречие между грустным трагизмом <его> слов <о постигших несчастьях> и пафосом

³ Ср. поговорки «Глас народа — глас Божий», «Что мир порядил, то Бог рассудил», «Что миром положено, тому быть так», «Мир с ума сойдёт — на цепь не посадишь».

⁴ При этом отмечается неравномерность раскрытия психологии героя в первой и во второй части романа: «Как ни мало знаем мы о молодом Дубровском, того, что нам известно о нем, достаточно, чтобы убедиться: перед нами герой, наделенный более тонкой натурой, нежели Троекуров, да и Дубровский-отец. Поначалу, до того как им овладевает романтический бунтарский порыв, Владимир проявляет способность и к глубокому чувству, и к трезвому размышлению. Но с того момента, как герой силою обстоятельств оторгнут с пути своих предков, его характер не развивается и не обогащается. <...> Дубровский до конца остается контурным изображением, не обретая плотности и осязаемости объемной фигуры. Складывается впечатление, что автор знает о своем герое немногим более, чем говорит о нем мирская молва. Автор и читатель не остаются с героем наедине, не действуют и не размышляют вместе с ним, а лишь присутствуют при его появлении на месте действия. Симптоматично, что две сцены, которые служат исключением из этого правила (лесная прогулка Владимира в день похорон отца и его ночные размышления, предшествующие пожару Кистеневки), находятся в первой части романа, где господствует спокойная повествовательная интонация, и что они дают для проникновения во внутренний мир героя больше, чем весь последующий текст» [13, с. 165].

романтического благородства, которым проникнуто разбойничество Дубровского» [13, с. 144].

Тот же «объём» биографии героя и, главное, процесс его разрыва с привычной общественной средой, который, как и в «Дубровском» Пушкина, происходит на глазах у читателя, представлен и в романе Андреева. Взрослеющий мальчик-юноша Саша, выходец из благородного семейства, сын генерала, воспитанный в культе красоты, несёт тяжкое бремя памяти о тирании. Внутренний дуализм главного героя и «эволюция» его взглядов от гимназиста до экспроприатора находят отражение в структуро- и смыслообразующих компонентах романа, как-то: двучастное строение произведения (по типу «до» и «после» случившегося), символическая смена имени героя⁵ (подобно фольклорному «умиранию» и «рождению» в новой ипостаси), лирические отступления — «думы» главного героя и др.

Бунт, вызван ли он метафизической предопределённостью или факторами конкретных реалий, чреват тем, что воля народа далеко не всегда способна найти приемлемые формы выражения протеста. Крушащей всё до основания взбунтовавшаяся сила представлена у обоих авторов, указывающих на сходные действия бунтовщиков: у Пушкина в «Капитанской дочке» находим «грабежи и смертные убийства», в «Дубровском» — грабежи помещичьих домов и «предание их огню»; у Андреева в «Сашке Жегулеве» — грабежи, убийства, поджоги. Для одного из героев романа Андреева, крестьянина Еремея Гнедых поджог стал вторым после крестьянства ремеслом, в котором он достиг большого мастерства, да и вся шайка Сашки никогда не пренебрегала возможностью «поупражняться» в искусстве пускания красного петуха: «Огонь стал страшным и послушным богом бездольного человечества» [2]. Герои Пушкина и Андреева этого бога приручили и поставили на службу народной ярости.

Но страшен бунт тем, что стихия гнева неуправляема. Сколь здравомыслящ и великодушен ни был предводитель восставших (Владимир Дубровский), хитроумен и прозорлив (Пугачёв), насколько бы ни был он предан народу, ради которого добровольно принимает смертные муки (Саша Погодин), всё же он не может быть уверен в отношении к себе своих сотоварищей. Тревожно признание Пугачёва об одиночестве среди собратьев: «Мне должно ухо держать востро; при первой неудаче они <мои ребята — Л. И.> свою шею выкупят моей головой» [14]. Пугают действия кузнеца Архипа из повести «Дубровский», у которого ответ на всё — «как не так», а просьбы хозяина исполняются им с точностью до наоборот. Неподвластность

⁵ О смене имени героя в связи с его «разбойничьей» деятельностью и знаковости псевдонима Жегулев в системе смыслообразующих компонентов романа Л. Н. Андреева [см. 6].

изъявлений народной воли анализу и пониманию стала главной опасностью и для Саши Погодина. Тот порядок, что сложился в среде «лесных братьев», создавался как бы сам собой, и действовать приходилось, лишь слепо подчиняясь ему: «...всякая же попытка повернуть на своё русло вызывала незримый отпор» [2]. Поэтому Сашка не руководит, а лишь возглавляет.

Не могут герои-«атаманы» Пушкина и Андреева предугадать и того, сколь привлекательно разбойничье дело для многих их сподвижников, сколь немногие из них способны отказаться от заманчивой перспективы обогатиться за счёт грабежа и разбоя. Прозревает это Владимир Дубровский: отпуская людей на вольные хлеба, он советует своим крестьянам «провести остальную жизнь в честных трудах», но выражает опасение: «...вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло» [14]⁶.

Но вихрь вольности лишь сначала может показаться свободой. Безграничность свободы в действительности оборачивается нравственной тюрьмой для взбунтовавшегося человека, особенно если его лозунгом выступает неопределённая перспектива бунта ради бунта⁷. Преступив грань дозволенного, многие уже не могут повернуть назад; понимают это и пушкинские герои, и герои Андреева: в унисон звучат голоса их героев, фактически отрекающихся от своего будущего: «Нет, поздно мне каяться, — говорит Пугачёв. — Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал» [14]. Ему вторит герой Андреева: «Да, соблазнился я, помутил ум, я и думал: побуду ещё прежним Сашей, <...> а кровь не пускает. И должен я остаться Сашкой Жегулевым. <...> Что ж — я принимаю: аминь! И уже не хочу быть Сашей, и уже не прошу я милости ни у кого: буду идти, как иду...» [2].

Для изображения безумия, охватывающего человека в борьбе-стихии, авторами использована одна и та же метафора: насыщение бунтовщиков кровью невинных. У Пушкина это идеал Пугачёва, метафоризированный в образе орла из калмыцкой сказки, предпочитающего один «раз напиться живой кровью, а там, что Бог даст!», и сон Петра Гринёва о кровавом благословении «крёстного» отца Пугачёва; у Андреева — образ Саши, пьющего кровь, как воду из реки, имя которой — Россия (во сне одного из товарищей атамана).

⁶ Хотя Н. Н. Петрунина это обращение Дубровского к недавним товарищам считает данью литературной традиции, конкретно Ф. Шиллеру (драма «Разбойники», действие II, сцена III), не признавая, что они «вытекают органически из художественной ткани романа» [Петрунина, с. 148].

⁷ Это следует из мысли Л. Н. Андреева о целеполагании революционной (и творческой) деятельности в новых условиях: «Стремление ради стремления — так ведь это верхом можно поехать для верховой езды, а искать, страдать для искания и страдания, без надежды на ответ, на завершение, нелепо. А ответа нет, всякий ответ — ложь. Остаётся бунтовать — пока бунтуется...» [Вересаев, с. 404–405].

Обаими писателями бунт соотносится со спецификой русского национального сознания. В концепции обоих художников он «глубоко нравственный в истоках своих», но преобразуется в «нечто жуткое и безобразное», разрушительное и для жизни отдельного человека, участвующего в нём, и исторической судьбы России. «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [14]. На эти строки уже наведён хрестоматийный глянец, но как бы теперь банально не звучала мысль классика XIX века, она оригинально отозвалась в творчестве автора века XX-го, предупреждавшего о грядущей трагедии появления новых «избавителей», которые благими намерениями ввергли Россию в ад междоусобиц.

Характерным в разработке темы русского бунта и взбунтовавшегося человека является преодоление А. С. Пушкиным и Л. Н. Андреевым традиционных литературных схем. В «экспериментальном» (Б. В. Томашевский) романе «Дубровский» одной из сторон эксперимента Пушкина являлась «адаптация» романтического сюжета о герое-разбойнике изображением его на уровне современности. Схема разбойничьего романа западноевропейской литературы конца XVIII — начала XIX столетия привлекала Пушкина формой воплощения в нём противоборства бунтующей личности с обществом, но в то же время и сковывала (прежде всего однолинейностью и мелодраматизмом изображения центрального персонажа [см. 12, с. 153]). В «Дубровском», а затем более последовательно в «Капитанской дочке» Пушкин «сообщает реальный масштаб не только людям, окружающим героя, и обстоятельствам, направляющим его судьбу, но и самому герою-протестанту. ...он делает центральным персонажем не „идеолога“, не титана, а среднего человека, жизнь которого при другом стечении событий могла бы не выйти за рамки обычных „преданий русского семейства“» [13, с. 159]. Тенденция русской прозы конца 1820-х — начала 1830-х годов, а именно: «увидеть в решающих романических событиях след предшествующего исторического развития, усмотреть в них зерна будущего» [Там же, с. 146] — во многом упрочена поисками Пушкина. Последовательно ставя «героя в ряд „ходовых“, уже не раз испробованных положений классического европейского романа», он сообщал «романическому действию художественно-историческую перспективу» [Там же, с. 164–165]. В итоге прозаическое творчество поэта осуществляло «движение от романтической вольницы удалого героя с присущими ей мотивами одиночества, разочарованности, концептами свободы и воли к традициям реализма и в финале — к исторической теме, где герой-разбойник — воплощение

исторической эпохи, сложная многогранная личность, отношение к которой различно в социальных пластах» [16, с. 43].

Андреев рассматривает «разбойничий» сюжет сквозь призму культурных факторов уже своего времени, в частности, через экзистенциальные уроки Ф. М. Достоевского и Ф. В. Ницше [5, с. 119], а также очень популярной у массового читателя «пинкертоновской» литературы Америки, на рубеже XIX–XX веков получившей распространение и в России. «Пинкертоновщина» имела переключки с «разбойничьими» романами XVIII–XIX веков, но была органична и сочинениям о разбойниках предреволюционных десятилетий, с которыми она образовывала общий поток «низкой» литературы [7]. В сравнении с «разбойничьими» романами «„пинкертоновщина“ была более шаблонна, ...изобиловала речевыми штампами, использовала крикливые, сходные с газетными заголовки, стандартные сюжетные ходы, скрытую рекламу» [Там же]. При сохранении некоторой авантюристичности сюжета и детективно-криминальной составляющей действия и Пушкин и Андреев в изображении «благородного разбойника» всё же стремятся «заземлить» традиционный литературный тип.

Таким образом, каждый из авторов, вдохновившись в своё время традицией популяризированных жанров: Пушкин — так называемыми разбойничьими романами, Андреев — «пинкертоновской» литературой, решительно преодолевали типичные для этих жанров схемы. Но в случае Андреева отметим и такое особое свойство, как синтез не только литературных форм (в рамках реализм/модернизм), но и форм творческого сознания (историзм/мифологизм). Переключки с мифом в его романе «Сашка Жегулев», который вслед за И. И. Москвиной трактуют как роман-миф [11, с. 22], составляют, на наш взгляд, и ритуально-знаковый характер творимого бунта (истоки такого его понимания наблюдаются ещё в набросках к рассказу «Бунт на корабле», где символичен и сам бунт, и фигура героя — «одинокого», «беглеца», и образ корабля-государства [1, с. 129, 130]). Факт лишнего с точки зрения необходимости поджогов барских имений (которые имеют место в текстах обоих авторов) показательны в плане того, что взбунтовавшихся влечёт не корысть, а отмщение врагу. Определённой ритуальностью маркированы и действия пугачёвцев в «Капитанской дочке» Пушкина: они нашли отражение в смехотворном, на первый взгляд, «короновании» Пугачёва, ношении им красной (парадной) рубахи, процедуры казни и помилования пленённых солдат и пр. Всё это указывает на создание бунтовщиками собственного «святого царства», конструируемого ими во исправление «перевернутого» мира господ [9, с. 193].

Вспышки бунтарских настроений по умолчанию коренятся в недрах сакрализованного пространства традиционной культуры [9, с. 201; 10], в частности, в представлениях об идеале «православного царства». В. Я. Мауль даже за внешними проявлениями неудержимости, сметающей всё на своём пути стихийности, разгуле насилия и страстей склонен признать внутренние культурные основания, заключающиеся в активизации «архаичных моделей коллективного бессознательного, которые связывали бунт с ритуальным символизмом прошлого, народной обрядовостью, миром смеховой культуры и т. п.» [9, с. 202].

История России знала множество разных бунтов: соляной, хлебные, медный, «антибоярский» во главе со Степаном Разиным, «освободительный» — с Емельяном Пугачёвым, холерные (свидетелем которых был Пушкин в 1830 году в Болдине), крестьянские бунты и бунты рабочих первых лет XX века и др., в которых «системообразующим фактором массового сознания» бунтующих становилась «крайняя степень эмоционального переживания... социально значимой проблемы» и «потребность в немедленных действиях» для её разрешения [15, с. 18]. Стремясь же изобразить протест недовольных объективно, А. С. Пушкин и Л. Н. Андреев, классики разных эпох, в различных условиях общественно-исторической обстановки изображали русскую вольницу в сложном комплексе определяющих её факторов. Каждый из авторов сосредотачивался на вопросах обоснованности поступков бунтующих и, прежде всего, возглавившей их личности, в той степени детализации и детерминации, что была доступна авторам в момент работы над художественным воплощением своего замысла. Заметно стремление классиков «уравновесить» изображение самого существа изображаемых явлений и попытки точного воспроизведения исторического момента. Оба автора в сознательной, а более, может, подсознательной степени приходили к пониманию бунта как крайней степени «обычных санкций, предусмотренных народной традицией, одного из нормативных средств защиты традиционного уклада жизни» [9, с. 201]. Отсюда «странные» деформации в мыслях и действиях героев-«разбойников» Пушкина, впрочем, не утративших благородства, но балансирующих на грани благоразумия. Однако немаловажным для писателей выявлялся вопрос этических и нравственных составляющих народных протестов. Например, Леонид Андреев ещё в ранней прозе показал бесперспективность как индивидуалистического террора («Рассказ о семи повешенных», драма «Савва»), так и анархического бунтарства (пьеса «Царь Голод»). Но намерение «создать обобщённую картину взрыва негодования угнетённых» [1, с. 130], подготовленное замыслом рассказа «Бунт на корабле», получило

продолжение в романе «Сашка Жегулев», замыкавшем круг произведений по философии, этике и психологии бунта-революции. В нём Андреев вывел формулу превращения революции в бессмысленный бунт, когда святые цели жертвенности подменяются слепой жаждой анархии и корысти. Но главное — пути к благоденствию прокладываются бунтовщиками через насилие, превращая тем самым благие намерения в абсолютное зло.

Литература

1. Андреев Леонид. Бунт на корабле (публикация и вступительная статья Л. А. Иезуитовой) // Вопросы литературы. 1971. № 3. С. 128–138.
2. Андреев, Л. Н. Сашка Жегулев // Андреев, Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М., 1994. С. 73–258.
3. Вересаев, В. В. Леонид Андреев // Вересаев, В. В. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М. : Художественная литература, 1961. С. 395–421.
4. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М. : Наука, 1965.
5. Демидова, С. А. Человек бунтующий: экзистенциальная концепция бунта у Леонида Андреева и Альбера Камю // Гуманитарные исследования и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (43). С. 118–123.
6. Икитян, Л. Н. Узаконенная ошибка: об одной фамилии у Леонида Андреева // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 2. С. 199–212.
7. Кудрин, А. Лбовщина до «Лбовшины» // Вещь: литературный журнал, Пермь. 2013. № 1(7). С. стр.104
8. Кукатов, А. В. Александр Савицкий: материалы к биографии из фондов Государственного архива Российской Федерации // Деснинские древности : материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья» (Брянск, 27–28 ноября 2014 г.). 2016. С. 282–288.
9. Мауль, В. Я. Русский бунт как защитный механизм традиционной культуры в переходный период // Фундаментальные проблемы культурологи : сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д. Л. Спивак. М. : Новый хронограф: Эйдос. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. 2009, С. 192–202.
10. Мауль, В. Я. Социокультурное пространство русского бунта : по материалам Пугачёвского восстания : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Мауль, Виктор Яковлевич. Томск, 2005. 412 с.
11. Московкина, И. И. Поэтика прозы Леонида Андреева. Жанровая система и художественный метод : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Московкина Ирина Ивановна. Киев, 1994. 37 с.

12. Оксман, Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин, А. С. Капитанская дочка. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 145–199.
13. Петрунина, Н. Н. Пушкин на пути к роману в прозе: «Дубровский» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 9. С. 141–167.
14. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т.4 : Художественная проза. М. : Художественная литература, 1949. 494 с.
15. Сухова, О. А. «Русский бунт» начала XX века как ритуал крестьянской повседневности: реальность или мистификация? // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 17–25.
16. Ходанен, Л. А., Кронебергер, М. А. Герои-разбойники и поэтика «разбойничьих сюжетов» в творчестве А. С. Пушкина // Инновационное развитие науки и образования. 2018. С. 37–43.

~

УДК 82.09

Миленко Виктория Дмитриевна

Кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

**«ДЮЖИНА НОЖЕЙ В СПИНУ РЕВОЛЮЦИИ» А. Т. АВЕРЧЕНКО
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ XX ВЕКА:
К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ**

В статье впервые воссоздаётся и анализируется политическая история сборника А. Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (1920; 1921). На основе редчайших источников (мемуарных свидетельств, данных прессы, архивов), многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор доказывает, что книга стала инструментом «мягкой силы» сначала в пропаганде идей Белого движения, затем в формировании положительного имиджа молодой Советской республики, а в годы перестройки — весомым аргументом в массовой переоценке советских догматов и мифов. Отдельное внимание уделяется идеологическому поединку автора сборника и В. И. Ленина, истории появления ленинской рецензии «Талантливая книжка» (1921), её роли в прижизненной славе Аверченко и его посмертной судьбе. Исследование приурочено к 100-летию первого издания сборника и 140-летнему юбилею А. Т. Аверченко.

Ключевые слова: А. Т. Аверченко, «Дюжина ножей в спину революции», В. И. Ленин, «Талантливая книжка», политтехнологии, «мягкая сила», пропаганда, «Сатирикон», «Новый Сатирикон», оттепель, перестройка.

Victoriya D. Milenko

PhD in Philology science, Associate Professor,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

**“DOZEN KNIVES IN THE BACK OF THE REVOLUTION” BY A. T. AVERCHENKO
IN CONTEXT OF THE POLITICAL TECHNOLOGIES OF THE XX CENTURY:
TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FIRST EDITION**

Abstract. *The article for the first time recreates and analyzes the political history of the A. T. Averchenko’s digest “Dozen Knives in the Back of the Revolution” (1920;*

1921). On the basis of rare sources (memoirs, press data, archives), many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, the author proves, that the book became an instrument of “soft power” first in promoting the ideas of the White movement, then in shaping a positive image of the young Soviet Republic and during the years of “perestroika” — became a weighty argument in the mass reassessment of Soviet dogmas and myths. Special attention is paid to the ideological duel between the author and V. I. Lenin, the history of the appearance of Lenin's review “The Talented Book” (1921), its role in the lifetime of Averchenko and his posthumous fate. The study is dedicated to the 100th anniversary of the first edition of the digest, 140th anniversary of A. T. Averchenko's birth.

Key words: A. T. Averchenko, “Dozen Knives in the Back of the Revolution”, V. I. Lenin, “The Talented Book”, political technologies, “soft power”, propaganda, “Satirikon”, “Novy Satirikon”, “the thaw”, “perestroika”.

Для цитирования:

Миленко, В. Д. «Дюжина ножей в спину революции» А. Т. Аверченко в контексте политтехнологий XX века: к 100-летию первого издания // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 99–121.

Сто лет назад, в июне 1920 года, в Симферополе увидел свет сборник А. Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (далее «Дюжина...»). Этой книге суждено было сыграть значимую политическую роль в жизни страны и эмиграции первой волны. Она последовательно служила инструментом «мягкой силы»¹ в пропаганде идей Белого движения, затем — вопреки ожиданиям автора — в формировании положительного имиджа молодой Советской республики. В годы перестройки «Дюжина...» в общем контексте «возвращённой литературы» стала пусть не решающим, но весомым аргументом в массовой переоценке советских догматов и мифов. Броско-агитационное заглавие сборника и по сей день обыгрывается в полемических трудах различной проблематики².

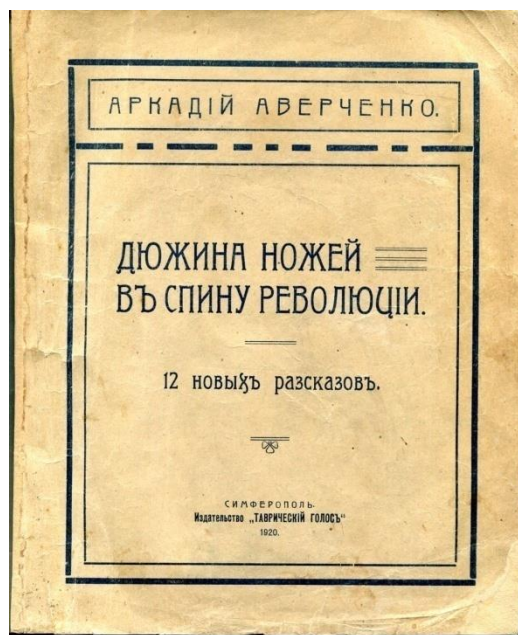
В творческой судьбе Аверченко значение «Дюжины...» огромно, так как на неё последовала рецензия В. И. Ленина «Талантливая книжка» (1921). Став

¹ «Мягкая сила» (англ. soft power) — форма, а также инструменты политической власти, предполагающие получение желаемых результатов путём убеждения, а не принуждения и агрессии («жёсткой силы»).

² См.: Собчак А. А. Дюжина ножей в спину: поучительная история о российских политических нравах. М.: Вагриус, 1999; Гуревич III. Дюжина ножей в спину крошки Цахеса. М.: Водолей Publishers – Томск, 2004; Ошевнев Ф. Чёртова дюжина ножей в спину российской милиции. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2008; Ошевнев Ф. Чёртова дюжина ножей + 2 в спину российской армии. Ростов н/Д: Альтаир, 2011 и др.

сенсацией ещё при жизни писателя, рецензия хотя и закрепила за ним репутацию «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца», но стала «охранной грамотой» для его издателей в СССР в 1920-х годах, а также во время оттепели, когда именно она позволила вернуть имя Аверченко из забвения.

Идеологический поединок Ленина и Аверченко по сей день определяет исследовательский и читательский интерес к «Дюжине...». Однако этот факт, не имеющий аналогов в истории отечественной (а, возможно, и мировой) литературы, до сих пор никем в должной мере не осмыслен и не объяснён. Политическая история книги, в отличие от её поэтики³, никогда не становилась предметом научного изучения. Мы впервые преследуем подобную цель, полагая, что её актуальность обусловлена не только 100-летием «Дюжины...», тесно связанным с аналогичным юбилеем Русского Исхода, но и 140-летием со дня рождения Аркадия Аверченко.

Обложка первого издания сборника.
Источник: архив М. Ю. Гоголина.

Первое, симферопольское издание сборника — библиографическая редкость. На сегодня известны лишь два экземпляра: в архиве самого Аверченко в РГАЛИ [4] и в собрании М. Ю. Гоголина⁴. Остальной тираж, вероятнее всего, погиб, — его не привезли в Константинополь после падения Белого Крыма⁵.

Книга была отпечатана в типографии газеты «Таврический голос»; оформлена строго: без иллюстраций, заставок, виньеток. Нам удалось найти этому объяснение, хотя Аверченко неохотно делился подробностями своей жизни «под белыми генералами». «Дюжину...» в июне 1920 года издал политотдел Штаба Первого армейского

³ См. диссертационные исследования Е. К. Гуровой [21], О. А. Кузьминой [26], А. В. Щербаковой [45] и др.

⁴ Составитель и автор комментариев к 13 и 14 томам Собрания сочинений А. Т. Аверченко московского издательства «Дмитрий Сечин» (2017–2019).

⁵ В отличие от сборника А. Т. Аверченко «Нечистая сила», вышедшего в Севастополе в сентябре 1920 года и продававшегося затем в Константинополе.

корпуса генерала А. П. Кутепова [43, с. 169–172]. Иными словами, издание профинансировала Русская Армия генерала П. Н. Врангеля, разумеется, решая свои конкретные политические задачи.

В то время шло наступление в Северной Таврии. Часть тиража, вероятно, предназначалась для пропаганды идей Белого движения как в самой Русской Армии, так и на отвоеванных у красных территориях. Подобные задачи исчерпывающе объясняют содержание «Дюжины...». Автор поэтизировал быт прежней «единой и неделимой» России («Фокус великого кино», «Усадьба и городская квартира»), сатирически рисовал большевиков («Поэма о голодном человеке», «Чёртово колесо», «Трава, примятая сапогом», «Новая русская сказка», «Короли у себя дома»), меньшевиков («Эсдеки»), эсеров («Осенний мелкий дождик»), а также союзников, предавших Белое дело («Хлебушко», «Русский в Европах»). В «Чертах из жизни рабочего Пантелея Грымзина» Аверченко обращался к пролетариату, ничего, по его мнению, от революции не выигравшему, и т.д.

Пропагандистскими задачами берёмся объяснить и заглавие сборника, в котором обыгрывался митинговый штамп, что возник после Февраля 1917 года и, по словам писателя А. М. Ремизова, скреплял тогда, «как кнопка», все речи ораторов [37]. Замыленность фразы о «ножах в спину» и бессмысленность призыва к «спасению революции» — таков лейтмотив предисловия Аверченко к сборнику, а количество «ножей», вполне вероятно, стало пародийным перифразом названия поэмы А. А. Блока «Двенадцать» (1918).

О разящей силе «ножей» 1920 года судить трудно: память об этой книге была уже тогда уничтожена настолько основательно, что её не было в распоряжении даже советских спецслужб. Ленин, читая её парижское переиздание 1921 года, не знал о симферопольском.

Тем не менее три отзыва до нас дошли. Первый оставил глава крымских меньшевиков П. И. Новицкий, работавший во время Гражданской войны в симферопольском подполье: «...этот одесский журналист, издавший в Крыму новую пачку своих рассказов под названием „Сорок тысяч ножей в спину революции“, ...превратился из бойкого сатириконтца в беззубого хихикающего паяца» [35, с. 57]. Здесь «ножи» Аверченко явно попали в цель. Новицкого мог задеть фельетон «Эсдеки» о том, что меньшевиков не жалуют ни большевики, ни добровольцы, и что членство в этой партии — «патент какой-то на ограниченность, деревянность, на полное отсутствие фантазии, взлета ввысь, дара Божьего» [4, с. 26]. Обратим внимание и на упрёк в том, что юмор Аверченко стал «беззубым». Социал-демократы уважали писателя за его «зубастую» гражданскую позицию после подавления Первой русской

революции и в дни Февраля, а потому сожалели, что после Октября он оказался по другую сторону баррикад (об этом ниже).

Второй отзыв принадлежит поэту И. И. Савину, участнику Белого движения. Он вспоминал: «...напряженные ночи и дни последнего похода в Таврии, необычайно рано наступившие холода, костры в поле — и в неверном свете костров крымская книга Аверченко „Двенадцать ножей в спину революции“, двенадцать мастерски написанных шаржей, двенадцать хлестких бичей...» [39, с. 3]. Отзыв Савина, во-первых, подтверждает нашу версию о

Реклама книги в севастопольской газете «Юг России» № 143 от 26 сентября (9 октября) 1920 года. Источник: архив автора.

целевой аудитории книги, во-вторых, говорит о том, что в военной среде её оценили высоко.

А вот «гражданский» артист А. Н. Вертинский, в январе – феврале 1920 года живший в Севастополе, запомнил иное: «Аркадий Аверченко точил свои „Ножи в спину революции“. „Ножи“ точились плохо. Было не смешно и даже как-

то неумно. Он читал их нам, но особого восторга они ни у кого не вызывали» [15]. Отзыв нуждается в комментарии. Прежде всего, когда вышла «Дюжина...»,

Вертинского уже не было в Крыму. Он слышал лишь отдельные фельетоны на вечерах юмора Аверченко в севастопольском театре «Ренессанс», с которым они оба были связаны. Но главное то, что мемуары артист писал в начале 1940-х годов с надеждой на возвращение в СССР. Никак иначе он не мог оценить «Дюжину...», к тому же Аверченко (с которым они на самом деле дружили) это не задевало: он к тому времени давно умер.

Однако же общее настроение в Севастополе Вертинский передал верно. Здесь было не до книг, к тому же все фельетоны из «Дюжины...» сначала печатались в местной газете «Юг» («Юг России»), в которой работал Аверченко. Севастопольцам незачем было покупать «Дюжину...». То ли автор это понимал, то ли нашлись другие причины, но в Севастополе она появилась в продаже лишь в конце сентября 1920 года. Событием не стала, рецензий не было. Да и Аркадий Аверченко к этому времени уже не питал иллюзий насчёт будущего Белого Крыма, собирался за границу и готовил там себе «плацдарм». Именно в сентябре 1920 года он передал «Дюжину...» для переиздания в Париж. Книга призвана была закрепить в сознании эмиграции его политическую позицию.

Для Европы Аверченко несколько скорректировал содержание. Он сделал иную последовательность фельетонов, а в двух случаях заменил политику бытом: «Эсдеков» — «Эволюцией русской книги», «Осенний мелкий дождичек» — «Осколками разбитого вдребезги». В «Эсдеках» меньшевики, повторяющие «Во имя Третьего Интернационала», сравнивались с китайцем, попавшим в плен к белым и утверждавшим, что он воевал «Са ладная Кубаня! (за родную Кубань)» [4, с. 26]. В «Осеннем мелком дождичке» высмеивалась Маруся Спиридонова (т. е. эсеры), которая со своей подпольной работой и террором станет немыслима, когда «кончится война, большевики будут уничтожены, жизнь войдет в колею, свободный народ вздохнет свободно, парламент издаст новые разумные законы» [4, с. 41].

Эти исключённые автором фельетоны были впервые переизданы нами только в 2015 году⁶. Полагаем, их замена объясняется не тем, что Аверченко не хотел ссориться с эмиграцией, учитывая её политическую пестроту. Скорее он убирал Гражданскую войну, уже в сентябре 1920 года зная, что она заканчивается и белые проиграют. Именно поэтому, намереваясь продолжать борьбу с основным противником — большевиками, писатель оставил все выпады в их адрес, включая скандальный фельетон «Короли у себя дома», рисующий Ленина и Троцкого бранящейся семейной парой. В результате получился как бы новый сборник, и у «Дюжины...» началась вторая жизнь.

22 сентября 1920 года парижская газета «Последние новости» проанонсировала выход книги [27, с. 294], и под новый 1921-й год она увидела свет. К этому времени уже пал Белый Крым, Аверченко жил в Константинополе и, возможно, не мог утвердить оформление. Поэтому его давний друг карикатурист М. С. Линский (Шлезингер) поместил на обложке на редкость несимпатичный шаржированный портрет автора, отбрасывающего зловещую тень, с кинжалами в руках.

Обложка второго издания книги
работы М. С. Линского.
Источник: архив автора.

⁶ См.: Аверченко А. Т. Собрание сочинений : в 14 т. Т. 11. Салат из булавок / Сост., подг. текста и коммент. В. Д. Миленко. М. : Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015. С. 164–166, 463–466.

Впрочем, вероятно и то, что таков и был замысел Аверченко с Линским, в коммерческих целях добивавшихся скандального эффекта. К одиозному названию добавилась одиозная обложка. Книгу заметили быстро.

Первым несуразность формы, да и содержания «Дюжины...» почувствовал И. М. Василевский (Не-Буква), многолетний петербургский коллега Аверченко и Линского, оказавшийся в Париже. Трудно сказать, что произошло между ними, только Не-Буква в «Последних новостях» поместил рецензию с критическим заглавием «Картонный меч». Отметив рассказ «Трава, примятая сапогом» и фельетон «Фокус великого кино» в качестве лучших, не одоблив кулинарных описаний в «Поэме о голодном человеке», Не-Буква советовал Аверченко не «делать политику» и резюмировал: «Картонным мечом большевизма не победить, а творчество и злость так же плохо совместимы, как гений и злодейство» [34, с. 3].

Вполне вероятно, что из-за этой рецензии сотрудничество Аверченко с «Последними новостями», начавшееся в сентябре 1920 года, прекратилось. А резкость тона Не-Буквы можно объяснить не только личными счётами, но и тем, что он начинал пересматривать своё отношение к советской власти (в 1922 году Не-Буква станет сотрудничать в просоветской газете «Накануне», а в 1923-ем вернётся в Россию).

Следующий отзыв последовал уже от адресатов «ножей» — из Москвы. В июне 1921 года в журнале «Красная новь» была опубликована статья Н. Л. Мещерякова «“Наши за границей”. I. Белогвардейский юмор», посвящённая «Дюжине...» и журналу «Бич» упомянутого выше Линского. Ветеран партийной печати, Мещеряков в то время возглавлял политотдел Госиздата, был членом редколлегии «Правды», по вопросам цензуры имел прямой выход на Ленина, поэтому его статью можно расценивать и как косвенную реакцию Кремля.

Подобно процитированному выше меньшевику Новицкому, Мещеряков скорее был удивлен позицией Аверченко: «Читатель, может быть, подумает, что Аверченко хочет обличать, „бичевать“ тех, кто вредит революции, втыкая нож в спину. Совсем нет. Аркадий Аверченко сам своей книжкой хочет всадить дюжину ножей в спину революции» [32, с. 275]. Не без горечи и грусти рецензент комментировал те же кулинарные фрагменты, что рассмешили Не-Букву, и образцы чёрного юмора: «Вот до какой мерзости, до какого юмора „висельника“ дошел теперь веселый балагур Аркадий Аверченко. А белогвардейщина читает эту мерзость, наслаждается ею, смакует» [32, с. 276].

Вряд ли Аверченко видел эту рецензию. Судя по материалам газеты «Presse du Soir» и журнала «Зарницы», его константинопольских трибун того

времени, ответа не было. Между тем писатель никогда не игнорировал выпады в свой адрес, да и для рекламы «Дюжины...» полемика с Мещеряковым пригодилась бы. Тем более что именно летом 1921 года Аверченко активно провоцировал большевиков. 3 июля, к трёхлетию запрещения своего «Нового Сатирикона», в фельетоне «Две власти (золотопогонники и рабоче-крестьянская)» он писал, что золотопогонники штрафовали и «жали», но не закрывали. А большевики, не вникая, «двинули сапогом по „Сатирикону“» [2, с. 6]. Через неделю, 10 июля, эта же тема была развёрнута в ныне широко известном «Приятельском письме Ленину от Аркадия Аверченко», где автор описывал и гибель «Нового Сатирикона», и свой путь в эмиграцию. Этот фельетон за неимением других данных долгое время воспринимался исследователями как документ, чего делать не следует. Иначе придётся поверить в то, что Аверченко лично знал Ленина по Швейцарии, как он утверждал.

Тон фельетона был нарочито грубым. Этого требовал и жанр — пародия на письма вождю от рабоче-крестьянских масс (пародийность задаёт уже обращение «Дорогой Владимир Ильич!»). Этого требовала и технология литературного скандала: Аверченко побуждал Ленина ответить, намеренно задевал, напоминая, что они — коллеги по журналистике. Невольно приходится предположить, что «Приятельское письмо...» было просчитанным ходом в рекламной кампании «Дюжины...».

Вместе с тем это был далеко не первый выпад Аверченко в адрес Ленина. Перу писателя принадлежит обширная сатирическая «лениниана», в значительной своей части переизданная нами только в 2010-х годах⁷. А в качестве первой «перчатки», брошенной «королём смеха» главе Совнаркома, можно расценить памфлет «Моя симпатия и сочувствие Ленину. Сочувствует — Аркадий Аверченко» в одном из последних номеров «Нового Сатирикона» за 1918 год. Тогда писатель в числе прочего упрекал власть в отсутствии чувства юмора: «Мне очень интересно знать — как вообще живет Ленин: ... смеется ли? Я думаю, что не смеется. И ему самому скучно жить, и тем, кто около него, тоже скучно живется» [5, с. 3]. К тезису «Ленин не смеётся» Аверченко не раз возвращался и позднее, а в «Приятельском письме...» намекал на то, что Ленин побоялся быть осмеянным, поэтому закрыл «Новый Сатирикон», а редактора «гонял... по всей России, как соленого зайца» [7, с. 4].

⁷ См.: Аверченко Аркадий. Русское лихолетье глазами «короля смеха» / Сост., подг. текстов и коммент. А. Е. Хлебиной, В. Д. Миленко. М.: Посев, 2011; Аверченко А. Т. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 11: Салат из булавок / Сост., подгот. текстов и коммент. В. Д. Миленко. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015.

Здесь уместно сказать несколько слов об отношении большевиков и самого Ленина к Аверченко. Об этом позволяют судить некоторые эпизоды. Так, бывший издатель журнала «Сатирикон» М. Г. Корнфельд, встречавшийся в 1918 году с председателем Петроградской ЧК М. С. Урицким, вспоминал: «...Урицкий сказал мне, что рад со мной познакомиться, и что столько-то лет тому назад (т. е. в эмиграции. – В. М.) для него, для Ленина и еще некоторых его друзей получение „Сатирикона“ было настоящим праздником» [38]. Столь же любезен Урицкий был и с А. С. Буховым, соредактором Аверченко по «Новому Сатирикону», с которым беседовал после закрытия журнала и сожалел, что такие мастера сатиры и юмора ушли в оппозицию [14, с. 2]. Или другой пример: художник и пайщик «Нового Сатирикона» А. А. Радаков после закрытия журнала нарисовал шарж на членов Совнаркома, который попал в Кремль. Вскоре Радакову передали записку от Ленина: «Прошу экс-сатириконца Радакова почаще присылать такие карикатуры» [19, с. 48]. Наконец, забежим вперёд: 14 марта 1925 года, достаточно оперативно, «Правда» поместит некролог памяти Аверченко [41, с. 6].

Все эти детали в некоторой степени объясняют долготерпение большевиков, запретивших «Новый Сатирикон» гораздо позже других «буржуазных изданий». Слишком непопулярная мера — революционной власти не хотелось расписываться в своей слабости. Бухов вспоминал, как в начале июля 1918 года они с Аверченко недоумевали, почему до сих пор работают, и Аверченко предполагал: «Может быть, просто забыли о нас...» [14, с. 2]. Однако вскоре в редакцию явился вооружённый отряд и объявил, что журнал закрывается, ведь пролетариату никакого юмора не нужно.

Одним словом, рецензия Ленина на «Дюжину...», к которой и переходим, стала вехой в давнем конфликте советской власти и сатириконцев. А уровень и статус лица, публично высказавшегося по этому поводу, требовал адекватного уровня противника, поэтому удар пришёлся именно по Аверченко, ведущему сатирику эпохи. Что же касается предыстории конфликта, то она позволяет понять, почему Ленин выбрал для ответа жанр фельетона. Он доказал, что умеет посмеяться.

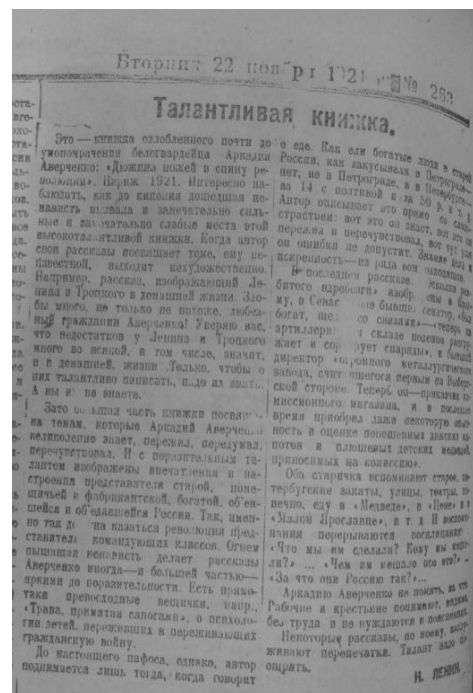
Недавно в этой предыстории обнаружился новый уникальный эпизод. В оттепельном 1962 году в «Огоньке» был напечатан мемуарный очерк С. С. Виноградской, в 1921 году помощницы М. И. Ульяновой, секретаря «Правды». Виноградская вспоминала, что редакция в те годы вполне официально выписывала эмигрантские издания и однажды получила из Парижа «Дюжину...»: «В кровавой рамке господин в пенсне, с кинжалами в руках» [16, с. 7]. Далее мемуаристка сообщала, что Ленин прочитал эту книгу,

сделал выписки, при этом у него «весело искрился глаз» и в нём «взыграла... старая журналистская жилка!» (это, скорее всего, со слов М. И. Ульяновой). Наконец Виноградская в детективных тонах поведала, как в предсмертный час Ильич вдруг появился в редакции с чёрного хода, с низко опущенным козырьком, вызвав всеобщее изумление. Он вынул из-за пазухи рукопись: «Вот, написал для „Правды“. <...>. Пусть печатают <...> Если подойдёт» [16, с. 8]. И тут же исчез.

Рукописью оказался фельетон «Талантливая книжка» — рецензия на «Дюжину...». 22 ноября 1921 года, в день его публикации в «Правде», в секретариате побывали все штатные фельетонисты: и Демьян Бедный, и Михаил Кольцов. Хвалили сатирический дар Ленина, и Мария Ильинична «жадно слушала каждого, но при этом поджимала губы, стараясь казаться безразличной» [16, с. 8]. Гудели и в «Известиях», этажом ниже. А один не называемый фельетонист заявил, что Ленин «умеет похлестче, когда захочет» и оценил его фельетон на тройку с плюсом. Мария Ильинична была оскорблена, зато её брат смеялся: «...я забыл, когда в последний раз этим забавлялся. <...>. Только жаль, иначе нужно было назвать. Ну, там „Чертова дюжина...“. А тройка с плюсом — это отлично!» [16, с. 8].

Конечно, очерк Виноградской не документ, каковым может считаться только автограф «Талантливой книжки», если когда-нибудь будет обнаружен. Однако приведённое свидетельство — бесценно. Во-первых, оно подтверждает личное участие Ленина в конфликте с Аверченко (ранее мы предполагали, что рецензию мог для него подготовить кто-то из помощников) [33, с. 234]. Во-вторых, убеждает в том, что это был исключительный случай — настолько важный, что Ленин сам пришёл в редакцию, а не передал рукопись, к примеру, с той же М. И. Ульяновой. В-третьих, где-то в подтексте читается, что Ленин робел и ждал реакции — конечно, не советских фельетонистов, а самого Аверченко.

Помимо этого, расширить рассказ Виноградской позволяют воспоминания жены А. А. Радакова: дескать, редактор какого-то советского сатирического журнала, старый партиец (фамилию она чётко не помнила,

Скрин рецензии В. И. Ленина
«Талантливая книжка» в газете
«Правда».

Источник: архив автора.

называла Ерёмным) передал мужу слова Ленина: читал «Дюжину...», пускай Аверченко возвращается, напишите ему! Радаков написал, а в полученном от Аверченко ответе увидел: «Не заманите» [18, с. 34]. Скорее всего, речь идёт о «правдисте», редакторе «Рабочей газеты» и первом редакторе «Крокодила» К. С. Еремееве.

Кстати, именно статья Еремеева «Партия и периодическая печать» помещалась в «Правде» под ленинской «Талантливой книжкой». Со временем рецензия оказалась вырвана из контекста содержания номера газеты, в котором появилась. А в нём освещалась работа II Всероссийского съезда Пролеткульта, где обсуждались проблемы советской и партийной печати. Таким образом, ленинская статья помимо внешнеполитических задач (о которых ниже) решала и внутренние: формировала демократический имидж власти на фоне дискуссий о нужности Пролеткульта.

Однако же основные задачи «Талантливой книжки» лежали в области внешнеполитической, и время публикации — ноябрь 1921 года — вряд ли было выбрано произвольно. Именно тогда Советская республика отметила своё 4-летие и год с момента окончания Гражданской войны на юге России. В ознаменование обеих дат 3 ноября 1921 года ВЦИК издал декрет № 611 «Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях». Этот документ демонстрировал переход от «жёсткой» к «мягкой силе», а по сути, расшатывал и разлагал Русскую Армию, самую опасную часть эмиграции.

Что же касается политики в отношении бежавшей из страны интеллигенции, то именно в «сменовеховском» 1921 году советской властью в этом направлении предпринимались решительные шаги к примирению и убеждению. Большую роль в этом играла просоветская пресса, например, гельсингфоргская газета «Путь», вызывавшая негодование того же Аверченко. Он публично порицал печатавшегося в ней бывшего редактора журнала «Современный мир» меньшевика Н. И. Иорданского, так быстро изменившего своим убеждениям. Второй мишенью Аверченко был П. Н. Милюков, в то время редактор «Последних новостей», печатавших провокационные статьи о Врангеле и Русской Армии. Писатель (да и многие другие) считал, что Милюков заодно с Советами, а когда в сентябре 1921 года прочитал в «Пути» похвалы в адрес Милюкова, заметил: «...если бы похвалили такие люди меня — пошел бы и повесился» [31, с. 26].

На таком-то напряжённом политическом фоне Аверченко и получил ответное «приятельское письмо» от Ленина. Если проанализировать «Талантливую книжку» именно в этом ключе, то становится понятным, почему она подписана журналистским псевдонимом «Н. Ленин». Можно

объяснить и то, почему в первом же абзаце безличное «автор» преобразуется в прямое обращение к Аверченко: «Злобы много, но только непохоже, *любезный гражданин Аверченко!* Уверяю вас, что недостатков у Ленина и Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А *вы* их не знаете (курсив наш. — В. М.)» [30, с. 2]. Напомним, что речь идёт о фельетоне «Короли у себя дома».

«Коммунистический привет» из Кремля поставил Аверченко в щекотливое положение, тем более что в Константинополе многие процессы ощущались особенно болезненно. Как раз в конце ноября здесь гневно обсуждалось возвращение в Россию «героя Перекопа» генерала Я. А. Слащёва. Был и другой скользкий для писателя момент — личный. В том же ноябре у него вышла книга «Записки Простодушного», и некоторые эмигранты были настолько ею обижены, что даже пытались вызвать автора на дуэль. Читатели не оценили юмора в сюжетах о выживании на берегах Босфора. «Талантливая книжка» и здесь была, мягко говоря, некстати.

Аверченко достаточно быстро узнал об ответе Ленина. Вероятнее всего, из «Последних новостей», что 6 декабря 1921 года поместили заметку «Ленин и... Аверченко» с кратким пересказом рецензии [28, с. 2]. В этой публикации был провокационный оттенок: с редактором газеты Милюковым, как уже было сказано, Аверченко вёл достаточно резкую полемику, и тот не упустил возможности взаимно его поддеть.

Первая реакция писателя, скорее всего, была чисто рефлекторной — дать сдачи. Покровительственно-иронический тон ленинской статьи и её финал — «Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают, перепечатки. Талант надо поощрять» — не могли его не задеть, тем более что он, подобно многим эмигрантам, негодовал оттого, что советское правительство при переизданиях не выплачивало гонораров. И вот 12 декабря 1921 года в «*Presse du Soir*» появилась анонимная заметка «Ленин... об Аркадии Аверченко», тон которой был пренебрежительно-саркастическим. Автор в числе прочего предположил, что внимание «красного диктатора» могло привлечь «меткое и остроумное название» книги и что «то, что касается „особы“ самого Ленина (т. е. «Короли у себя дома». — В. М.), разумеется, перепечатке не подлежит» [29, с. 2]. Вероятнее всего, заметку написал сам Аверченко (на это намекали и его недоброжелатели).

Однако же легкомысленное настроение быстро рассеялось. Писатель понял, какую грандиозную провокацию устроили большевики, и начал защищаться. 14 декабря 1921 года в той же «*Presse du Soir*» последовала его официальная реакция — фельетон «*Pro domo sua*» («В свою защиту»). Здесь

был иной тон, указывающий на то, что автор многое передумал и взвесил. Поначалу он пытался привычно балагурить:

«Сам Ленин вдруг меня заметил
И, в гроб сходя, благословил» [8, с. 3].

Дескать, Аверченко гордится тем, что отнял у Ленина «часа полтора своей особой, значит, одним декретом меньше, значит, десятью не расстрелянными больше», но сарказм быстро сменила растерянность:

«...Я серьезно обеспокоен: что обо мне подумают мои друзья, если сам Ленин начнет меня хвалить?

Действительно, что-то подозрительное. Человек хлещет в своей книге большевиков, что называется, и в хвост и в гриву, а самый главный вдруг пишет, что „некоторые рассказы нуждаются в перепечатке“.

Ох, боюсь я этого данайца, приносящего мне дары пылких комплиментов... Хвалит, хвалит, а потом вдруг какой-нибудь Иорданский и хлопнет в „Пути“: „Советский представитель Аркадий Аверченко пишет нам из Константинополя“... Ой, товарищи, не погубите! Ведь тут не скоро отмоешься... <...> Раз я „озлобленный белогвардеец“ — как же можно говорить, что мои рассказы „заслуживают перепечатки. Таланты нужно поощрять“?

А ну — поверь я вдруг, да сдуру вернусь в Советскую Россию?

Энти поощрят. Так поощрят, что буду я, издырявленный, сквозить, как ажурный чулок» [8, с. 3].

Последняя фраза отнюдь не поза. Эмиграция жила известием о недавнем расстреле Н. С. Гумилёва.

«Талантливая книжка», подтекст которой Аверченко понял отлично, заставила его крепко задуматься о будущем и принять для себя очень трудное решение. Как ни тосковал он по России и Петрограду, Ленину не поверил. «Ни во дворец тогда (при Николае II. — В. М.), ни тем более в Кремль теперь я не поеду», — сказал он коллегам по «*Presse du Soir*» [27, с. 95].

Рецензия Ленина не смогла примирить писателя с советской властью. Эта цель достигнута не была. В остальном же она стала достаточно ощутимым «ножом в спину» бежавшему из России «королю смеха». Ленин его во многом обезоружил, дав понять: мы вас не боимся настолько, что даже не держим зла, просто смеёмся над вами. А ещё у нас такая свобода слова, что мы ваши «ножи» перепечатаем. «Талантливой книжкой» решалась и сверхзадача: издёвка над главой сатириконцев автоматически задевала всех его бывших подчинённых, оказавшихся в эмиграции и писавших для фельетонных «подвалов» белой прессы. Это было и предупреждение другим крупным

писателям эмиграции: будьте осторожнее, а то получите такую же рецензию, и т. д.

И в то же время никто и никогда более не удостоился подобной рецензии. Современники Ленина и Аверченко, а затем деятели партийной печати и советские писатели последующих эпох осознавали уникальность этого факта и с трудом могли его объяснить. Почему именно Аверченко? Почему не кто-то из «знаньевцев», связанных с Лениным событиями Первой русской революции? Не Куприн, не Максим Горький, только что покинувший страну? Вряд ли мы когда-нибудь приблизимся к разгадке, но вывод о личных причинах напрашивается невольно.

Что же касается Аверченко, то его сложно было удивить вниманием первых лиц. Заслужив поклонника в лице самого императора, чем в 1921 году он уже открыто гордился, вряд ли он был польщён отзывом Ленина. Скорее использовал его в рекламных целях. В этом убеждает анонимное пародийное эссе «Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе» (1923), автор которого представлял, что сказали бы царящему на берегах Босфора Аверченко русские классики. Обвинительный акт произносил И. А. Гончаров:

«А в е р ч е н к о (с апломбом). — <...> Конечно, вы немного завидуете моей славе, а между тем даже враги отдают мне должное: сам Ленин меня читает и находит, что я замечательно талантливый писатель. Я даже об этом сам в газете напечатал.

Г о н ч а р о в. Ну, Ленин как литературный критик с нашей точки зрения оставляет желать многого... У него слишком много своих обязанностей: бывает, что и ошибается... Эрраре гуманум ест» [13, с. 35].

Может быть, недоброжелатели писателя и считали, что Ленин ошибся, а вот для его издателей «Талантливая книжка» стала подарком. Теперь уже трудно сказать, на сколько она подняла продажи «Дюжины...» в Европе (а подняла несомненно). В СССР же она стала «индальгенцией» и «охранной грамотой» для автора: в годы нэпа его начали массово издавать, неизменно подстраховываясь ссылкой на Ленина. Именно так поступил, например, А. Н. Слепков в предисловии к сборнику «Осколки разбитого вдребезги» (1926), где были перепечатаны шесть фельетонов из «Дюжины...» [40, с. 5]. Не всех эта перестраховка, впрочем, успокоила. Например, Б. А. Губер в рецензии на эту «никчёмную», по его словам, книжку утверждал, что и рецензия Ленина её не спасёт: «домашняя эмиграция», конечно, прижмёт к сердцу, а вот «наш читатель вряд ли понесет эту книжку домой», скорее по прочтении забудет её «где-нибудь на столике Нарпита, рядом с грязной посудой» (курсив автора. – В. М.) [20, с. 267].

«Талантливая книжка» не поставила точки в конфликте Ленина с Аверченко — его прекратит только скорая смерть обоих. Из очевидных результатов назовём лишь то, что писатель никогда не переиздавал раскритикованных Лениным «Королей у себя дома», да и других фельетонов своей «ленинианы». Этот момент в 1924 году в статье памяти Ленина отметил Михаил Кольцов:

«...Аверченко, превратившийся напоследок жизни в яростного белогвардейца, попробовал в сборнике „Дюжина ножей в спину революции“ описать Ленина ... гиперболическим разбойником. Получилось очень смешно, но совсем не в том смысле, в каком рассчитывал развеселить читателя автор. Хохотал больше всех, читая о себе, сам Ильич. Он даже иронически расхваливал в „Правде“ книгу Аверченко.

Что было смешно? Оказался глуп и смешон сам юморист, попавший со своим описанием пальцем в небо. И любопытная штука. Мы проверили ее, порывшись в эмигрантских книгах. После заметки в „Правде“ Аверченко, переиздавая свой сборник рассказов, стыдливо выбросил рассказ о Ленине, заменил в дюжине этот неудачный свой „нож“ другим, впрочем, не более острым.

Казалось бы, интересы рекламы заставляли белогвардейского писателя повторить свой рассказ, замеченный самим Лениным. А все-таки — на громадном расстоянии, через границы и фронт — Аверченко стало не по себе» [24].

Пока неясно, какую эмигрантскую книгу имеет в виду Кольцов. По нашим данным, Аверченко впервые переиздал «Дюжину...» только в 1925 году (об этом ниже). Что же касается интересов рекламы, то писатель их продолжал соблюдать, оказавшись в Европе. Весной 1922 года он рассказал о своём конфликте с Лениным, к примеру, хорватам:

«Ленин пытался со мной помириться: написал в „Правде“ статью обо мне, где похвалил мою „Дюжину ножей в спину революции“, книгу, в которой я ясно выразил своё мнение и о нём, и о его революции.

– Не приставай со своей добротой, голубчик. Ты, брат, сумасшедший, а я — честный человек.

Он надулся, как жаба, и молчит» (перевод с хорватского наш. – В. М.) [6, с. 8].

Зимой 1923 года в Каунасе, в шуточном интервью бывшему коллеге Бухову, оба снова вспомнили об этой истории:

«– Я читал, что сам Ленин в „Правде“ очень похвалил вашу книгу „Десять ножей в спину революции“?

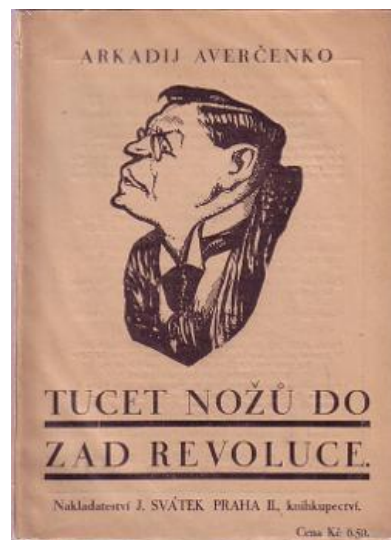
– Очень похвалил. Я, прочитав его статью, сразу же организовал „Общество защиты писателей от ласкового обращения“» [1, с. 2].

Осенью 1924 года это интервью в дополненном виде перепечатала в переводе на чешский газета «Národní Listy» [48, с. 1]. В то время Аверченко особенно нуждался в рекламе — в Чехословакии продавалось его первое собрание сочинений.

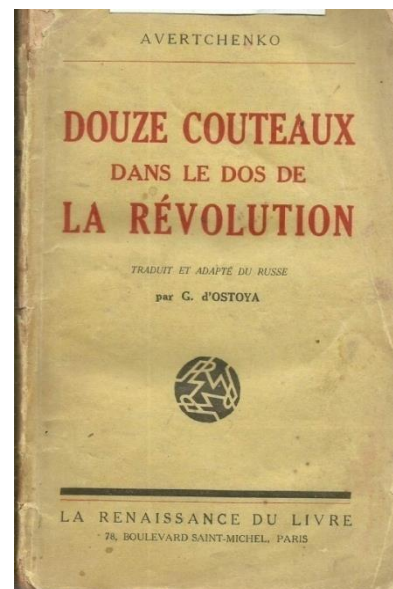
Факты убеждают в том, что на переиздания «Дюжины...» писатель решился только после смерти Ленина. Впрочем, о переиздании можно говорить условно: речь шла о переводах, о совершенно иной структуре, неизменным оставалось только название. В начале 1925 года Аверченко подготовил два таких сборника: в переводе на чешский и на французский языки. Первый вышел в Праге в конце мая 1925 года, уже после смерти автора. Второй в 1928 году увидел свет в Париже. Мы не станем сосредоточиваться на их содержании, отметим лишь, что Аверченко отводил им какую-то роль в формировании теперь уже европейской своей репутации.

Ко времени издания французского перевода в СССР вышли последние книги Аверченко — и установилось молчание. В 1932 году РАППовцы ещё вспоминали писателя опять же в связи с ленинской «Талантливой книжкой» [11, с. 1], а в 1935 году К. И. Чуковский, удивляясь былому бесстрашию власти, восклицал в дневнике: «Ведь потребовал же Ленин, чтобы мы печатали Аркадия Аверченко „7 ножей в спину революции“. Ведь печатали же мы Савинкова, Шульгина, генерала Краснова» [44, с. 559]. Отныне о такой свободе слова и помыслить было сложно, а уточнить название книги Чуковскому было негде. «Дюжину...» давно и надёжно скрывал спецхран «Ленинки» (именно с неё началась его история)⁸.

Вплоть до начала 1950-х годов из библиотек изымались все книги Аверченко, вышедшие после 1917 года. Но рукописи не горят.

Обложка пражской
«Дюжины...», 1925 г.
Источник: архив автора.

Обложка парижской
«Дюжины...», 1928 г.
Источник: архив автора.

⁸ Сборник (парижское издание 1921 года) числится в инвентарной книге бывшего спецхрана под № 1 [47].

Ленинская «охранная грамота» вновь была извлечена на свет на излёте оттепели, а вслед за ней вернулся и забытый автор. Очерк С. С. Виноградской, который мы цитировали выше, подготавливал это возвращение⁹. Широкой аудитории («Огонёк» в 1962 году выходил тиражом в 1 850 000 экземпляров) впервые рассказали о том, что был такой писатель Аверченко, что Ленин не просто его знал, но и — уникальный случай! — лично ответил ему. Прочитав почти полностью «Талантливую книжку», Виноградская невольно вернула и название «Дюжины...».

Это название теперь встречалось в работах советских учёных: А. Г. Дементьева «В. И. Ленин и советская журналистика» [23], Ю. Н. Давыдова «Надо мечтать!» [22], в рецензии В. В. Афанасьева на книгу Л. А. Евстигнеевой «Журнал „Сатирикон“ и поэты-сатирикеры» (1968) [10]. О прозорливости Ленина, развернувшего оружие смеха против самого Аверченко, размышлял выдающийся теоретик комического Ю. Б. Борев [12]. Наконец, В. Воробьёв пришёл к осмыслению этой темы в работе «Рецензия В. И. Ленина „Талантливая книжка“ и её истолкования» [17].

Об официальном возвращении самой книги говорить не приходилось, а тем временем она распространялась в самиздате. Нынешний владелец симферопольской «Дюжины...» москвич М. Ю. Гоголин вспоминает, что около 1980 года появилась возможность приобретать ксерокопии эмигрантских изданий. Сначала они ходили на отдельных листах, ближе к перестройке уже в сброшюрованном или даже переплетённом виде (за особую плату). Так Гоголин впервые познакомился с «Дюжиной...», а копию эту не сохранил, после легальных переизданий стала не нужна [46]. Вполне возможно, что распространялись ксерокопии репринта, выпущенного в 1975 году (вероятнее всего, к 50-летию смерти автора) в Иерусалиме [3].

На переиздание «Дюжины...» отважились только в годы перестройки — далеко не сразу, этот шаг подготавливался. Так, в 1987 году в популярном журнале «Знание — сила» была напечатана статья крупного историка-музеолога А. М. Разгона «Уроки гласности». Автор рассказывал о том, как политика гласности помогала Советской власти в борьбе с внутренними и внешними врагами, напоминал о «Талантливой книжке» и резюмировал, что в те годы «доверие к народу было оправданно, что оно вызывало ответное доверие» [36, с. 12]. В 1988 году был открыт спецхран «Ленинки», и через год со страниц «Юности» (№ 8) «Дюжина...» официально вернулась к советскому читателю. Возвращали её с осторожностью: «Королей у себя дома» вырезали,

⁹ Подготовка возвращения имени А. Т. Аверченко закончилась 21 декабря 1962 года, когда «Правда» напечатала его фельетон «Крыса на подносе» (1912).

в качестве предисловия поставили всю ту же «Талантливую книжку», а в послесловии П. Акимов размышлял: «...если революция не боялась „ножей“ Аверченко в 1921 году, есть ли у нее основания опасаться их в 1989?» [9, с. 87].

Ту же мысль о мнимой опасности высказывали «Вопросы литературы», публикуя вслед за «Юностью» малоизвестные фельетоны Аверченко: «...рассказы из сборника „Дюжина ножей в спину революции“ вызывали настороженность и страх издателей. Теперь они почти все опубликованы в нашей печати — в газетах и журнале „Юность“. Возобладало мнение, что литература — хотя и оружие, однако не столь мощное, чтобы сломать основы государства. И даже высказываются смелые мысли, что нам вовсе и не нужно единомыслие. А раз так, то, значит, снова пришло время Аркадия Аверченко» [42, с. 256–257].

Наконец, в конце 1991 года собкор «Правды» в Чехословакии А. С. Крушинский пришёл к философскому обобщению на страницах той же газеты, что за 70 лет до этого напечатала «Талантливую книжку». Крушинский писал, что сидит в пражской Славянской библиотеке, читает парижское издание «Дюжины...» 1921 года и дивится политической прозорливости автора: «Уже не в духе ли „Фокуса великого кино“ закрутился сейчас „всамделишный“ исторический процесс? Как и в мечтаниях Аверченко, не стало большевистских декретов на улицах Ленинграда, не стало города с таким наименованием, а Ленина словно бы выживают из страны. Сатирик, выходит, оказался пророком» [25, с. 7]. Небезынтересно и признание Крушинского о том, что о «Дюжине...» он слышал ещё в детстве от отца, собкора «Правды» в Чехословакии в 1945 году.

Итак, «время Аркадия Аверченко» пришло вместе с перестройкой. Однако о какой-то особой роли «Дюжины...» в потоке тогдашней «возвращённой литературы» говорить всё-таки не приходится. Даже публикация «Королей у себя дома», которая наконец состоялась в сборнике

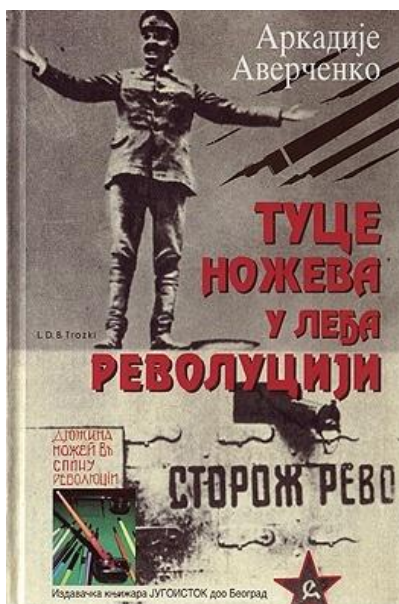

Скрин первой в СССР публикации
в «Юности».

Источник: архив автора.

«Записки Простодушного» (М. : Книга и бизнес, 1992), никого уже не могла шокировать. СССР больше не было.

В том же 1992 году на московском букинистическом рынке появился экземпляр редчайшего первого издания «Дюжины...», 100-летие которого мы отметили в уходящем году. М. Ю. Гоголин рассказывает: «На последней странице есть штамп московского букинистического магазина и инскрипт, фиксирующий дату и цену этого сборника. Итак, книга была реализована в марте 1992 года за 25 рублей! То есть товароведы даже не осознали её уникальности и ценности и продали как рядовой сборник Аверченко. Причём, ориентируясь на его объём, поставили сравнительно скромную цену. А если память мне не изменяет, в то время даже банальные „Весёлые устрицы“¹⁰ в нормальном состоянии доходили чуть ли не до 35–40 р.» [46].

Обложка хорватского перевода
2011 года (Белград: Jugoistok).
Источник: архив автора.

Историю этого экземпляра «Дюжины...» ещё предстоит воссоздать, пока же он занимает почётное первое место в ряду дальнейших переизданий книги, о которых шла речь в данной статье. Этот ряд не скоро прервётся — книгу активно издают и в наши дни. Отметим, к примеру, перевод на хорватский язык или юбилейное издание, в котором воспроизведена «кровавая» обложка 1921 года.

Обложка юбилейного
издания 2020 года (СПб. :
Азбука).
Источник: архив автора.

Таким образом, представляется возможным сделать некоторые выводы:

- первое, симферопольское, издание сборника было осуществлено Русской Армией генерала П. Н. Врангеля в июне 1920 года и призвано было послужить инструментом «мягкой силы» в рядах самой армии, а также на отвоёванных территориях во время наступления в Северной Таврии; сегодня известны лишь два экземпляра из этого тиража;
- второе, парижское, переиздание призвано было формировать в среде белой эмиграции авторский имидж борца с большевизмом;

¹⁰ Юмористический сборник А. Т. Аверченко 1910 года.

- появление ленинской рецензии «Талантливая книжка» следует объяснить целым комплексом объективных и субъективных причин; в числе первых — внешнеполитический курс Советской республики в ноябре 1921 года (расшатывание и разложение белой эмиграции); вторых — давний конфликт советской власти и сатириков, спровоцировавший закрытие «Нового Сатирикона» в июле 1918 года;

- для формирования своей политической репутации в Европе Аркадий Аверченко в начале 1925 года подготовил одноимённые сборники (но с иным содержанием) для перевода на чешский и французский языки; оба вышли после его смерти и никогда не привлекали внимания исследователей;

- ленинская рецензия позволила издавать книги Аверченко в СССР как в годы нэпа (в том числе переиздавались многие фельетоны из «Дюжины...»), так и во время оттепели, когда его имя вернулось в историю литературы после длительного забвения;

- возвращение книги состоялось в 1989 году на страницах журнала «Юность», однако цензурному изъятию вплоть до распада СССР подлежал фельетон «Короли у себя дома».

Сборник «Дюжина ножей в спину революции» сыграл роковую и странную роль в судьбе Аркадия Аверченко. Благодаря ему автора печатали на Родине и благодаря ему же — не печатали. Если бы не он — судьба была бы иной, но судьбу не выбирают.

Литература

1. Аркадий Аверченко (Интервью) // Эхо. 1923. 9 января.
2. Аверченко Аркадий. Две власти (рабоче-крестьянская и золотопогонники) // Зарницы. 1921. № 14. С. 5–6.
3. Аверченко Аркадий. Дюжина ножей в спину революции: 12 новых рассказов. Иерусалим : Бумеранг, 1975. 60 с.
4. Аверченко Аркадий. Дюжина ножей в спину революции: 12 новых рассказов. Симферополь: Издательство «Таврический голос», 1920. 52 с. // РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 1–23.
5. Аверченко Аркадий. Моя симпатия и сочувствие Ленину. Сочувствует – Аркадий Аверченко // Новый Сатирикон. 1918. № 12. С. 2–3.
6. Аверченко Аркадије. Одабране приповетке / Прев. са рус. Владан Стојановић. Београд : Освит, [1922]. 98 с.
7. Аверченко Аркадий. Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко // Зарницы. 1921. № 15. С. 4–5.
8. Аверченко Аркадий. Pro domo sua // Presse du Soir. 1921. 14 декабря.

9. Акимов П. Чистокровный юморист // Юность. 1989. № 8. С. 86–87.
10. Афанасьев В. «Сатириконт» и сатириконтцы // Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 212–215.
11. Афиногенов А., Лузгин М., Макарьев И., Серебрянский М., Фадеев А. За ленинизм в литературе (К итогам первого производственного совещания критиков РАПП) // Правда. 1932. 3 марта.
12. Боров Ю. Б. Ленинская теория отражения и природа образного мышления // Вопросы литературы. 1969. № 9. С. 11–34.
13. Б...ский А. Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе (стенографический отчёт одного ночного заседания). Константинополь: Тип. Л. Бабок С-ья, 1923. 36 с.
14. Бухов Арк. Юбилей одной неприятности // Свободное слово. 1921. 12 июля.
15. Вертинский А. Н. Дорогой длиною [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «ЛитМир». URL: <https://www.litmir.me/br/?b=260426&p=1> (дата обращения: 11.11.2020).
16. Виноградская С. Если подойдёт... // Огонёк. 1962. № 18. С. 7–8.
17. Воробьёв В. Рецензия В. И. Ленина «Талантливая книжка» и её истолкования // Радянське літературознавство. 1974. № 4–6. С. 211–213.
18. Гальперина Е. Л. Мятёжная жизнь Алексея Радакова. Глава III. Работа в «Сатириконт» / Публикация, вступ. статья и примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2019. № 4 (11). С. 31–44.
19. Гальперина, Е. Л. Мятёжная жизнь Алексея Радакова. Глава III. Работа в «Сатириконт» (Окончание) / Публикация, примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2020. № 1 (12). С. 39–50.
20. Губер Борис. Библиотека сатиры и юмора. Выпуски издательства «Земля и фабрика» // Красная новь. 1926. № 1. С. 266–267.
21. Гурова Е. К. Особенности сатирического дискурса: На материале рассказов и фельетонов А. Т. Аверченко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 21 с.
22. Давыдов Ю. Н. Надо мечтать! // Вопросы литературы. 1963. № 4. С. 18–37.
23. Дементьев А. Г. В. И. Ленин и советская журналистика // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 3–29.
24. Кольцов М. Человек из будущего [Электронный ресурс] // Кольцов М. Избранное. М.: Правда, 1985. URL: http://www.belousenko.com/books/russian/koltsov_izbrannoe.htm (дата обращения: 15.10.2020).

25. Крушинский А. Крутись, лента, крутись... Парадоксы и пророчества Аркадия Аверченко // Правда. 1991. 28 сентября.
26. Кузьмина О. А. Рассказы А. Т. Аверченко (Жанр. Стилль. Поэтика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 21 с.
27. Левицкий Д. А Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М. : Русский путь, 1999. 552 с.
28. Ленин и... Аверченко // Последние новости. 1921. 6 декабря.
29. Ленин... об Аркадии Аверченко // Presse du Soir. 1921. 12 декабря.
30. Ленин Н. [Ульянов В. И.]. Талантливая книжка // Правда. 1921. 22 ноября.
31. Медуза Горгона [Аверченко А. Т.]. Пауки в банке // Зарницы. 1921. № 22. С. 25–27.
32. Мещеряков Н. «Наши за границей». I. Белогвардейский юмор // Красная новь. 1921. № 1. С. 275–285.
33. Миленко В. Д. Аркадий Аверченко. М. : Молодая гвардия, 2010. 327 с.
34. Не-Буква [И. М. Василевский]. Картонный меч // Последние новости. 1921. 4 января.
35. Новицкий П. Из истории крымской печати в 1919–1920 // Печать и революция: Журнал критики и библиографии / Под ред. А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, И. И. Степанова-Скворцова. Книга 1. Май–июль. М. : Государственное изд-во, 1921. С. 54–63.
36. Разгон А. Уроки гласности // Знание – сила. 1987. № 10. С. 9–12.
37. Ремизов А. М. Взвихрённая Русь // Электронная библиотека Максима Мошкова. URL: <http://lib.ru/PROZA/REMIZOW/babushka.txt> (дата обращения: 23.10.2020).
38. Русская Смута устами проигравших. К 95-летию революции. Михаил Корнфельд, Олег Керенский // Радио «Свобода». «Поверх барьеров с Иваном Толстым». 20.11.2012. URL: <https://www.svoboda.org/a/24777802.html> (дата обращения: 21.09.2021).
39. Савин Иван. А. Т. Аверченко // Новые русские вести. 1925. 19 марта.
40. Слепков А. Н. Предисловие / Аверченко Аркадий. Осколки разбитого вдребезги. М.-Л.: Изд-во «Земля и фабрика», 1926. С. 3–6.
41. Смерть Аркадия Аверченко // Правда. 1925. 14 марта.
42. «Талант надо поощрять...» // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 257–269.
43. Хлебина А. Е., Миленко В. Д. Аркадий Аверченко: Беженские и эмигрантские годы (1981–1925). М. : Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. 543 с.
44. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12 : Дневник (1922–1935). М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 656 с.

45. Щербакова А. В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона» (на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Чёрного) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 22 с.

46. Электронная переписка автора статьи с М. Ю. Гоголиным от 20.11.2020 года.

47. Электронная переписка автора статьи с заведующей Отделом литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки Н. В. Рыжак от 13.10.2018 года.

48. Arkadij Averčenko. Beseda so spisovatelem // Národní listy. Večerní vydání. 1924. 21 октября.

~

Дискурсы гуманитаристики

УДК 37.035.6

Хоменко Елена Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Русский язык и русская литература»,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: nikita1390@ya.ru

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ. Статья вторая

Статья посвящена проблеме патриотического воспитания учащихся начальной школы посредством дидактических игр и является продолжением исследования, опубликованного ранее¹. В настоящей статье представлены примеры трёх дидактических игр, апробированных на уроках литературного чтения в 4-м классе.

Ключевые слова: младшие школьники, дидактическая игра, патриотизм, патриотическое воспитание.

Elena V. Khomenko

PhD in Philology science, Associated Professor of Department
of Russian language and Russian literature,
Humanitarian and Pedagogical Institute,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

DIDACTIC GAMES IN THE SYSTEM OF PATRIOTIC EDUCATION OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN. Article 2

Abstract. The article is devoted to the problem of Patriotic education of primary school students through didactic games and is a continuation of the research published in

¹ Хоменко, Е. В. Дидактические игры в системе патриотического воспитания младших школьников. Статья первая // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 28–44.

the previous issue. This article presents examples of three didactic games tested in literature reading lessons in the 4th grade.

Key words: *primary school children, didactic game, patriotism, Patriotic education.*

Для цитирования:

Хоменко, Е. В. Дидактические игры в системе патриотического воспитания младших школьников. Статья вторая // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 122–130.

Дидактические игры, обладая увлекательностью, эмоциональностью, динамичностью, снимают психологическое напряжение и облегчают вхождение учащихся начальной школы в социум; создают непринуждённую обстановку и вовлекают младших школьников в активную учебно-познавательную деятельность. Позитивное воздействие, оказываемое в ходе дидактических игр на учащихся, способствует расширению их знаний об истории русского государства, истории своего города; у обучающихся формируется представление о человеке-патриоте, а также устойчивая стратегия нравственного поведения; воспитываются патриотические чувства и готовность к деятельности на благо окружающих людей, семьи, родного города, своей страны. Приведём примеры дидактических игр, которые были апробированы нами на уроках литературного чтения в 4-м классе.

Тема «Летописи».

1. Дидактическая игра «Угадай имя русского князя».

Дидактическая задача: дать обучающимся представление об известных русских князьях, сыгравших важную роль в истории русского государства; воспитывать чувство уважения к историческим государственным деятелям и чувство гордости за своих соотечественников.

Игровая задача: по отличительным характеристикам и приметам отгадать и назвать имя русского князя.

Правила игры. Школьники объединяются в три команды. Ведущий озвучивает характеристики известных исторических деятелей, а школьники их угадывают. Побеждает команда, набравшая больше всех баллов. Для отгадывания каждого героя даётся 5 подсказок. Если учащиеся называют имя после 1-й подсказки, они получают 5 баллов; после 2-й — 4 балла; после 3-й — 3 балла; после 4-й — 2 балла; после 5-й — 1 балл. Если и после 5-й подсказки имя не названо, ведущий называет его сам.

Инструкция для участников. Ребята, вы знаете, что в далёкие времена в русском государстве были смелые, мудрые и отважные люди, которые

делали всё, чтобы Россия стала могущественной и великой державой. И сейчас вам предстоит по отличительным характеристикам назвать имя того или иного русского князя.

Дидактический материал для игры:

Задуманное имя русского князя — Ярослав Мудрый.

1-я подсказка: этот князь считал ученье важным делом и по его приказу начали строить школы, в которых детей учили читать и писать;

2-я подсказка: во времена его правления в Киеве построили Софийский собор;

3-я подсказка: это был добрый и справедливый князь, злые люди боялись его, а добрые любили и уважали;

4-я подсказка: у него было много сыновей, которым перед смертью он наказал жить друг с другом в мире и согласии: «Имейте любовь между собой. Тогда Бог будет с вами и Русь одолеет всех врагов. А если будете жить всегда в ссорах, то погибнете» [1, с. 16];

5-я подсказка: во времена его княжения на реке Волге построили прекрасный город Ярославль, который стоит там и сейчас; народ очень любил этого князя и называл его «мудрым» за всё то добро, которое он сделал русской земле.

Задуманное имя русского князя — Владимир Мономах.

1-я подсказка: мать этого князя была греческая царевна, и её отец, дедушка князя, подарил ему золотую шапку, которую тот впервые надел, когда стал править всей русской землёй (позже это стали называть венчанием князя на царство);

2-я подсказка: заставил жителей Новгорода повиноваться своему князю;

3-я подсказка: из всех своих многочисленных братьев он был самым добрым, никого не обижал, земли не отбирал, за бедных заступался и помогал им, виноватых наказывал;

4-я подсказка: во времена его правления на Русь приходили половцы — дикие и страшные люди, которые убили много русских и сожгли много городов; он собрал большое войско и прогнал половцев с русской земли;

5-я подсказка: после его смерти народ очень горевал, потому что некому стало теперь мирить князей, некому стало защищать обиженных и заботиться о бедных. И начались опять на Руси всякие ссоры и войны [3].

Задуманное имя русского князя — Александр Невский.

1-я подсказка: этот князь родился в старинном русском городе Переславль-Залесский;

2-я подсказка: за всю свою жизнь не проиграл ни одного сражения;

3-я подсказка: был настолько мудрым и талантливым полководцем, что всего за один летний день разбил шведов на реке Неве;

4-я подсказка: под его руководством русские победили в битве «Ледовое побоище».

5-я подсказка: люди, проявившие личную отвагу, мужество и храбрость, награждаются орденом, носящим имя этого великого русского князя.

Тема «Родина в творчестве русских поэтов и писателей».

2. Дидактическая игра «Узнай родной город».

Дидактическая задача: познакомить учащихся с творчеством поэтов города Армянска и их отношением к родному городу; через поэзию формировать эмоциональное отношение и чувство любви к родному городу.

Игровая задача: из множества стихотворений о городах найти те, которые посвящены городу Армянску.

Правила игры. Школьники объединяются в группы. На столах перед ними лежат тексты стихотворений о разных городах (без названий). За определённое время школьники должны выбрать те стихотворения, которые посвящены городу Армянску, и назвать приметы, по которым они это определили. Побеждает та команда, которая быстрее всех справится с заданием.

Инструкция для участников. Ребята, внимательно прочитайте стихотворения о разных городах нашей страны. Найдите среди них стихотворения о городе, в котором мы живём, и назовите приметы, по которым вы определили, что этот город именно Армянск.

Дидактический материал для игры:

Стихотворения об Армянске	Стихотворения о других городах России
А. Т. Гурьева <i>Стоит мой город на равнине, В Северо-Крымской степи, Запахи горькой полыни Влетают в окна мои. Город на краешке Крыма, Гордый, как парус вдали Над ним белых чаек крылья, Достоин большой любви [4, с. 50].</i>	П. А. Смирнов «Суздаль» <i>В ржанных полях владимирской земли Укрылся город древний и красивый. Его года испортить не смогли. Он — зеркало истории России. И катит волны Каменка-река, Как в древности чиста и полноводна, Как русская натура — глубока, Как русская душа — всегда свободна [6].</i>
Н. Н. Козуб <i>Здесь, на севере Крыма, Средь степной тишины</i>	В. А. Степанов «Санкт-Петербург» <i>Он царя Петра творенье, Город славы, город-сад.</i>

<i>Вырос маленький город На руинах войны. Его строили люди Разных наций и вер И растёт, расцветает Городок наш теперь [4, с. 81].</i>	<i>Кораблей заморских флаги, Вдоль Невы дворцов парад [7].</i>
<i>А. П. Когут Чудесные люди здесь живут: Стихи сочиняют и песни поют, Рисуют картины, идут на завод И в праздники дети ведут хоровод! Завод наш кормилец, а город под стать Нам душу согреет, как добрая мать! Пусть годы несутся вперед чередой А ты всё красивей. Ты юный такой! Ты мудрый, ты славный, Мой город родной. Всем сердцем горячим горжусь я тобой! [4, с. 79].</i>	<i>Ф. Н. Глинка «Москва» Город чудный, город древний, Ты вместил в свои концы И посады, и деревни, И палаты, и дворцы! Опоясан лентой пашен, Весь пестреешь ты в садах: Сколько храмов, сколько башен На семи твоих холмах! Исполинскою рукою Ты, как хартия, развит, И над малою рекою Стал велик и знаменит! [2].</i>
<i>А. Т. Гурьева Не могу сказать, что город Наш велик и величав, Но уютен, светел, молод, И гостей привык встречать. А в День города веселье До полночи звенит... Утром снова все при деле, Делом город знаменит [4, с. 57].</i>	<i>В. А. Степанов «На Камчатке» Вдали вулкан дымится. Над сопками туман. Здесь Родины граница, Здесь Тихий океан [7].</i>
<i>В. П. Север Волошино. Залив. Травы несметное богатство. И это степь. И это Крым – Крупницей солнечного счастья. Куда ни глянь, цветёт любовь, Смеётся вера и надежда, И человеческая кровь В делах земных живёт, как прежде. И перекопская земля, встречая</i>	<i>А. А. Золотин «Калуга» Я город свой старинный не хвалю, Я просто расскажу о нём немного. Стоит мой город в самом том краю, Где в космос начинается дорога. Мой город смотрит в зеркало Оки. Здесь что ни сквер, то космонавта имя. И, отражаясь ночью, огоньки Мне звёздочками кажутся земными. Опять огни над городом зажглись,</i>

<i>путника с порога, от марта и до ноября – на юг бегущая дорога [4, с. 106].</i>	<i>Я снова выхожу на берег окский, И чудится, что рядом смотрит ввысь Мечтатель и провидец Циолковский. Свой город не хвалю и не корю, Скажу лишь, что известен он далёко. Горжусь, что я живу в таком краю, Где в космос начинается дорога [5].</i>
Л. И. Борщ <i>Я живу в Крыму на самом севере, Там, где ветер яростный порой сбивает с ног. Я бы мог, наверно, полюбить Америку, Если бы её представить мог. Ковыльный край, здесь столько тропок пройдено, Я этот край давно родным зову, Люблю его, ведь это — моя Родина, Я здесь родилась, я здесь и живу [4, с. 21].</i>	В. А. Степанов «Суздаль» <i>Заповедный уголок, Древнерусский городок. Городок из колоколен, Мельниц, кузенок, часовен. Из крылечек расписных, Из наличников резных. Здесь плывёт со всех сторон К нам волшебных гусель звон. Как услышишь — так замрёшь, Словно в сказку попадёшь [7].</i>

Тема «Чудесный мир классики».

3. Дидактическая игра «Кто такой патриот».

Дидактическая задача: формирование у обучающихся представления о том, что патриот — это человек, который уважительно и благодарно относится к природе, охраняет её; воспитание у учащихся бережного отношения к окружающей среде; формирование устойчивой стратегии нравственного поведения и умений оценивать свои поступки и поступки других людей с позиций нравственных категорий.

Игровая задача: выбрать из предложенных правильный вариант ответа и обосновать свой выбор.

Правила игры. Школьники объединяются в группы. На столах перед ними лежат карточки с рассказами В. А. Сухомлинского «Не забывай про родник» и «Рогатка и воробьиное гнездо» и вопросами к ним. Дети должны прочитать их, выбрать правильный вариант ответа и обосновать свой выбор. Побеждает та команда, которая быстрее всех справится с заданием: выберет правильный вариант ответа и объяснит свой выбор.

Инструкция для участников. Ребята, вы уже знаете, что настоящий патриот — это человек, обладающий очень многими качествами. Одно из таких качеств вы сейчас и должны назвать. Прочитайте рассказы

В. А. Сухомлинского «Не забывай про родник» и «Рогатка и воробьиное гнездо» и ответьте на вопросы. Помните, что надо не только выбрать правильный вариант ответа, но и объяснить, почему вы его выбрали.

Дидактический материал для игры:

Василий Александрович Сухомлинский

«Не забывай про родник»

– Видите, дети, этот сожженный солнцем пустырь? — спросил учитель.

– Видим, — ответили дети.

– Теперь же послушайте быль. Вот здесь, на месте этой пустоши, много-много лет назад был глубокий пруд, в нем водились карпы и караси, по берегам пруда росли вербы, можно было из села выплыть на челноке и приплыть к этим тенистым дубам, их здесь было много. В лесу водились белки.

Что же произошло, почему исчез пруд? Это старинное село. Говорят, выкопали этот пруд люди давно и поселились на берегу. Но заметили, что пруд заносит илом. Сошлись крестьяне на сходку и решили: каждый, кто купался в пруду или просто пришел на берег полюбоваться красотой, должен набрать ведро ила и вынести за склон балки, высыпать в поле.

Люди придерживались этого порядка. У берега, на вербовых кольях, висели деревянные ведра. Для взрослых мужчин — большие, как половина нынешней бочки. Для женщин и подростков — поменьше. Для детей — маленькие. Только тот, кого матери приносили на руках, не платил трудом за радость и удовольствие.

Пруд с каждым годом становился чище и глубже. Но вот приехала в село семья — отец, мать, четверо сыновей и две дочери. Поселились они на околице, рядом с прудом. И взрослые, и дети из этой семьи купались в пруду, а за ведра не брались. Поначалу люди как-то и внимания особого не обратили на это. Но потом заметили, что многие подростки делают так же: купаются, но ил не выносят.

Старики стали увещевать молодежь: что же вы делаете? А подростки отвечают: раз одним можно, то и нам можно [8].

Как вы думаете, правильно поступила поселившаяся на околице семья, перестав выносить ил из пруда?

а) Семья поступила неправильно, потому что это привело к тому, что пруд высох, а на его месте появился пустырь.

б) Семья поступила правильно, потому что они не должны ухаживать за тем, что им не принадлежит.

в) Семья поступила правильно, потому что родители и их дети приехали на отдых.

А как бы вы поступили на месте детей этой семьи? Чей поступок вам понравился больше всего? Почему? Чей поступок вам не понравился? Почему?

Василий Александрович Сухомлинский
«Рогатка и воробьиное гнездо»

Восьмилетний Юрко пришел в школу с рогаткой. До уроков еще оставалось много времени. Он сел под кустом сирени и стал наблюдать за воробьями, которые весело чирикали, перелетая с ветки на ветку. Вдруг все воробьи поднялись и куда-то улетели. Остался только один, он чирикал тихо и ласково. Потом стал клювиком чистить перышки. Юрко прицелился и пустил в воробья камешек из рогатки. Мальчик попал в головку. На листья брызнула кровь, а воробьиное тело упало камешком на куст.

Юрку стало страшно. «Неужели это сделал я?» — подумал он.

Вдруг он почувствовал, как кто-то положил ему руку на плечо. Юрко оглянулся: это был Афанасий Иванович, учитель. Афанасий Иванович раздвинул ветки, и мальчик увидел в кустах сирени воробьиное гнездо. Из гнезда выглядывали пять птенчиков. Голые, беспомощные, они жалобно пищали, протягивая клювики.

— Теперь они остались без мамы, — тихо сказал учитель. Юрко стоял бледный и молчаливый.

— Ну, что же, иди на урок, — вздохнув, сказал Афанасий Иванович. — А завтра придем, посмотрим на птенцов. Помочь им никто не сможет...

Ночью Юрко почти не спал. Ему мерещились птенцы, которые жалобно протягивали клювики, ожидая маму. На следующий день Афанасий Иванович подошел к Юрко и спросил:

— Ну, что, пойдем еще раз посмотрим на птенцов? Юрко заплакал [9].

Как вы думаете, правильно ли поступил Юрко, выстрелив из рогатки в воробья:

а) Юрко поступил правильно, потому что весело провёл свободное от уроков время;

б) Юрко поступил неправильно, потому что нельзя приносить в школу рогатку;

в) Юрко поступил неправильно, потому что нельзя убивать птиц; к окружающей природе: растениям, животным, птицам надо относиться бережно, с любовью.

А как бы ты поступил на месте Юрка? Почему?

Учитель. Ребята, осушая озёра и реки, истребляя животных и птиц, мы разрушаем основы нашего общего дома. Любовь к природе не может быть только созерцательной, сохранение окружающей среды — это проявление действенного патриотизма. Чтобы выжить, мы должны беречь природу — научиться жить с ней в мире и согласии и не нарушать её гармонию. Настоящий патриот — это тот, кто бережно и с любовью относится к окружающему миру: растениям, животным, птицам. Берегите и охраняйте природу — наш общий дом!

В заключение отметим, что в результате использования дидактических игр в учебном процессе у многих четвероклассников появилось ярко выраженное положительное эмоционально-познавательное отношение к истории русского государства и родного города; положительное отношение к общественной деятельности; стремление расширить свой жизненный кругозор посредством исторических книг и поделиться с другими радостью от общения с ними. Школьники стали задавать больше вопросов об исторических государственных деятелях, у них появилось чувство национальной гордости и желание быть похожими на русских князей, быть такими же смелыми, мудрыми и отважными, чтобы сделать Россию могущественной и великой державой. Всё это свидетельствует о том, что дидактические игры — эффективное средство патриотического воспитания младших школьников.

Литература

1. Борзова, Л. П. Иллюстрированная история России. VIII — начало XX века. М. : РОСМЭН, 2016. 112 с.
2. Глинка, Ф. Н. Москва. URL: <http://ruspoeti.ru/aut/glinka/4765/>
3. ГОЛОВИН, Н. Н. МОЯ ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. URL: <HTTPS://WWW.LITMIR.ME/BR/?B=265612&P=1>
4. Горичева, Д. Я. Симфония ветров : сборник стихов и рассказов / Сост. Д. Я. Горичева. Армянск, 2010. 130 с.
5. Золотин, А. А. Калуга [Электронный ресурс]. URL: <http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/303-stikhi-pro-gorod-kaluga.html>
6. СМИРНОВ, П. А. СУЗДАЛЬ [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. URL: <HTTP://LJUBIMAJA-RODINA.RU/STIKHI/215-STIKHI-PRO-GOROD-SUZDAL.HTML>
7. Степанов, В. А. Моя Родина — Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/239267/read>
8. Сухомлинский, В. А. Не забывай про родник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miloliza.com/sukhomlinskij-rasskazy-i-skazki-dlya-detej/146-sukhomlinskij-chitat/6260-ne-zabyvaj-pro-rodnik>
9. Сухомлинский, В. А. Рогатка и воробьиное гнездо [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloliza.com/sukhomlinskij-rasskazy-i-skazki-dlya-detej/146-sukhomlinskij-chitat/6269-roгатка-i-vorobinoe-gnezdo>

~

УДК 808.56

Морозова Татьяна Викторовна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Русский язык и русская литература»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: a2424t@yandex.ru

Журавский Семён Фёдорович

Студент, Юридический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: semonz605@gmail.com

Зуева Валерия Валентиновна

Студент, Юридический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: zueva.valeri@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕЧЕ-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ВЕДЕНИЯ ДОПРОСА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается один из видов следственных действий — допрос на этапе предварительного следствия; показана роль речевого контакта при допросе; рассмотрена структура психологического контакта с допрашиваемым. Взаимодействие речевой и психологической коммуникации заявлено как необходимое условие установления истины по делу. Особое внимание уделено понятию «языковая личность» и проблеме её формирования у лиц, уполномоченных на проведение допроса. Также затронуты вопросы формирования языковой культуры студентов-юристов в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: допрос, расследование преступлений, тактика следственных действий, коммуникативный контакт, психологический контакт, юрислингвистика, обучение юристов, лингвоюридические дисциплины.

Tatyana V. Morozova

PhD in Philology science, Associate Professor
of the Department «Russian language and Russian literature»,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

Semyon F. Zhuravsky

Student of the Law Institute,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

Valeria V. Zueva

Student of the Law Institute,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

PSYCHOLOGICAL AND SPEECH-COMMUNICATIVE TACTICS OF CONDUCTING INTERROGATION DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract. *In article deals with one of the types of investigative actions — interrogation at the stage of preliminary investigation; the role of speech contact during interrogation is shown; the structure of psychological contact with the interrogated is considered. The interaction of speech and psychological communication is stated as a necessary condition for establishing the truth in the case. Special attention is paid to the concept of “language personality” and the problem of its formation in persons authorized to conduct interrogation. The issues of formation of the language culture of law students in higher educational institutions were also discussed.*

Key words: *interrogation, crime investigation, investigative tactics, communication contact, psychological contact, law linguistics, lawyers training, law linguistics disciplines.*

Для цитирования:

Морозова Т. В., Журавский С. Ф., Зуева В. В. Психологические и рече-коммуникативные тактики ведения допроса в ходе предварительного следствия // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 131–138.

Допрос является одним из наиболее распространённых следственных действий и имеет существенное значение для установления истины по делу. Правильно выстроенная рече-коммуникативная и психологическая тактики ведения допроса обуславливают его эффективность, поэтому данный вопрос всегда находится в фокусе как теоретических учений, так и прикладных умений специалистов следственных практик.

В процессе подготовки следственных действий, частью которых является взаимодействие лица, уполномоченного на проведение допроса, с допрашиваемым, важное значение имеет ряд следующих аспектов:

- принцип производства следственных действий;
- место, время, условия проведения следственного действия;

- информация о лицах, в отношении которых проводится следственное действие (их статус: свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого; возраст: совершеннолетний, несовершеннолетний, малолетний и т. п.);
- тактические приёмы, последовательность их применения с учётом возможного поведения его участников;
- стадии следственного действия и др. [2, с. 280].

Тактика допроса (т. е. подготовка, осуществление, фиксация и оценка результатов) в ходе предварительного следствия по делу строится не только на осознании лицом, которому поручено его ведение, процессуально установленных операций по получению информации, но и на ясном понимании им способов побуждения лица, которому могут / должны быть известны обстоятельства расследуемого события, дать показания. Последнее осуществляется на основе разработанных следователем приёмов психологического и рече-коммуникативного взаимодействия с допрашиваемым. Если такие составляющие допроса [13], как принятие решение о допросе конкретного лица; определение вопросов, подлежащих выяснению; передача допрашиваемому лицу необходимой информации о следователе; получение информации, её оценка и фиксация регламентируемы процессуальными нормами следственных действий, то распознавание образа допрашиваемого; преодоление негативных установок допрашиваемого; формирование его конструктивного отношения к деятельности следователя; устранение барьеров общения; закрепление положительных установок допрашиваемого; создание предпосылок для получения полных и правдивых показаний; стимулирование свободного рассказа допрашиваемого обусловливаемы психологической и коммуникативной тактиками, реализуемыми специалистом, ведущим допрос.

Установление и поддержание контакта с допрашиваемым, по мнению А. В. Репина, выступают «в качестве сквозной тактической задачи на всём протяжении следственного действия» [9, с. 181]. Однако следователям не всегда удаётся наладить взаимодействие с допрашиваемым либо в силу объективных причин (например, отсутствия отдельного помещения для допроса), либо по сугубо субъективным обстоятельствам, таким как отсутствие у участников допроса умения добиться расположения собеседника, преодолеть возможное стремление допрашиваемого затруднить общение или его игнорировать. Для эффективного производства допроса любой категории допрашиваемых лиц требуется уже на начальном этапе рабочей стадии допроса установить контакт, добиться расположения «контактного» лица. Дальнейшие стадии допроса (свободный рассказ допрашиваемого, оценка его показаний и их восполнение в ходе дальнейшего допроса) также

осуществляются при балансе рече-коммуникативных стратегий (обмена информацией в ходе вербального общения и считывания невербальной информации) и психо-эмоционального взаимодействия (создание и поддержание атмосферы, располагающей к сотрудничеству).

Особенности проведения следственных действий позволяют выстроить модель рабочего этапа допроса. Так в отечественной науке традиционная модель его модель включает три стадии: установление психологического контакта, свободный рассказ допрашиваемого, оценка и восполнение полученных показаний в ходе дальнейшего допроса следователя [12, с. 2005]. На стадии установления контакта психологи рекомендуют начинать общение с беседы на второстепенные темы об образе жизни, круге общения и т. д., а при проведении самого допроса быть тактичным, говорить уважительно, избегая сложной и непонятной допрашиваемому терминологии и двусмысленности слов. Анализируя особенности психо-эмоциональной составляющей общения участников допроса, исследователи выделяют следующие общие правила его ведения:

- учтивое приветствие допрашиваемого;
- интерес к его личности, внимательное (без перебивания) выслушивание допрашиваемого;
- проявление заинтересованности в результатах расследования, озвучивание положительных правовых последствий сотрудничества;
- изложение вопросов в доступной для восприятия допрашиваемого форме [2, с. 281; 8, с. 81].

Основными способами получения информации при допросе являются беседа и наблюдение. Наблюдение позволяет сделать выводы о личности допрашиваемого, типе его темперамента, на основании чего можно выбрать тактику поведения, а беседа включает в себя поток вербальной и невербальной информации, дополняющих друг друга [1, с. 112]. Помимо наблюдения и беседы, выделяют также метод эксперимента, приёмы убеждения, опоры на положительные качества, выжидания, неожиданности и пр. Ясно, что для эффективного взаимодействия с допрашиваемым требуется комплексный подход — совокупность знаний и навыков не только в области процесса следствия и криминологии, но и риторики и психологии.

Так как средством установления психологического контакта и ведения допроса выступает речевая (вербальная) составляющая, то немаловажен такой фактор, как индивидуальный характер владения языком лицами, ведущими допрос. Точнее, их способность использовать систему средств языка, носителями которого они являются, в соответствии с функциональным (целевым) назначением, что определяет языковую личность человека. К

элементам языковой личности следователя относят метакоммуникативные (по поводу самого общения) и коммуникативные средства. К первым относится речь в начале допроса, направленная на соблюдение требований процессуального законодательства. Она состоит из разъяснения допрашиваемому его прав, предупреждений об ответственности за дачу ложных показаний, запроса на согласие проведения видеосъёмки и т. д. Так как данные действия представляют собой своеобразный повторяющийся при допросах монолог следователя, его речь, как правило, звучит в ускоренном темпе без особой эмоциональной окраски. Также метакоммуникативные средства включают в себя средства, направленные на контроль:

- темы и предмета обсуждения (просьбы об уточнении, проверка понимания сторонами друг друга);
- качества разговора — его точности и уместности (просьбы дополнить рассказ или ответить на дополнительные вопросы);
- истинности информации (просьбы уточнить причины, побуждающие допрашиваемого скрывать или искажать истину, изобличение допрашиваемого в даче ложных показаний и/или речевой манипуляции [см. 5; 7]).

Основным средством коммуникации выступают реплики-стимулы в форме вопросов: «Что? Где? Когда? Кем? Каким образом? С чьей помощью? Почему?». Такие вопросы позволяют избежать наводящих вопросов, а с ними и давления на допрашиваемого. Стоит отметить, что, несмотря на регламентированность формы и структуры допроса нормами уголовного процессуального права, следователь всё равно проявляет себя как человек и личность. Так, личностное отношение следователя к допрашиваемому, сложившееся в ходе расследования дела или установившееся в результате личного общения, может проявляться в форме обращения (на «вы» либо на «ты»), в способе именования собеседника (по имени / имени-отчеству / по фамилии / кличке), в выборе лексики (использование терминологии или преобладание разговорных или внелитературных (просторечных, жаргонных или даже диалектных) форм речи). Помимо этого, определять речевое поведение следователя может статус допрашиваемого (например, по отношению к жертвам преступлений может проявляться сочувствие, а при допросе подозреваемого — раздражение и неприязнь [11, с. 63–66]); возраст и психо-эмоциональное состояние допрашиваемого (например, при допросе малолетних); компетентность и профессиональная репутация (при допросе эксперта (специалиста)) и др. [2, с. 293].

Таким образом, следователь, являясь ключевым организационным звеном проведения допроса: он не только исполняет формально

определённые функции и полномочия, но и проявляет грани своей языковой личности, формирование и развитие которой заслуживает особого внимания ещё на стадии обучения в вузе. Языковая культура не является врожденным качеством человека. Необходимость целенаправленно и последовательно её формировать выявляет существенность в системе юридического образования лингвистических дисциплин и активного их применения в комплексе подготовки специалистов соответствующей сферы. На данный момент основы построения речи и публичных выступлений изучаются студентами юридических факультетов в рамках таких учебных дисциплин, как «Адвокатура», «Русский язык и культура речи», «Риторика». И. А. Ланская и И. С. Ипатова предлагают добавить в качестве обязательного курса тему «Интонация», содержащую комплекс упражнений для формирования и закрепления навыков эффективного владения интонационными возможностями русской речи на практике при минимуме теории. Предметом изучения предлагается сделать составные элементы интонации: мелодику, ритм, темп и тембр голоса, а также её интенсивность, фразовое и логическое ударение, паузацию и акцентирование при построении предложений. К числу образовательных задач авторы относят демонстрацию студентам смысловых и эмоциональных нюансов речи, формирование и закрепление у них навыка учёта логического, эмоционального, эстетического аспектов содержания текста, формирование речи, «вызывающей интерес слушателей, заставляющей внимательно следить за развитием мысли оратора и сопереживать ему» [6, с. 256–258].

Современная наука с появлением в ней новых «пограничных» наук показала эффективность междисциплинарных исследований в различных сферах теоретического и практического знания. В связи с этим перспективные направления лингвистической подготовки юристов построены на интеграции лингвистики и права. Стоит отметить, что синтез этих областей существует на Западе уже несколько десятилетий. Так в 1993 году в Бонне состоялась первая международная конференция по юридической лингвистике, тогда же стал выходить в свет научный журнал «Язык и право». Результаты зарубежных исследований используются в отечественной науке, где особое место отводится такому новому направлению, как юридическая лингвистика. Юрислингвистика сегодня ещё не стала фундаментальной наукой, однако в последнее время всё более приобретает институциональный характер [см. 4].

В расширении междисциплинарной общегуманитарной базы в подготовке будущих юристов и нам видится решение проблемы должной подготовки специалистов, в круг профессиональных обязанностей которых входит активная рече-коммуникативная практика. Как замечают

Л. А. Брусенская и Э. Г. Куликова, «юрист — это человек, профессионально говорящий и пишущий», следовательно, «юридическое образование лингвистично по своей природе» [3, с. 128]. Практика показывает, в компетенцию специалистов юридической сферы входят «профессиональное письмо и говорение» [Там же], а значит, роль лингвоюридических дисциплин в её формировании огромна.

Для достижения будущими юристами высокой степени владения общим и профессиональным языком нужна тщательно продуманная система их обучения. При этом в разработке учебного курса по формированию и закреплению лингвистических навыков студентов-юристов следует руководствоваться не только универсальными учебно-методическими рекомендациями (по воспитанию людей, которые смогут ярко, смело, самостоятельно мыслить, убеждать и побуждать к действию своим словом), но и особенностями региона, на территории которого проходит обучение. Например, в Крыму и Севастополе речь иногда отражает местные диалекты и отголоски использования украинского языка, что отражается в некоторых формулировках («Иванов есть свидетель по делу» вместо «Иванов является свидетелем по делу»), а также произношением (например, специфическое произношение звука «г») [10, с. 87–95]. Немаловажной остаётся установка на регулярное повышение студентом уровня своих знаний и профессиональной квалификации как во время его обучения в вузе, так и позже при осуществлении профессиональной деятельности.

Итак, допрос, как известно, наиболее необходимое, а потому самое распространённое следственное действие. Но одновременно это сложная с точки зрения тактики производства процедура. В ходе предварительного следствия — этапе, обеспечивающем максимальные гарантии установления истины и реализации прав участников процесса — грамотное ведение допроса разных категорий лиц, привлекаемых для выяснений обстоятельств дела, требует применения комплексных знаний и навыков в области процесса следствия, криминологии, а также риторики и психологии. Непосредственное общение участников допроса, конечной целью которого является получение истинной информации по расследуемому делу, обусловлено правильностью выбора допрашивающим форм и стиля общения с допрашиваемым. Языковая культура в целом играет большую роль в различных видах профессиональной деятельности юриста. Чем больше внимания представители данной сферы деятельности будут уделять психологическим и рече-коммуникативным аспектам в процессе допроса, тем более положительным будет его результат.

Литература

1. Аксенова, Л. Ю. Тактические и психологические аспекты допроса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 1 (76). С. 111–117.
2. Балашов, Д. Н., Балашов, Н. М., Маликов, С. В. Криминалистика : учебник для студентов вузов специальности и направлений юридического профиля. 3-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2014. 447 с.
3. Брусенская, Л. А., Куликова, Э. Г. Перспективные направления лингвистической подготовки юристов: новые формы интеграции лингвистики и права // Юрист-правовед. 2017. № 2 (81). С. 125–130
4. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межв. сб. научн. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 11–58.
5. Икитян, Л. Н. Речевые манипуляции героев-provokatorov // Проблемы безопасности в современном мире: I Черноморская научно-практическая конференция МГУ. Севастополь, 2016. С. 183–185.
6. Ланская, И. А., Ипатова, И. С. Обучение студентов-юристов специфике звучащей русской речи // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 256–258.
7. Никитина, К. В. Речевая манипуляция как предмет лингвистического исследования // Вестник Башкирского университета. 2006. Т. 11, № 4. С. 104–106.
8. Прокурова, С. В. О значении психологических знаний, навыков и умений при проведении допроса // Прикладная юридическая психология. 2019. С. 79–87.
9. Репин, А. В. К вопросу о понятии и сущности контакта, устанавливаемого следователем в ходе допроса // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 180–185.
10. Сеница, Д. А., Лыкова, Н. Н. Актуальные проблемы совершенствования речевой культуры юристов (на примере Крымского региона) // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 87–95.
11. Сокур, Е. А. Некоторые аспекты языковой личности следователя // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 4 (168). С. 63–66.
12. Тишков, С. А., Тишков, Д. С. Установление психологического контакта или вовлечение в беседу. Проблема терминологии или различные подходы к тактике допроса // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9 (46). С. 2004–2007.
13. Шве́ц, С. В. Структура и стадии допроса на предварительном следствии с участием переводчика [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-stadii-doprosa-na-predvaritelnom-sledstvii-s-uchastiem-perevodchika>

Дебют в науке

УДК 821.161.1

Карлин Юлия Семёновна

Студентка,
Евпаторийского института социальных наук (филиал),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;
Российская Федерация, Евпатория, e-mail:julia95950@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Ю. К. ОЛЕШИ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

В статье освещаются этапы литературно-критического осмысления творчества Ю. К. Олеси. Рассмотрены различные точки зрения критиков и литературоведов о месте и роли писателя в идеологизированном культурном пространстве раннесоветского периода. Мотивированы причины непринятия художественной концепции и творческой индивидуальности Ю. Олеси первой волной критики. Раскрыт новый взгляд на литературное наследие писателя и многогранность его таланта во время второго литературно-критического периода. Проанализированы современные векторы исследования автобиографических материалов и художественных текстов Ю. К. Олеси.

Ключевые слова: Ю. К. Олеша, советская литература, литературно-критическая рецепция, миф о революции, «Три толстяка», «Зависть», «Ни дня без строчки».

Yulia. S.Karlin

Student of Yevpatoria Institute of Social Sciences (branch)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Evpatoria

LITERARY AND CRITICAL RECEPTION OF YU. K. OLESHA'S CREATIVITY IN THE CONTEXT OF THE EPOCH

Abstract. *The article highlights the stages of literary and critical understanding of the work of Yu. Olesha. Various points of view of critics and literary scholars regarding the place and role of the writer in the ideologized cultural space of the early Soviet period are considered. The reasons for the rejection of the artistic concept and creative individuality of Yu. Olesha by the first wave of criticism are motivated. A new look at the literary heritage of the writer during the second period of literary-critical perception of works is revealed, the versatility of his talent is noted. The modern vectors of research of autobiographical materials and literary texts of Yu. K. Olesha are analyzed.*

Key words: *Yu. K. Olesha, Soviet literature, literary-critical reception, myth about the revolution, “Three fat men”, “Envy”, “Not a day without a line”.*

Для цитирования:

Карлин, Ю. С. Литературно-критическая рецепция творчества Ю. К. Олеши в контексте эпохи // Гуманитарная парадигма. 2020 № 4 (15). С. 139–148.

Творчество Юрия Карловича Олеши оценивалось современниками, в том числе коллегами по писательскому цеху, чрезвычайно высоко. У знатоков литературы оно неизменно пользуется заслуженным уважением, многократно инсценировано и экранизировано в разные годы, однако парадоксальным образом остаётся малознакомым широкому кругу современного читателя. Имя автора, как правило, известно по детской сказке о революции «Три толстяка», при этом другие работы Ю. Олеши: вершинный для русской литературы XX века роман о советской интеллигенции в новых исторических условиях «Зависть», пьесы, посмертно опубликованный писательский дневник «Ни дня без строчки» — редко оказываются в поле научной рефлексии. Это тем более странно, поскольку сейчас активна републикация произведений писателя и их комментирование в рамках издания собрания сочинений. Думается, это подвигает к необходимости подвести некие итоги литературно-критической рецепции творчества Олеши и обозначить ее перспективы.

Одни исследователи (А. В. Белинков, Л. Славин) называют Ю. К. Олешу писателем только своей эпохи, другие (Б. Ямпольский, Л. Никулин) отрицают его привязанность к конкретному историческому периоду. Такое разделение точек зрения свидетельствует о масштабности и неоднозначности оценок литературного наследия писателя [9].

Можно предполагать, что сам писатель — и не без оснований — считал себя экстраординарной личностью. Подтверждение этой мысли находим в

воспоминаниях Л. Никулина. Он рассказал историю о том, как Ю. Олеша захотел купить папиросы. Из окна он окликнул торговца, но старик не увидел его и спросил, откуда тот выглядывает. Ю. Олеша ответил ему: «Я выглядываю из вечности, старик!» [4, с. 71]. Л. Никулин подчёркивает, что эта фраза была сказана писателем с особой экспрессией: «И как это было сказано! Не сказано — провозглашено!» [Там же].

Исторически обусловленной доминантой в творчестве Ю. Олеси становится тема революции. Примечательно то, что писатель отражает эпохальное событие в мифологизированной форме [9]. Это миф о разрушении мира и становлении нового. Но следует отметить, что гибель мира не оборачивается у писателя абсолютным исчезновением, но знаменует завершение определённого порядка, на смену которому приходит иной мировой уклад. Это картина деградации, в результате которой высокая культура упрощается до животного существования [9]. И. Н. Арзамасцева утверждает, что в основе литературного мифа о революции, ставшего одной из особенностей художественного творчества Ю. Олеси, лежат «нравственно-эстетическая двусмысленность революции, поразительное сближение страдания и красоты, гибели и праздника» [1]. Революция, по мнению исследователя, представала в художественном отображении Ю. К. Олеси не столько как праздник-карнавал, сколько как балаган — то есть сложное действие, которое протекало по законам гротеска и трагедии [Там же].

Критические материалы о Ю. К. Олеше по степени отражения в них соответствующего отношения к творчеству писателя, вызванного изменениями общественно-политической жизни в стране, можно разделить на два массива. Первый сформирован литературно-критическими отзывами конца 1920-х – 1930-х гг. Публикация повести «Зависть» в 1927 г. положила начало литературному феномену Ю. Олеси. Особое внимание критики уделялось её содержательной стороне, которая осмыслялась как отражение социального конфликта [12]. В. В. Бадиков, например, отметил, что «Зависть» принесла писателю литературный успех, но философская проблематика произведения вызвала волну бурных споров. Исследователь подчеркнул: полярные мнения литературоведов возникли в процессе анализа образов главных героев «Зависти» — антагонистов Андрея Бабичева и Николая Кавалерова [2].

Борьба старого и нового заключена в самих главных героях произведения Олеси, но схема этого противостояния не имела чётких очертаний. Понимание конфликта старого и нового осложнялось и неоднозначностью изложения. Недоумение вызвала неясность изображения персонажей «Зависти». Литературные критики того времени сделали акцент

на «двойственном» характере повести. А. Лежнев говорит о «колебаниях» автора по отношению к героям произведения [7, с. 213]. А. Луначарский также выразил мысль о нечёткости постановки вопросов в «Зависти»: «Трудно сказать, кому именно из действующих лиц сочувствует автор» [8]. А. М. Игнатова находит причину неоднозначного отношения писателя к главному герою: «...позиция автора по отношению к своему главному герою, Николаю Кавалерову, была неоднозначной, а следовательно, Ю. Олеша видел несколько возможных вариантов развития судьбы интеллигенции в новом мире...» [5]. Диссертант отмечает важную проблему, которую автор поднимает в «Зависти»: «...судьба маленького человека, ощущающего потерянность в новом мире, стала проблемой, волнующей Ю. Олешу» [5]. Исследователь утверждает, что писателя интересовали все основные проблемы своего времени: противопоставление двух миров – старого и нового, воспитание нового типа личности — машиноравного человека, превалирование материальных ценностей над духовными [5], обесценивание, неостребованность в строящемся социалистическом мире «полезной необходимости» внутренних богатств человека [10].

Опираясь на учение А. Бергсона, советский писатель создал особый художественный мир, лишённый всего достоверно объективного. В нём герои погрязли в потоке собственных впечатлений, которые зачастую оказывались ложными. С Иваном Бабичевым, героем «Зависти», происходит именно то, что выступает следствием из теоретической модели Бергсона: «Ведь представление о непрерывной изменчивости, текучести человеческого сознания, превращавшее его в сплошной поток без всякой „подпоры“, грозило опасностью „распадения“ личности» [3].

Общий характер критики 20–30-х гг. отражал переустройство общественной жизни. Литературные деятели, навязывая писателю свою идеологическую позицию, настаивали на том, чтобы он перестроил своё мировоззрение, идейно-художественную концепцию произведений, а также начал писать исключительно о положительных сторонах революции. Следствием такого поворота событий стало то, что Ю. Олеша признал право критиков «диктовать» правила его литературного творчества. Тон его публикаций стал оправдательным, писатель неустанно разъясняет, что именно он хотел написать, какие задачи ставил перед собой. Он предпринимает реальную попытку перестроиться и, «изъяв» своё «я» из «новых рассказов», вычёркивает себя из творчества [12].

Вторую половину 1930-х гг. можно обозначить символическим завершением первого периода литературно-критического осмысления творчества писателя. В это время в стране окончательно устанавливается

тоталитарный режим, а в литературе формируется единый поток писателей и поэтов, восхваляющих новый советский порядок.

Вторая волна критической рецепции творчества Олеши берёт начало уже после смерти писателя с 1960-х гг. и продолжается в настоящее время. В 60-е гг. XX в. статьи о писателе появляются в специальных сборниках, например, в книге «Литературная Одесса 20-х годов» (1964), а также в периодических изданиях университетов и институтов [12]. В 1965 г. была издана книга дневников Ю. Олеши «Ни дня без строчки». Это событие стало причиной многочисленных публикаций о писателе. Уникальность данного произведения открыла второе дыхание в осмыслении его таланта. Книге посвящены статьи Л. Лазарева, В. Огнева, В. Перцова, А. Урбана. Большей частью рецензентов она рассматривалась как целостное произведение, показавшее, что творческий потенциал Ю. Олеши не был исчерпан.

Литературоведы поддерживали право писателя на самовыражение. А. Б. Ноткина определяет процесс переосмысления творчества Ю. Олеши следующим образом: «Реабилитация Олеши в критике в общем и целом пошла от противного: если в период первой волны в разборах главенствовали содержательно-социальные аспекты творчества, то теперь все заговорили о словесной пластике, метафорах, — о мастерстве Юрия Олеши. Сменились предпочтения и внутри оппозиций „Зависти“, и Кавалеров стал расцениваться как выражение авторской позиции, противостоящей Андрею и Володе...» [12].

В этот период изучение творчества писателя характеризуется аргументированностью, подробностью и грамотностью разбора. Тенденция рассмотрения социального компонента в произведениях Ю. Олеши стала изучаться в контексте плана выражения.

Справедливый взгляд на творчество Ю. К. Олеши сформировался в литературном мире именно во время второй волны критики. Отмечается новаторский подход писателя к построению композиции художественного произведения. Исследователь Комия Митико утверждает, что новаторским в творческой манере Олеши оказывается приём монтажной композиции, формирование которого оказалось возможным проследить по архивным материалам [6]. Диссертант отмечает: «Мы смогли увидеть, как писатель сначала создавал разрозненные фрагменты произведения, а затем монтировал их в единый ход повествования... В стилистике „Зависти“ на первый план выходит зрительное восприятие явлений, а также приём остранения, который особенно часто передается через приём „механических глаз“, то есть благодаря восприятию действительности через отражение в зеркале или увиденной в бинокль, через очки, зафиксированной фотоаппаратом» [6]. Более того, Комия Митико видит в творчестве Ю. Олеши

черты, определяющие направление литературного процесса второго десятилетия XX в.: «...в образах братьев Бабиных воплощена не только социальная, но и литературная проблематика двадцатых годов. Иными словами, создавая „Зависть“, писатель творил метароман, описывающий литературные взгляды, полемика которых определяла направление литературного процесса 1920-х годов. В своих героях он персонифицировал различные эстетические концепции того времени» [6].

Г. Н. Мусагитова акцентирует внимание на автобиографичности произведений писателя, рассматриваемых с точки зрения когнитивистики: «В творчестве Олеша превалируют эксплицитные эготивные модели неакционального типа с автобиографической референцией, где рефлексивные когнитивные структуры преобладают над деятельностными» [11]. Исследователь видит перспективу для дальнейшего изучения творчества Ю. К. Олеша в сопоставлении доминантных концептов его прозаических и драматических произведений [Там же]. Преобладающим же объектом изображения в творчестве писателя Г. Н. Мусагитова определяет «внутренний мир человека (представителя интеллигенции в послереволюционном государстве)... Доминантное место внутреннего мира человека как главной области художественного моделирования писателя объясняет многие особенности „организации“ текста: и композицию, и временные парадигмы, и доминантные концепты, и богатую палитру зрительных и других форм восприятия — в некоем едином ключе авторского отношения к миру и человеку» [Там же].

Анализируя особенности внутреннего мира и мировоззрения Ю. К. Олеша, следует обратиться к его книге «Ни дня без строчки», представляющей собой цикл миниатюрных зарисовок, основой которых стал автобиографический материал. Уже на первых страницах произведения писатель отмечает: «Главное свойство моей души — нетерпение... всю мою жизнь я испытывал мешавшую мне жить именно заботу... о том, что вот надо что-то сделать... то я предполагал, что это «что-то» — это роман, который надо написать, то это хорошая квартира, то очередное получение паспорта, то примирение с кем-либо... можно свести это к парадоксу, что самым трудным, что было в жизни, была сама жизнь — подождите, вот умру, и тогда уж буду жить» [13, с. 225]. Здесь необходимо сделать акцент на том, что Ю. Олеша прямо указывает на усталость от жизни, неудовлетворённость своим существованием. Но уже в следующем абзаце он отмечает противоположное: «Между тем я всегда был оптимистом и очень любил жизнь...» [Там же]. В свете этих свидетельств следует признать, что Ю. Олеша был парадоксалистом своего времени.

Следующим примечательным моментом биографии писателя можно считать встречу Ю. К. Олеси с А. А. Ахматовой. Писатель подчёркивал: «Мне приятно думать, что мы из одного края с ней... Я считаю её одним из виднейших поэтов в русском созвездии XX века...» [13, с. 358]. Более того, можно говорить о совпадении их идеологических векторов. Ю. Олеша в повести «Зависть» посредством изображения «подпольного» персонажа (Николая Кавалерова) в послереволюционной России демонстрирует недостатки советской системы, её пагубное воздействие на духовный мир человека. А. Ахматова также видела проблему во влиянии государственного устройства на судьбу народа. Неслучайным, что во время их встречи Ахматова говорила именно о взаимодействии человека и родины. Ю. Олеша вспоминал: «Она заговорила о том, в частности, что переводит „Макбета“. Там есть, сказала она, строки, где герой говорит, что его родина похожа более на мачеху, нежели на мать, и что люди на его родине умирают раньше, чем вянут цветы у них на шляпах...» [13, с. 358]. Далее писатель отмечает: «Мне очень понравились эти строки из „Макбета“... Эти строки я запомнил, и часто они приходят мне на память» [Там же].

В книге «Ни дня без строчки» Ю. Олеша открыто заявляет о своём будущем творческом успехе: «У меня есть убеждение, что я написал книгу „Зависть“, которая будет жить века. У меня сохранился её черновик, написанный мною от руки. От этих листов исходит эманация изящества. Вот как я говорю о себе!» [13, с. 360]. Далее писатель утверждает: «Безусловно, так: замечательную книгу мы читаем каждый раз как бы заново... И в этом удивительная судьба авторов замечательных книг: они не ушли, не умерли, они сидят за своими письменными столами или стоят за конторками, они вне времени» [13, с. 385]. Это дает основание говорить о том, что объектом своего литературного успеха Олеша считает повесть «Зависть», а о книгах и авторах, находящихся вне времени, упоминает по той причине, что видит себя в числе таких писателей, а свои произведения — в сокровищнице «бессмертного» творчества.

Писатель видит отражение негатива времени, в котором протекает его жизнь, в сфере литературы: «Пусть я пишу отрывки, не заканчиваю — но я всё же пишу! Всё же это какая-то литература — возможно и единственная в своём смысле: может быть, такой психологический тип, как я, и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать — и если пишет, и до известной степени умеет писать, то пусть пишет хоть бы и так» [13, с. 225]. Необходимо обратить внимание на то, что для характеристики литературы раннесоветского периода в данном контексте автор использует ключевые слова «какая-то» и «единственная». Такие определения не случайны, так как

в литературной среде, как и во всех сферах жизни 1920-х гг., происходил раскол, и сама атмосфера времени «подпитывала» духовный регресс. Незаконченность написанного, о котором говорит Ю. Олеша, также можно связывать с влиянием эпохи, с зыбкостью и неопределённостью жизненных ориентиров.

И. Н. Арзамасцева отмечает, что для творческого сознания Ю. К. Олеси характерна особенная острота восприятия исторического настоящего [1]. Исследователь подчёркивает ведущую роль эстетического подхода в непринятии писателем идеи и методов построения «новой» жизни в тоталитарном государстве: «Именно эстетический подход не позволял писателю принять социалистическую программу жизнестроительства целиком, особенно в той её части, где затрагивалось то, что было духовным достоянием самого писателя — ценности культуры» [1]. Далее автор акцентирует внимание на ненужности разносторонне развитой личности в новом советском механизме: «...строительство нового мира невозможно без нового человека — богатого свежими ощущениями, мыслями и мечтами. Однако такая решительная свобода уже не нужна была набирающему силу государству [1].

Говоря о стилистике прозы Ю. К. Олеси, на наш взгляд, следует отметить, что в ней синтезируются метафорическая иносказательность и раскрытие многосторонней реальности: «Художественный образ помимо внешнего плана изображения имеет ещё и дополнительные скрытые планы, требующие прочтения с помощью определённого кода, состоящего из культурно-исторических знаков» [1]. В этом плане творчество Ю. Олеси 1920-х гг. сравнимо с символически-семиотическим уровнем произведений В. Я. Брюсова, М. А. Булгакова, В. В. Набокова. Оно сопоставимо с той линией русской литературы, которая касается тайного в художественном наследии Н. В. Гоголя.

Итогом идейно-эстетических исканий писателя 20-х гг. XX в. является сборник «Избранное». Ю. К. Олеша, стремясь к свободе самовыражения в литературе, пытался соединить в творчестве «я» и «мы». В этой идее писатель стремился воплотить неразрывную связь личности и истории, рассмотреть своё творчество как составляющую культурно-исторического процесса. Достижение данной цели писатель видел в создании образа юного человека, который обладал бы «лучшим из того, что было в... молодости» [14, с. 9]. Распадающейся цепи времен Ю. Олеша мастерски противопоставил единство мира, человека и вечных нравственных ценностей.

Констатируем, что в раннесоветский период творчество Ю. К. Олеси было не понято, подверглось резкому осуждению, а писателя, мечтавшего о

всеобщем признании, ожидал уход из литературного мира, навязывавшего свои жёсткие правила. Тоталитарная система выстраивала литературный процесс в соответствии с установившейся идеологией. В 1920–1930-е гг. произведения писателя оцениваются критиками весьма конъюнктурно, индивидуальный творческий подход Ю. Олеши игнорируется, поскольку всякое инакомыслие расценивается как протест, непринятие установленного «нового» порядка.

Вторая волна критических материалов, берущая начало от 1960-х гг. и продолжающаяся в настоящее время, реабилитирует творчество Ю. К. Олеши. Исследователи рассматривают литературное наследие писателя многопланово, подробно анализируя поднятый им круг проблем и новаторский подход в композиционном построении художественного произведения. После падения тоталитарной системы открываются новые важные стороны писательского таланта Ю. К. Олеши. Автобиографичность произведений раскрывает особенности его внутреннего мира, сложность жизни и творческой судьбы в реалиях советской системы.

Литература

1. Арзамасцева, И. Н. Идеино-эстетические взгляды Ю. К. Олеши (На материале прозы 20-х годов): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.02. М., 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/ideyno-esteticheskie-vzglyady-yu-k-oleshi-na-materiale-prozy-20-h-godov> (дата обращения: 02.12.2020).
2. Бадиков, В. В. О стиле романа Юрия Олеши «Зависть» [Электронный ресурс] // Филологический сборник / Под. ред. Х. Х. Махмудова. Вып. 5. Алма-Ата : КГУ им. С. М. Кирова, 1966. 305 с. URL: http://lib.nkzu.kz/CGI/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=KNIGI&P21DBN=KNIGI&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullweb&C21COM=S&S21CNR=30&S21P01=0&S21P02=1&S21P03=A=&S21STR=%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%BC%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2,%20%D0%A5.%20%D0%A5 (дата обращения: 21.10.2020).
3. Бергсон, А. Собрание сочинений: в 4 т. [Электронный ресурс]. Т. 1. М. : Московский клуб, 1992. URL: <http://dl1.fileportal-9.icu/?page=lending&dt=1&wap=no&size=no&aid=305&key> (дата обращения: 02.12.2020).
4. Воспоминания о Юрии Олеше / Сост.: О. Суок-Олеша, Е. Пельсон. М. : Советский писатель, 1975. 315 с.
5. Игнатова, А. М. Роман Ю. К. Олеши «Зависть»: история создания; опыт научного комментария: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/roman-yuk-oleshi-zavist-istoriya-sozdaniya-opyt-nauchnogo-kommentariya> (дата обращения: 26.11.2020).

6. Комия Митико. Романы Ю. К. Олеши «Зависть» и «Три толстяка» как метапроза: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. М., 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/romany-yuk-oleshi-zavist-i-tri-tolstyaka-kak-metaproza/read> (дата обращения: 28.11.2020).
7. Лежнев, А. О «Зависти» Ю. Олеши // Литературные будни. М.: Федерация, 1929. 320 с.
8. Луначарский, А. Заговор чувств [Электронный ресурс] // Красная газета. № 74. Ленинград, 1929. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-3/-zagovor-cuvstv/> (дата обращения: 21.10.2020).
9. Маркина, П. В. Мифопоэтика художественной прозы Ю. К. Олеши: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. Барнаул, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/mifopoetika-khudozhestvennoi-prozy-yuk-oleshi> (дата обращения: 19.10.2020).
10. Меньшикова, Е. Р. Гротескное сознание как явление советской культуры (на материале творчества А. Платонова, Ю. Олеши, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/grotesknoe-soznanie-kak-yavlenie-sovetskoi-kultury-na-materiale-tvorchestva-platonova-yu-ole> (дата обращения: 09.12.2020).
11. Мусагитова, Г. Н. Способы эксплицирования картины мира автора в прозаическом тексте: деятельностный аспект (на материале творчества Ю. К. Олеши): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01. Омск, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/sposoby-eksplitsirovaniya-kartiny-mira-avtora-v-prozaicheskom-tekste-deyatelnostnyi-aspekt-n> (дата обращения: 28.11.2020).
12. Ноткина, А. Б. Авторская концепция мира Юрия Олеши и тенденции развития русской прозы 20–30-х годов: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/avtorskaya-kontseptsiya-mira-yuriya-oleshi-i-tendentsii-razvitiya-russkoi-prozy-20-30-kh-god> (дата обращения: 21.10.2020).
13. Олеша, Ю. К. Зависть. Три толстяка. Ни дня без строчки / Вступ. ст. В. Шкловского. М.: Художественная литература, 1989. 495 с.
14. Олеша, Ю. К. Избранное. М.: Гослитиздат, 1935. 256 с.

*** Работа выполнена под руководством М. А. Шалиной, кандидата филологических наук, доцента кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиала), ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского».**

Экспериментаниум

Гликерья Околёсина

От тревоги усердно искала я
Средство верное — ветви, кореньица.
Сама жизнь малиной устлала мне
Путь-дороженьку-перекрестницу.

Ждёт судьба не с кнутом, а с пряничком,
Сдобным пряником да с вареньицем!
Оттого для Наталок и Ванечек
Жизнь да к лучшему переменится.

Как бывает: водою талою,
Водой тёплой снега вешнего
Отдаётся река крохой малою
Доле пряничной — воле Всевышнего.

Март 2001

Твоего жду звонка...
Сетка нервов тонка,
 обрывается в дрожи коленной.
Моя участь жалка,
и валять дурака
 будет долго «мучитель» настенный*.

Только — трубки гудки.
В кровь стираю виски:
 ожидание — смерти подобно.
В круг железной тоски
Заперта, как в тиски,
 знаю только одно — будет больно...

Распускается нить**,
стоит нити прогнать —
 ну и вот он — холод могилы.
Тут не время шутить:
начинаю корить
 мироздания закон что есть силы.

Долгожданный звонок!..
Только он — мне упрёк
 за отсутствие в лучшее веры.
Радость, счастье — не впрок.
Укоризна — урок.
Звон в ушах, словно призрак химерный.

14 сентября 2007

* Часы, отмеряющие минуты ожидания.

** Нить жизни.

Возможно ли иначе?

Губить себя? Возможно ли иначе?
Существовать и не вкусить соблазна хмель
Равно хождению за тридевять земель
На верной, но усталой старой кляче!

Не в добродетельных шелках мы, а в грехах,
И встретив на пути судьбу-старуху
Тщеславным сердцем принимаем впопыхах
Её урок не в дар — как оплеуху.

Отмерено по пункту «Аз воздам»,
И мне уж уготовано отмщенье,
Что норовлюсь в драконово ущелье
Втащить бессмертья Божий дар.

И всё ж томлюсь — прощенья не прося,
В закланье душу отдаю от раза к разу,
В надежде лишь на то, что как с гуся
Сойдёт с меня грехов моих проказа.

14 сентября 2007

Новогодний тост (в подражание Чуковскому)

Под косматую шубой ели
Ели мы, песни пели.
Пели песни, ели и пили.
Ели вновь и вновь накатили.

А глядели, как те две газели
На сгоревшие в парке качели.
Оттого, что не пили—не ели
Все до косточек окоченели.

Накатили и больше не ели.
Мы не ели и песен не пели:
Под косматую шубой ели
Мы на звёздное небо глядели.

Так за то, чтоб мы дружно пели!
Густо пили и сытно ели!
Чтобы лыко вязать еле-еле!
Чтобы дрожь и восторг во всём теле!
Чтобы шубой косматые ели
Нас по-прежнему жарко грели!

2001–2010

~

Авторам

Приём материалов
в очередной номер **№ 1 (15) за 2021 год**
журнала
«Гуманитарная парадигма»
проводится
до 1 марта 2021 года.

В следующем году планируются рубрики, посвящённые творчеству
классиков русской и украинской литературы

Ф. М. Достоевского
Л. Н. Андреева,
Леси Украинки

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-гуманитариев — учёных,
исследователей, докторантов и аспирантов, студентов и магистрантов,
работников культурной и просветительской сфер, представителей творческой
интеллигенции.

Наш журнал:
- научно-аналитический,
- практико-методологический,
- литературно-творческий.